

**ДВОЕ ЛГУТ:
КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ**

ЭКСТРАСЕНС ДАВИНА РЕЙВЕН: КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР-2

КАЙЛИ ХАНТЕР

Ложь, убийство и безумие...

Когда Давина становится главной подозреваемой в убийстве в маленьком городке Дейбрик-Фоллс, все складывается против нее. Не имея возможности доказать свою невиновность, она решает провести последние дни на свободе, выясняя личность загадочного человека, недавно похитившего местную школьницу.

Если Давина не может спастись сама, то, возможно, ей удастся хотя бы остановить его террор, прежде чем ее отправят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

Итак, вместе с лучшей подругой Оливией они начинают расследование и следуют за подсказками, но запоздало понимают, что бабушка Давины Бернадетт пропала без вести!

«Двое лгут: Кто должен умереть» — вторая книга из серии криминальных триллеров о медиуме Давине Рейвен. Рекомендуется читать эту серию по порядку.

КАЙЛИ ХАНТЕР

«ДВОЕ ЛГУТ: КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ»

Серия: Экстрасенс Давина Рейвен: криминальный триллер-2

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Нехану

Переведено специально для группы: vk.com/monaburumba

Глава 1

Я вздрогнула, подтянув одеяло к подбородку и уткнувшись в подушку. Полусонная, я почувствовала, как порыв холодного воздуха ласкает мою шею. По идее, здесь не должно быть так холодно. Я всегда держу кондиционер на двадцати четырех градусах.

Когда очередной прохладный сквозняк прошелся по затылку, я перевернулась лицом к окну, заставив себя открыть глаза. Занавеска в спальне развевалась, прокладывая путь между тумбочкой и кроватью, ее край колыхался на ветру всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

Окно моей спальни было открыто. Я резко села.

Сбросив с себя одеяло, вскочила с кровати, схватила с тумбочки электрошокер и прижалась спиной к стене. В замешательстве я вспомнила прошедший вечер. Уйдя с ежегодного благотворительного приема Эдит, я поехала домой. Хотя было еще не очень поздно, Фрэнсис уже спал, вероятно, все еще одурманенный ужином с успокоительным, которым я накормила его перед уходом.

Налив себе стакан холодного чая, я проверила все двери, а затем закрылась в своей спальне, запев оба замка. Хорошо помню, что перед тем, как переодеться из коктейльного платья в футболку и пижамные шорты, я проверила окно. Оно было закрыто. Заперто. Жалюзи опущены и вплотную прилегали к подоконнику.

Теперь жалюзи оказались подняты до самого верха, пропуская ранний рассвет. Прохладный утренний ветерок проникал в открытое окно, раздувая декоративные занавески.

Как? Как открылось окно? Я его открыла во сне? Я опять ходила, пока спала?

Я повернула голову в противоположную сторону. Задыхаясь, уставилась на дверь своей спальни. Мало того, что оба замка не заперты, так еще дверь открыта и прижата к стене комнаты.

«Фрэнсис», — подумала я, когда по спине пробежал холодок.

Я сжала электрошокер обеими руками, скрестив указательные пальцы над курком, готовая нажать на него. Держась спиной к стене, я шагнула вбок, оказавшись между стеной и комодом. Высвободив одну руку придвинула сумочку, лежащую на комод, за ремешок к себе. Прислушиваясь к любым звукам в доме и пытаясь услышать Фрэнсиса, я нащупала во внешнем кармане свой телефон.

Снаружи дома, во дворе, радостно заливались птицы.

Внутри дома до меня доносилось только тихое гудение чего-то механического, скорее всего, холодильника. Я не слышала, как Фрэнсис передвигается по дому. Ни шарканья его ног, ни скрипа половиц. Ни его тяжелого дыхания в коридоре, в ожидании нападения.

Засунув электрошокер под мышку, я отправила сообщение Ноа: «У меня проблемы».

«Ты дома?» — Ноа ответил через несколько секунд.

Я быстро ответила «да», затем подождала.

«Уже еду», — написал Ноа.

Я положила телефон на комод, чтобы снова схватить электрошокер. Опустив взгляд, увидела, как он дрожит в том же ритме, что и мое трясущееся тело.

Мне было не просто страшно. Я испытывала ужас. С меня катился пот, но я чувствовала лишь леденящий страх.

Я была открыта. Куда бы ни посмотрела, я видела потенциальное оружие, которое

Фрэнсис мог использовать против меня. Я попыталась проанализировать все, что находилось в комнате, прикинуть, не пропало ли что-нибудь, учесть оружие, которое, возможно, уже у Фрэнсиса.

В углу я заметила свою бейсбольную битую, на комод — три ручки, а возле лампы — нож для писем. Все это идеальное оружие, но оно учтено. Пока я осматривалась, кое-что привлекло мое внимание. Я опустила глаза и с удивлением обнаружила, что на моей розовой футболке спереди появилась красная полоса.

Чтобы лучше разглядеть, я потянула за нижний край на себя. Кровь. На розовой футболке, которую я надела в постель, теперь появилась широкая полоса крови спереди под углом вниз, от правого плеча до левого бедра. Я посмотрела на свои шорты, затем на голые ноги, но больше ничего не увидела.

Проверила руки, но, кроме пятна на правом бицепсе под рукавом футболки, руки и кисти оставались чистыми.

Это моя кровь? Я задрала футболку и проверила живот, затем оттянула воротник и посмотрела на верхнюю часть груди. Никаких порезов или ран я не нашла. Кровь точно не моя. Я оглянулась на кровать. На постельном белье крови тоже не оказалось.

Я снова посмотрела на себя. Откуда взялась кровь? Как она попала на меня? Неужели отец вошел в мою комнату, пока я спала? Это он открыл дверь? Распахнул окно?

Пугающая мысль ударила в грудь, сдавливая легкие. Как я проспала все, что случилось? На грани слез я сдавленно всхлипнула. Нижняя губа дрожала.

«Ноа, пожалуйста, поторопись», — подумала я, оглядываясь на открытую дверь.

Стоять здесь и дальше небезопасно. Фрэнсис мог ворваться в мою комнату в любую секунду. Мне нужно двигаться. Защитить себя. Запереть дверь. Если успею добраться до двери до того, как Фрэнсис узнает, что я проснулась, смогу закрыться внутри.

На нетвердых ногах, опираясь на комод, я продвигалась к двери. Осталось шесть футов. Пять. Три фута.

Я уже подошла достаточно близко к двери, чтобы видеть кусочек пространства в комнате Фрэнсиса, расположенной в другом конце коридора. Я не могла рассмотреть всю комнату, но конец кровати просматривался. Фрэнсиса там не было. Он не спал в постели.

Два фута.

У меня потекло из носа, а глаза наполнились слезами.

Когда я потянулась к двери, пришлось отпустить левую руку с электрошокером. Я ухватилась за край двери кончиками пальцев и потянула на себя, молясь, чтобы она не скрипнула. Когда до закрытия оставалось не более фута, я подставила ногу, чтобы не позволить двери снова распахнуться.

Я колебалась. Мне очень хотелось знать, где сейчас Фрэнсис. Хотелось понять, что он делает и где находится. Осторожно выглянула, чтобы осмотреть коридор слева. Мне удалось разглядеть торцевой шкаф и спальню Фрэнсиса, но его самого я не обнаружила.

Я должна закрыть дверь, запереть ее и ждать Ноа. Я должна обезопасить себя. Но неизвестность и непонимание, где Фрэнсис и что он делает, пугали меня еще больше. Что, если он затаился и причинит Ноа боль?

Глубоко вздохнув, я повернулась так, чтобы пролезть через щель в один фут и посмотреть в другую сторону. Мои глаза зафиксировали увиденное прежде, чем мозг успел обработать образы. Я спрятала голову обратно внутрь, но не отошла.

В дальнем конце коридора на полу было что-то жидкое.

В кухне, гостиной, коридоре и моей спальне пол сделан из ламината, который защелкивался в пазах. Что бы это ни было за жидкое вещество, оно растеклось по полу в конце коридора в сторону входной двери.

Кухню затопило? Фрэнсис что-то пролил на пол?

Я снова прислушалась, нет ли в доме каких-либо звуков. Ничего не услышав, я взяла электрошокер в обе руки, протиснулась через дверной проем и сделала один шаг в коридор. По стенам плясали тени, а солнечный свет за моей спиной пытался проникнуть во внутреннее пространство.

Выключатель находился в нескольких шагах от меня, но я не решилась зажечь свет. Фрэнсис увидел бы его, услышал бы, как щелкнул выключатель.

Я неуверенно сделала еще один шаг, потом еще один, стараясь ступать вдоль стены, где, как знала, пол меньше скрипел. Пройдя еще два шага, я приблизилась вплотную к жидкости на полу и остановилась у ее края.

Что бы это ни было за вещество, оно тянулось между основными комнатами и уходило в прихожую. Я не могла пройти дальше, не наступив в него, но оставалась слишком далеко, чтобы заглянуть в другие комнаты.

Присев, я опустила палец в лужу. Жидкость была прохладной, почти холодной. Я собиралась понюхать палец, но когда подняла его, то сразу поняла, что это такое. Кровь.

Я резко отпрянула от лужи. Удивленно рассматривая, как далеко она растеклась. Очень много крови. «Слишком много крови», — подумала я, вытирая палец о край футболки.

Мое тело содрогнулось, и я подняла руку, чтобы подавить рвущийся наружу крик. Уставившись вниз на кровь, я не знала, что делать.

«Ноа — парамедик. Он знает».

Но что, если Фрэнсис ранен? Что, если у него нет времени ждать Ноа? Я должна ему помочь, позаботиться о нем. Он мой отец. Я не могу его бросить.

Я попыталась наклониться в сторону, чтобы заглянуть в соседнюю комнату, но находилась слишком далеко от входа. Прикусив нижнюю губу, я шагнула вперед, и кровь покрыла подошву моей ноги. Сделав еще два шага, я пыталась соврать себе, что это всего лишь вода.

Подойдя к краю стены, я увидела Фрэнсиса, который сидел в кресле, откинувшись в сторону и не двигаясь.

Я смотрела на Фрэнсиса, продолжая топтаться в луже.

Его правая рука была приставлена к шее, два пальца все еще оставались сцеплены на рукоятке большого ножа. Лезвие погрузилось под кожу. Кровь залила кисть, руку и, поскольку он опирался локтем на подлокотник кресла, она, должно быть, натекла в лужу на полу.

Я шагнула вперед, протягивая к нему руки, но замерла, когда мое внимание привлекли его глаза. Остекленевшие, туманно-белые глаза. Я уже видела такие глаза. Глаза, которые смотрели мимо тебя, сквозь тебя, не видя ничего. Глаза, затуманенные смертью. Так выглядели глаза моей матери.

— Нет, нет, нет, — бормотала я сквозь слезы, отступая назад, к стене коридора. — Нет, только не это. Этого не может быть.

«Это не по-настоящему, — подумала я, поскользнувшись и едва не упав на мокрый пол. — Я не могу этого видеть. Мне нужно выбраться».

Я бросилась к входной двери. Пока я нащупывала замок, мои мысли кружились в хаосе,

ничего не имело смысла.

Мне нужен воздух. Мне нужно выйти из дома. Я не могу быть здесь. Я не могу смотреть на него. На это насилие.

Выронив электрошокер, я сумела зацепиться одним пальцем за задвижку, отперев дверь, а затем распахнула ее настежь.

Спотыкаясь, выбралась на крыльцо.

«Откуда у него нож?»

Спустившись по ступенькам крыльца, я почувствовала под ногами траву. И рухнула на колени.

Мой отец мертв. Его больше нет. Он покончил с собой.

Я завалилась на бок и улеглась в колючую траву, подтянув ноги к груди.

Я застыла на месте, замедлив ход мыслей и сосредоточившись на отдельных травинках, торчащих из земли в нескольких сантиметрах от моего лица. И тут почувствовала, что растворяюсь в земле. Что-то внутри меня сдалось. Та часть меня, которая всегда продолжала идти вперед. Та часть, которая с раннего детства заботилась о моем отце. Та, которая не оставалась равнодушной.

Я почувствовала, как она исчезает, вытекает из меня, оставляя после себя лишь пустую оболочку.

«Я сдаюсь», — пронеслось у меня в голове, пока я всматривалась в травинки. Это слишком тяжело. Все слишком жестко.

Я знала, что миссис Полсон стоит рядом, закрывая меня от соседей. Что неподалеку Ноа и Бритт, одетые в форму парамедиков, разговаривают с судмедэкспертом. А еще детектив Стоун и офицер Хупер — просто Айзек для всех, кто его знал, — пытались отвлечь шефа Адамса, который твердил всем, кто его слушал, что в смерти моего отца виновата я.

Но даже понимая, что вокруг разворачивается цирк, я продолжала смотреть на травинки. Они как будто удерживали меня в реальности. Я боялась, что если отвернусь хоть на мгновение, то исчезну навсегда.

Поэтому я продолжала смотреть, изучая каждую зеленую стрелку, сравнивая одну с другой, чтобы определить, какая из них выше, зеленее, толще.

Только когда пришла Оливия, меня заставили сесть прямо. Затем, несмотря на протесты шефа Адамса, Оливия и Брейдон подняли меня с земли, провели через лужайку миссис Полсон и затащили на крыльцо ее дома. Зайдя в дом, они проследовали по коридору в спальню миссис Полсон.

За нами в комнату вошла женщина-офицер в форме другого цвета. Она ничего не сказала. Просто стояла и смотрела на меня, когда Брейдон вышел и закрыл дверь.

Я застыла на месте, пока Оливия снимала с меня окровавленную одежду. Она передала каждую вещь женщине-офицеру, которая разложила их по пластиковым пакетам, подписав маркером наклеенные ярлыки. Даже нижнее белье отправилось в пакет. Я осталась обнаженная перед незнакомой женщиной-офицером, понимая, что мне все равно.

Когда офицер провела ватной палочкой по мазку крови на моей руке, я вздрогнула. Она упаковала и это. Когда она закончила, Оливия вымыла мне руки и шею теплой мочалкой.

Стук в дверь заставил офицера отвернуться и приоткрыть дверь на несколько сантиметров. Поскольку я находилась в нескольких футах за дверью, то не видела, кто приходил, но когда офицер снова закрыла дверь, она предложила мне стопку вещей.

Узнав в ней свою одежду, я приняла ее и положила на край кровати. И снова посмотрела на офицера.

— Теперь я могу одеться?

— Нижнее белье и футболку — да, — ответила офицер. — Потом я закончу с взятием необходимых мазков. Постараюсь побыстрее. Мы уже почти закончили.

Когда я натягивала нижнее белье и надевала через голову футболку, руки казались тяжелыми. К тому времени, как я оделась до конца, сил стоять уже не осталось. Я присела на край кровати миссис Полсон, желая уснуть. Хоть ненадолго.

Я едва заметила, как офицер взяла мазок с моих ног и с икры. Мои глаза как будто налились тяжестью. Она осмотрела мои волосы и затылок, когда я наклонила голову вперед. Не знаю, что она искала, но мне было все равно.

— Когда она закончит, — Оливия положила руку мне на плечо, — мы помоем тебе ноги в ванной. Хорошо?

Я просто уставилась на нее, не имея сил согласиться или возразить.

— Все готово, — сообщила офицер, упаковывая в пакет еще одну палочку. — Вы можете приводить ее в порядок.

Оливия проверила коридор, затем вернулась, чтобы вывести меня из комнаты миссис Полсон и провести через коридор в ванную. Усадив меня на край ванны, она подняла мои

ноги и, развернув их, поставила внутрь. Я смотрела на бледно-голубую плитку, следя глазами за белыми линиями затирки, пока Оливия включала воду.

Когда Оливия закончила, она насухо вытерла мои ноги и ступни, а затем помогла мне облачиться в тренировочные брюки-капри. А потом вытянула передо мной толстовку с капюшоном, подождала, пока я просуну каждую руку, а затем повернула меня и застегнула ее наполовину.

Я почувствовала тепло толстовки и потянулась к носкам в руках Оливии. Тепло. Это то, что мне нужно. Мне сейчас ужасно холодно.

— Только левый носок. Я хочу, чтобы Ноа взглянул на твою правую ногу. — Оливия подождала, пока я надену один носок, и вывела меня из ванной. — Ее нога распухла, и ей нужна новая повязка.

— Ноа чем-то занят, — сообщила Бритт, держа в руках свою аптечку. — Он попросил меня проверить Давину. — Бритт посмотрела на меня с грустной улыбкой. — Как ты держишься?

Я попыталась ответить, но поток воспоминаний ударил меня в грудь. Я закрыла глаза, пытаясь заглушить боль. Открыла их снова, когда Оливия усадила меня на диван напротив Бритт.

— Я тебя поняла, — присаживаясь передо мной на корточки, вполголоса проговорила Бритт. — У тебя выдалось чертовски тяжелое утро. — Она осмотрела нижнюю часть моей ступни. — Да, порез выглядит не очень приятно, но не думаю, что это что-то серьезное. Мы обработаем его антисептическим кремом, наложим новую аккуратную повязку и приложим холодный пакет со льдом. Небольшой компресс со льдом должен значительно улучшить ситуацию, но ты должна прикладывать его каждый час, пока припухлость не спадет.

— Брейдон считает, что Давине придется отправиться в полицейский участок для дачи официальных показаний, — поделилась Оливия. — Ты можешь проследить, чтобы Стоун или Айзек были в курсе.

— Я не могу представить, чтобы кто-то не послушал тебя, или чтобы ты позволила им уйти от ответа, но, конечно, — усмехнулась Бритт, глядя на Оливию, пока закрывала колпачок антисептического крема.

— Просто пытаюсь учесть все нюансы, — ответила Оливия. — И в то же время сохранить силы. У меня такое чувство, что потом в полицейском участке мне понадобится каждая унция.

— Ты хороший друг, Оливия Бриджес-Холт, — одобрительно отозвалась миссис Полсон, устраиваясь в своем любимом кресле перед окном гостиной.

После некоторой заминки я поняла, что сказала миссис Полсон.

— Да, хорошая подруга, — согласилась я. Попыталась осмотреться, но голова сделалась тяжелой. Веки смыкались, но я пыталась их удержать открытыми. Изо всех сил концентрируюсь на разговоре, я старалась не отвлекаться.

Бритт закончила накладывать новую повязку, затем с помощью карманного фонарика осмотрела мои глаза, переключая свет туда-сюда.

— Как ты себя чувствуешь, Давина? Голова не болит? Не возникает никаких покалываний?

— Просто устала, — ответила я. — Не могу сосредоточиться. Но ведь это нормально, правда? После... — Я бросила взгляд на стену, ближайшую к моему дому.

— Да, возможно. — Бритт надела мне на руку манжету для измерения давления, после

того как накачала ее, она следила за циферблатом, выпуская воздух. — Хорошо, вот и все. Мы отвезем тебя в медицинский центр на обследование.

— Что случилось? — взволнованно спросила миссис Полсон, с трудом поднимаясь со стула.

— Все в порядке. Мы доверяем Бритт, помните? — проговорила Оливия, усаживая миссис Полсон обратно в кресло. — Бритт, почему ты хочешь отвезти Давину в больницу?

— Учитывая пережитый шок, я ожидала, что ее зрачки будут расширены. Но они у нее совсем узкие. Давление тоже низкое. Может быть, ничего страшного, но я не хочу рисковать. Ноа убьет меня, если с Давиной что-нибудь случится.

— Хорошо, — согласилась Оливия, изучая меня. — Я думаю, это хорошая идея.

— Почему? — спросила я, пытаюсь уследить за тем, что они говорят.

— Потому что ты не споришь. Бритт только что сказала, что повезет тебя в машине скорой помощи в медицинский центр, и ты не споришь. Ты. Женщина, которая беспокоится о каждом сэкономленном и потраченном пенни. В последний раз, когда ты порезалась, я боялась, ты истечешь кровью к тому времени, как отвезу тебя в больницу, но ты все равно отказалась от машины скорой помощи.

Я заметила, как миссис Полсон и Бритт поморщились. Подозревала, это из-за замечания Оливии о смертельном кровотечении, но понимала, что подруга ничего такого не имела в виду.

Поглядела на Бритт и Оливию.

— Почему я не могу прийти в себя? Почему никак не получается сосредоточиться?

— Я звоню Ноа, — заявила миссис Полсон, доставая телефон из кармана фартука. — Он поможет вам довести Давину до машины скорой помощи.

— Давина, — обратилась Оливия, присев рядом с Бритт. — Мне нужно, чтобы ты сосредоточилась. Вспомни прошлую ночь. Ты что-нибудь ела или пила перед сном? Вообще хоть что-нибудь?

Я зевнула.

— Было душно. На улице стояла жара. Я ехала домой с опущенными окнами. Забыла, что в новом грузовике есть кондиционер.

— Значит, ты хотела пить? — спросила Бритт. — Ты пила что-нибудь, когда приехала домой?

Я кивнула.

— Холодный чай. Просто чай со льдом.

Оливия повернулась к Брейдону, который стоял в центре дверного проема, наполовину внутри, слушая наш разговор, а наполовину снаружи, наблюдая за тем, что происходит у моего дома.

— Я сообщу Стоуну. Помощник Кайрон, — Брейдон взглянул на женщину-офицера, которая стояла у дальней стены, наблюдая за происходящим, — вы можете пойти с ними и взять образцы? Зафиксировать это как улику?

Женщина-офицер кивнула.

— Я возьму образец, но детектив Стоун или шеф Адамс должны будут дать разрешение на проведение теста. О чем речь?

— Может быть, в чай со льдом попали седативные препараты Фрэнсиса? — сказала Оливия скорее себе, чем кому-либо еще. — А может, Давине подсунули что-то другое? — Она покачала головой, изучая меня. — Я не уверена, но никогда не видела ее такой.

Ноа вбежал в дверь, чуть не сбив Брейдона, прежде чем пересечь комнату и сесть рядом со мной на диван. Не спрашивая, Ноа взял у Бритт фонарик и осветил мне в глаза.

— Артериальное давление низкое, — сообщила ему Бритт.

— Ладно, Ди, давай проверим тебя, — проворчал Ноа, заводя руку мне за спину и вставая.

Я попыталась идти рядом с ним, но мои ноги ослабли. Как только он вывел меня в дверь, Бритт схватила за другую руку и перекинула ее через плечо, помогая удержать мой вес. Они наполовину пронесли, наполовину протащили меня через двор и погрузили на носилки.

Я несколько раз моргнула, глядя на пушистые облака, прежде чем носилки переместили в машину скорой помощи. Мои веки закрылись. Я попытался открыть их, но безрезультатно. Они были слишком тяжелыми.

Последнее, что я услышала перед тем, как провалиться в сон, это взволнованный голос Ноа.

— Езжай быстрее, Бритт.

Каждый раз, когда я просыпалась, через несколько секунд снова погружалась в сон. Однажды меня разбудил спор между Оливией и доктором Гилмором. Оливия расположилась перед моей больничной койкой, не позволяя ему приблизиться ко мне. Понимая, что доктор Гилмор не совладеет с ней, я снова отключилась.

Когда я проснулась в следующий раз, мне потребовалось несколько минут, чтобы заставить веки открыться. Мой мозг как будто раскис, но я пыталась подтянуться на больничной койке, чтобы сесть.

— Который час?

Кто-то приподнял для меня кровать.

— Почти полдень, — ответил Брейдон, стоя рядом со мной и протягивая пульт для регулировки кровати.

Найдя стрелку вверх, я подняла кровать еще на несколько сантиметров.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Брейдон.

— Как будто кто-то ударил меня лопатой по голове. Так сильно она раскалывается. — Я прищурила глаза, защищая их от резкого света флуоресцентных ламп под потолком. Сдвинувшись, чтобы приподняться на скользких простынях, почувствовала, что на моей ноге что-то есть. Я потянула за одеяло, обнажив ноги. На правой ноге лежал пакет со льдом, зафиксированный липучкой. Я откинула голову на подушку.

— Твой анализ крови дал положительный результат на бензодиазепины, — сообщил Брейдон. — Доктор сказал нам, что у тебя может быть тошнота и головная боль. И, вероятно, несколько часов ты будешь чувствовать сонливость.

— Прекрасно.

Я слышала людей по ту сторону занавески. Судя по оживленным движениям и медицинскому жаргону, я скорее всего находилась в приемном покое медицинского центра, но полной уверенности не было.

— Как тебя угораздило остаться нянькой? Где Оливия? — Я подняла руку, чтобы потереть висок, но рука резко остановилась. Я посмотрела вниз и увидела, что прикована к кровати наручниками. — Что за черт? Почему я в наручниках?

— Оливия в приемной, потому что шеф Адамс заявил, что она мешает его расследованию. А ты пристегнута наручниками к кровати, потому что наш шеф полиции — настоящий кретин.

Свободной рукой я ткнула пальцем в Брейдона.

— Если твои дьявольские отпрыски услышат, как ты назвал кого-то кретином, они будут повторять это в детском саду.

— К счастью для меня, они с моей матерью. Кроме того, я злюсь на шефа Адамса. Все пытаются отвлечь этого придурка, чтобы удержать его подальше от тебя. Даже Кайл и Айзек расстроены.

Мне потребовалась минута, чтобы связать имя Кайла с детективом Стоуном. Стоун просил называть его просто по имени, когда он не на службе. Но я заявила, что пока он не откажется от своей привычки регулярно меня арестовывать, буду звать его по фамилии.

— Шеф Адамс официально меня арестовал? — спросила я. — Или наручники нужны для того, чтобы я не сбежала из города?

— Ты в наручниках, потому что шеф Адамс — идиот. Но нет, официально тебя не арестовали. Однако тебе следует подготовиться. Думаю, это лишь вопрос времени. — Брейдон заглянул под занавеску, ища глазами ноги, затем прошептал: — Я позвонил в окружную прокуратуру и попросил, чтобы они внимательно следили за этим делом, чтобы тебя не подставил под удар слишком ретивый начальник полиции.

— Спасибо, но мы оба знаем, что это все равно случится, независимо от обстоятельств. — Я воспользовалась пультом, чтобы отрегулировать кровать и сесть ровнее. Даже измотанная, я не любила сутулиться. — Итак, каков их план? Они перевезут меня в полицейский участок, раз уж я проснулась?

— Ты проснулась? — спросил Брейдон, приподняв одну бровь. — Или только слегка пришла в себя? Я хочу, чтобы ты молчала, пока не восстановишься на сто процентов, и даже тогда я не уверен, стоит ли тебе давать показания. Это дело об убийстве, Давина. Я не знаю, что делать. Я рекомендую вызвать адвоката из города, чтобы он обеспечивал твою защиту.

Я покачала головой.

— Я понимаю, что это дело об убийстве, но, Брейдон, мне нечего скрывать. И я достаточно пришла в себя, чтобы ответить на несколько вопросов.

— Пока мы одни, не расскажешь, что произошло?

Потирая глаза рукой без наручников, подробно описала все, что произошло с момента, когда я припарковалась у дома накануне вечером, до момента, как очнулась в медицинском центре.

— Почему ты не дождалась Ноа? — спросил Брейдон.

— Потому что я знала, что кровь на футболке не моя. А если она не моя, то это кровь Фрэнсиса. Он мог быть ранен, поэтому я пошла по коридору. И нашла его... — В голове промелькнуло воспоминание о его теле в кресле. Я запнулась, подбирая слова. — Я нашла его в кресле...

— Не продолжай, — сжал мое плечо Брейдон. — Это все ужасно. Как твоему адвокату, Стоун позволил мне войти внутрь и осмотреть место преступления.

— Это было не просто ужасно, Брейдон, — поправила я. — Это было так же.

— Что ты имеешь в виду? Так же, как и что?

Я посмотрела на него, уловив беспокойство в лице.

— Точно так же покончила с собой моя мать. Ножом в горло.

— Что? Ты уверена?

— Уверена. Я никогда не забуду эту картину. Я была еще ребенком, когда нашла ее в таком виде.

— Но зачем ему имитировать ее смерть?

— Понятия не имею, но кровь... — Я покачала головой, стараясь не выдать своих эмоций. — Мне пришлось наступить в лужу, чтобы заглянуть в гостиную. Кровь оказалась холодной на моих ногах, а не теплой. Брейдон, почему кровь была холодной?

Брейдон заколебался, но ответил:

— Судмедэксперт считает, что Фрэнсис умер около трех часов ночи. Ты написала Ноа около шести. В котором часу ты ушла со сбора средств вчера вечером? В полночь?

— Нет, не в полночь. По крайней мере, на час раньше. Может быть, в десять тридцать или одиннадцать. Остин может знать, во сколько я ушла с вечеринки. Он проводил меня до машины. Нога болела. Я поехала домой пораньше, собираясь приложить к ней лед, но так и не сделала этого.

Брейдон указал на пакет с капельницей.

— Они ввели тебе антибиотики вместе с другими лекарствами. Доктору не понравилось, что твоя нога опухла и покраснела.

— Да, танцевать вчера вечером на приеме было не слишком умно. Знала ведь, что так будет.

Тут занавеска откинулась, и начался настоящий ад. Шеф Адамс начал выкрикивать приказы, чтобы меня вытащили из постели. Медицинский персонал выскочил на шум, требуя от полиции не трогать меня. Брейдон заслонил конец моей кровати, а Оливия вбежала в главную комнату, встала перед шефом Адамсом и обрушила на него поток ругательств, от которых я даже вздрогнула.

Айзек закатил глаза и, пока все вокруг увлеченно перекрикивались, подкрался и отстегнул наручники. Когда он отошел от кровати, я увидела Стоуна на другом конце толпы, прислонившегося к стойке сестринского поста. Он неодобрительно покачивал головой, глядя на царящий вокруг хаос.

Спустя десять минут все по-прежнему кричали, включая Брейдона, который делил свою энергию между попытками предотвратить арест жены и спорами о законе с шефом Адамсом, когда мимо толпы проскользнул Ноа.

Оказавшись рядом с моей кроватью, Ноа ознакомился с показаниями медицинских мониторов, затем посмотрел на меня и протянул завернутый в фольгу пакет.

— Печенье. Мама просила тебе передать.

— Я проголодалась, но еще не завтракала. Не уверена, что готова к печению. Может быть, позже.

— Они вполне подойдут на завтрак. Это овсяное печенье с изюмом. Кроме того, тебе не помешает подкрепиться.

Овсянка — это еда для завтрака, — рассудила я. Развернула фольгу, и сначала протянула печенье Ноа, а затем откусила другое сама. И застонала. Оно было таким вкусным.

— Что-нибудь известно об их планах? — спросил Ноа, кивнув в сторону шефа Адамса и детектива Стоуна.

— Я почти уверена, что они потащат меня в полицейский участок. Вопрос только в том, когда. Почему ты не в форме? Я думала, ты сегодня работаешь.

— Я нашел себе замену на оставшуюся часть дежурства. Хочу сегодня присмотреть и за тобой, и за мамой. У нее сильный стресс. Для ее здоровья это не очень хорошо. Последнее, что нам нужно, — повторный инсульт.

— О, нет, — проговорила я, положив свою руку поверх его. — Я чувствую себя ужасно. Как я могу помочь?

— Просто поправляйся. Она увидела, как тебя грузят в машину скорой помощи, и для нее это было уже слишком.

Я потянулась к пульту и нажала кнопку вызова.

Медсестра пробралась сквозь толпу и остановилась рядом с моей кроватью.

— Вам что-нибудь нужно, Давина?

— Да. Меня нужно выписать. И если вы это сделаете, я дам вам в награду домашнее овсяное печенье.

— На мое счастье, врач уже подписал разрешение на выписку, — заявила медсестра, отсоединяя мою капельницу и снимая все провода и датчики, которые подключали меня к мониторам. — Дайте мне знать, если вам нужна помощь, чтобы одеться.

Как только она отключила меня от всех мониторов, я протянула ей печенье в фольге. Она усмехнулась, взяла печенье и удалилась в сестринскую.

Ноа протянул мне пакет с одеждой из-под кровати. Я высыпала вещи и сползла под одеяло, чтобы переодеться из уродливого больничного халата, пока все еще отвлечены. Брейдон наконец заметил, чем я занимаюсь, когда я извивалась, пытаясь втиснуть руки в футболку. Он ухмыльнулся, и повернулся ко мне спиной.

К тому времени, когда все успокоились и решили, что я достаточно здорова, чтобы отправиться в полицейский участок для официального допроса, я уже полностью оделась и была готова.

Появилась Бритт, все еще в форме, и катящая инвалидное кресло к моей кровати.

— Я могу ходить, — объявила я ей.

— Нет! — в унисон воскликнули медсестра, Ноа и Бритт, указывая на мою ногу.

Я обменялась улыбкой с Оливией, но приняла помощь Ноа, чтобы подняться с кровати и сесть в инвалидное кресло, балансируя на своей ноге.

— Еще один момент, — сообщил Ноа, встав передо мной и наклонившись. — Я нашел кое-что, принадлежащее тебе. — Он держался спиной к остальным, доставая что-то из кармана рубашки.

— Мой кулон с лунным камнем, — улыбнулась я, взяв ожерелье. — Где ты его нашел?

— Ну, — начал было Ноа, но остановился, потянувшись ко мне и застегнув ожерелье у меня на шее. — Между нами говоря, когда полицейские выносили кресло Фрэнсиса из гостиной, я заметил кулон на ковре. Я стащил его, пока никто не увидел.

Я оглянулась на остальных, желая убедиться, что никто не подслушивает. И сузила глаза на Ноа.

— О чем ты думал? Представляешь, в какие неприятности ты можешь попасть?

Ноа пожал плечами.

— Не волнуйся. Ожерелье валялось под стулом. Если бы оно было в руке Фрэнсиса или в складках кресла, возможно, я бы его оставил. Но под стулом? Брось. Это не улика. То же правило применимо и к тридцати одному центу, которые я нашел, но оставлю себе. Было ничье — стало мое. — Ноа пристроился позади меня, чтобы катить инвалидное кресло. Он объехал толпу и развернул меня в направлении главного входа.

Когда мы выходили из медицинского центра, я поймала себя на том, что тереблю кулон между пальцами. Опустив руку на колени, я улыбнулась тому, что кулон снова у меня. Я думала, что он потерян навсегда. Жаль только, что отцу пришлось умереть, чтобы я смогла его вернуть.

Когда кресло-каталка подпрыгнуло над трещиной в тротуаре, цепочка кулона зацепилась за волосы на шее. Я потянулась вверх, чтобы ее поправить.

— Это та же самая цепочка?

— Нет. Цепочка порвалась. Мама поменяла ее на свою. Наверное, она не такая красивая.

— Последние несколько дней без ожерелья я чувствовала себя странно, но теперь, когда оно снова на мне, ощущение какое-то непривычное. Может быть, это просто потому, что цепочка другая.

Брейдон и Стоун вышли из здания и подошли к тому месту, где мы с Ноа остановились на парковке.

Брейдон бросил плед мне на колени.

— Как видишь, моя клиентка очень слаба и нуждается в отдыхе, поэтому я вынужден настаивать на том, чтобы ее допрос длился не более часа.

Я ссутулилась в кресле-каталке, наклонив голову, чтобы казаться еще более хрупкой. Если это ускорит процесс, я не против подыграть.

Стоун фыркнул, подойдя к Ноа и отодвинув его в сторону. Он толкнул мою коляску по тротуару к покрытой травой парковой зоне.

— Мы едем на пикник? — спросила я через плечо.

— Я хотел поговорить до того, как мы отправимся в участок. Это будет быстрее и менее болезненно, чем когда шеф Адамс присоединится к нам.

— Это официальный разговор? — недовольно спросил Брейдон, следуя за нами.

Стоун проигнорировал Брейдона, усевшись на скамейку напротив меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неважно. Устала. Расстроена. Растеряна. — Я наклонилась, сдернула плед с ноги и отстегнула пакет со льдом на липучке. Уселась обратно и посмотрела на Стоуна. — Сегодня слишком хороший день для этого разговора, но, похоже, у меня нет выбора. Что ты можешь рассказать о смерти моего отца?

— Не очень много. Его тело перевезли в морг. Время смерти — около трех часов ночи. И, как ты знаешь, вероятная причина смерти — кровопотеря. Следов взлома не обнаружено.

— Точно? — Я сузила глаза на Стоуна. — А замок на окне моей спальни проверяли?

— Я видел, что окно было открыто, но не уверен, что криминалисты проверили его на наличие отпечатков. А что?

— Окно было закрыто и заперто, когда я ложилась спать вчера вечером. И оба замка на двери моей спальни тоже были закрыты, но когда я проснулась сегодня утром, и окно, и дверь оказались открытыми. Без ключа дверь можно отпереть только изнутри.

Стоун достал свой телефон, но лишь повертел его в руках.

— Прежде чем я вызову специалистов, возможно, нам следует проверить что-нибудь еще?

— Чай со льдом. Оливия или Брейдон говорили тебе о холодном чае?

Стоун кивнул.

— Мы взяли кувшин из холодильника и стакан, который стоял в твоей спальне. Нам нужен список всех, у кого есть ключи от твоего дома. Если кто-то испортил чай, то, скорее всего, он сделал это, когда тебя не было дома.

— Я не запираю дом днем. Как минимум, дверь на кухню. Входная дверь обычно закрыта, если только Фрэнсис не караулит на крыльце, но каждый вечер перед сном я запираю все двери.

— Не стоит оставлять дом незапертым днем. Это чревато неприятностями.

— Ты уже не в городе, детектив Стоун. Большинство людей не запирают свои двери днем, а многие из них не утруждают себя закрытием дверей и на ночь.

Стоун потер выступившие на лбу морщины.

— Ты не заметила ничего странного или необычного, когда вернулась домой вчера вечером?

— Это надо заносить в протокол, — заявил Брейдон, скрестив руки на груди.

— Брейдон, остынь, — попросила я. — Вопросы довольно простые, и мне нечего скрывать. — И снова посмотрел на Стоуна. — Нет, я не заметила ничего необычного, но я устала и у меня болела нога. Первое, что я делаю, когда прихожу домой, — проверяю, где Фрэнсис. Он спал, поэтому я заперла все двери, налила себе холодного чая, а потом закрылась на ночь в своей спальне.

— Должно быть, это напрягает, — заметил Стоун. — Жить там, где нужно запираяться, чтобы оставаться в безопасности.

— Осторожно, Кайл, — предупредил Брейдон.

— Эй, это обязательно всплывет. Шеф Адамс уже несколько раз упоминал, что Давина убила своего отца, чтобы больше о нем не заботиться.

— В следующую пятницу Фрэнсиса должны были перевести в интернат, — скрещивая руки на груди, сообщила я. — Мои обязанности сиделки практически закончились. Попробуй что-нибудь еще.

Губы Стоуна дернулись в ухмылке.

— Самооборона? Может быть, он напал на тебя, а ты случайно ударила его ножом?

— Нет, он спал. — Я покачала головой. — Если бы я поранила его во время одного из приступов, то обязательно вызвала бы «скорую». Многие могут подтвердить, что я всегда следила за тем, чтобы Фрэнсиса осмотрели, если мне казалось, что он ранен. И даже если бы я каким-то образом умудрилась ударить его ножом, нетрудно догадаться, что заявление о самообороне сработает надежнее, если позвонить в 911. Это гораздо лучшее алиби, чем говорить, что я проспала все, что случилось.

— Да, твоя история слабовата, поэтому шеф Адамс считает, что ты его убила.

— Шеф Адамс надеется, что я убила своего отца. Он не принимает во внимание улики. Он уже много лет хочет засадить меня в тюрьму.

— А что с Фрэнсисом? — спросил Брейдон, возвращая разговор в прежнее русло. — Мог ли он подмешать в чай наркотики? Может, даже притворился спящим?

— Как бы он достал наркотики? — поинтересовалась я. — Ничего подобного я в доме не держу. Даже успокоительные не храню там, где он может до них добраться. Половина лежит в моей сумочке, а другая половина — у миссис Полсон, чтобы у Ноа был к ним доступ.

Брейдон задумался над моим ответом, затем пожал плечами и посмотрел на Стоуна.

— Следующий вопрос?

Стоун покачал головой.

— Мне нечего сказать. Но опять, я не думаю, что Давина это сделала.

— Из-за сходства с самоубийством моей матери? — уточнила я.

— Ты заметила? — спросил Стоун, похоже, удивленный.

— Трудно не заметить большой нож, торчащий из шеи.

— Верно. Но дело не только в ранении. Я не эксперт, но даже угол наклона ножа выглядел одинаково. А тут еще и сам нож...

— Я не узнала нож. Он не из кухонного набора, который я держу запертым в шкафу. Не представляю, как он мог попасть в руки Фрэнсиса.

— Я сравнил фотографию с места преступления твоей матери с фотографией Фрэнсиса. Оба ножа выглядят идентично. Это церемониальные ножи. Такие ножи не найдешь на кухне.

— Церемониальные? Для какой церемонии нужны такие ножи? — с удивлением спросил Брейдон.

— Тебе лучше не знать, — отозвался Стоун, вставая и потягиваясь. — Хорошо, я позвоню экспертам, чтобы они сняли отпечатки пальцев с окна и двери твоей спальни, а затем мы поедем в участок для дачи официальных показаний. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы это прошло быстро.

— Каковы мои шансы быть арестованным сегодня? — спросила я Стоуна.

Поднеся телефон к уху, Стоун посмотрел на меня сбоку и пожал плечами.

— Пятьдесят на пятьдесят.

Я взглянула на Брейдона, но он тоже пожал плечами.

Учитывая обстоятельства — то, что я была дома одна с Фрэнсисом и на моей футболке оказалась его кровь, — шансы пятьдесят на пятьдесят выглядели вполне реальными.

Закончив разговор, Стоун подкатил мою инвалидную коляску к внедорожнику шефа. Брейдон помог мне выбраться из кресла и перебраться на заднее сиденье, а сам сел рядом.

— А что с твоей машиной? — спросила я Брейдона.

— Кто-нибудь может подвезти меня позже. Я не хочу, чтобы ты оставалась наедине с полицией. — Брейдон говорил достаточно громко, чтобы Стоун мог слышать. — И я все еще думаю, что тебе следует пересмотреть свое решение и позволить мне нанять адвоката по уголовным делам из города. Всё может пойти наперекосяк.

— Я подумаю над этим, но пока давай просто переживем этот день. Если повезет, вскрытие докажет мою невиновность.

Брейдон вздохнул.

— Больше всего я боялся, что ты позволишь Фрэнсису убить себя, а не применишь силу, чтобы его остановить. Ты не заслуживаешь ничего подобного.

Я надеялась, что Брейдон прав, но меня пугала моя неспособность вспомнить все, что произошло. Особенно страшно от того, что на прошлой неделе я трижды ходила во сне за город. Если кто-то смог заставить меня сделать это, пройти во сне через весь город, мог ли он обманом вынудить меня убить отца?

Мне следовало бы попросить Брейдона рассмотреть этот вариант, просто, чтобы сохранить ясность, но сейчас не время, когда Стоун мог слышать наш разговор. Я посмотрела на Стоуна в зеркало заднего вида.

— Как шеф Адамс доберется до участка, если ты ведешь его внедорожник?

— Понятия не имею. Я написал Айзеку, чтобы он не высывался. Если нам повезет, шеф не найдет никого, кто бы его подвез, пока мы не закончим с допросом.

— Хитрец, — усмехнулся Брейдон. — Может, ты все-таки хороший коп, а Кайл?

— У меня бывают моменты, но справедливости ради, если улики повернут в другую сторону...

— Да, я понимаю, — кивнула я. — Ты арестуешь меня, если придется, и не почувствуешь при этом ни капли вины.

Последовала долгая пауза, прежде чем Стоун ответил:

— Может быть, я буду чувствовать себя немного виноватым.

Трижды я повторяла каждую микродеталь с момента возвращения домой в субботу вечером до того, как обнаружила своего отца мертвым в кресле. Когда шеф Адамс потребовал, чтобы я в четвертый раз повторила все это, Брейдон пригрозил иском о преследовании. Как ни хотелось шефу арестовать меня, окружной прокурор напомнил ему, что судмедэксперт еще не установил причину смерти Фрэнсиса.

Когда Брейдон вывел меня из здания, облегчение, которое я испытала, длилось недолго. На улице собрались две разъяренные толпы. Слева от меня люди выкрикивали такие слова, как «убийца» и «ведьма». Справа стояли мои друзья и сторонники, осыпавшие первую толпу ругательствами.

Оливия стояла в центре группы поддержки, но, заметив меня, бросилась и потащила к «Хонде» Фрэнсиса, припаркованной на обочине перед участком.

— Это безумие, — заявила Оливия, садясь за руль и заводя двигатель. — Я не могу поверить, что «Вестник» напечатал эту историю. Черт, ума не приложу, как у них хватило времени выпустить специальный выпуск, чтобы так быстро напечатать историю.

— Какая история? Что за специальный выпуск?

— Э-э... — Оливия посмотрела на меня с виноватым выражением лица, прежде чем выехать на улицу. — Они напечатали историю о тебе и Фрэнсисе. Хотя в основном о тебе.

— Понятно, — отозвалась я, глядя в потолок машины и чувствуя желание расплакаться. — Дай угадаю, меня обвиняют в убийстве Фрэнсиса?

Оливия снова посмотрела на меня, затем отвела взгляд.

— Заголовок гласил: «Полиция подозревает местного экстрасенса в жутком убийстве».

— Мне просто не под силу победить. И я уже не уверена, что это вообще имеет значение.

Когда Оливия поворачивала на очередной светофор, внезапная боль пронзила оба моих виска. Я зашипела, закрыв глаза и прижав руки к голове.

— Что случилось?

— Голова. — Боль продолжалась, а остальные чувства отключились из-за разрядов статического напряжения, громко пульсирующего в ушах. — Болит. — Как будто помехи в старом телевизоре без приема, только с включенной на полную мощность громкостью. Больше я ничего не слышала. Ни Оливию, которая, как я знала, находилась рядом со мной, ни шум двигателя машины, когда почувствовала, что она остановилась.

Я открыла глаза, но даже тогда, видела только бело-серые помехи. Я застонала от усилившейся боли, но потом все исчезло. Я прищурилась, внезапно ослепленная солнечным светом по ту сторону лобового стекла.

— Ты меня слышишь? — воскликнула Оливия, схватив меня за левое запястье. — Давина? Ты в порядке?

— Нормально, — ответила я, оглядываясь по сторонам. Оливия припарковалась за двумя другими машинами, съехав на обочину. — Мы можем ехать. Я в порядке.

— Что это было? Что случилось?

— Я не знаю точно. — Я растирала виски, хотя острая боль уже прошла. Осталась только тупая головная боль, легко снимаемая парой таблеток аспирина.

— Ты точно не ударялась головой сегодня утром? Может, мне стоит отвезти тебя

обратно в медицинский центр?

— Нет, я не стучала голову. Что бы это ни было, — я помахала рукой в воздухе, — это какая-то психическая штука, а не медицинская.

— Как видение? — спросила Оливия, выезжая на улицу.

— Видение или иллюзия. Не знаю, как это назвать. Оно расплывалось и звучало громко, пронзительно-громко. Я посмотрела по сторонам. — Куда мы сейчас?

— Тебе куда-то нужно заехать? Или ты хотела куда-нибудь сходить? — настойчиво спросила Оливия, что прозвучало странно.

— Хороший вопрос. Я пока не могу пойти домой, потому что мой дом — место преступления. Стоун сказал, что позвонит мне, когда они освободят его, но до тех пор мне нельзя там находиться. Может быть, к тебе?

— Ну, если ты не спешишь куда-то, я подумала, что мы могли бы заехать в наш новый офис. Мне кажется, это будет неплохим вариантом отвлечься.

— Какой новый офис?

— Я арендовала для нас офисное помещение. Его еще нужно почистить и покрасить, но все будет замечательно. Вот увидишь. Тебе понравится. Ты можешь поверить, что мы это делаем? Это так захватывающе.

— Офисное помещение для чего?

— Для нашего бизнеса, глупышка.

— Моего бизнеса по уборке?

— Нет, для нашего частного сыскного бизнеса. Прошлой ночью мне приснилось, что мы — девушки из старого сериала «Ангелы Чарли», только там не было Чарли и было только два ангела — ты и я. — Оливия посмотрела на меня, когда ее восторг немного утих. — Ты не выглядишь обрадованной.

— Извини, я просто пытаюсь понять смысл твоих слов.

— Ох, нет. Я забыла тебе все рассказать. Упс. Я собиралась.

— Частные детективы? Мы? Ты с ума сошла? — Я развернулась боком, чтобы посмотреть на Оливию. — Я думала, что эта история с частным детективом — просто юридическая уловка, чтобы снять с нас ответственность за участие в деле Тауни?

— Поначалу так и было. Но я навела справки. Оказалось, что мы можем работать следователями в адвокатской конторе Брейдона, пока не получим независимую лицензию. — Оливия пожалала плечами. — Я подумала, почему бы не стать частным детективом? Я имею в виду, мне нужна работа. И давай посмотрим правде в глаза — твой бизнес по уборке помещений катится в пропасть. Так что... Мы станем сыщиками. Это беспроектный вариант, правда?

— Оливия, ты не продумала все до конца. Чтобы мы могли получать доход, нам нужны клиенты, готовые платить.

— Просто выслушай меня, — проговорила Оливия, подъезжая к обочине перед адвокатской конторой Брейдона. — Брейдон должен был оформить нас как следователей для своей юридической фирмы, чтобы прикрыть наше участие в деле о похищении Тауни. И поскольку он уже оформил документы, я решила, почему бы не сделать это по-настоящему. Поэтому вчера вечером на сборе средств я поговорила с Джеки об офисном помещении рядом с конторой Брейдона. — Оливия, выходя из «Хонды», указала на соседнюю с адвокатской конторой Брейдона дверь.

Я замешкалась, но все же вылезла, хромя за ней по тротуару в одних носках.

— Когда я поговорила с Джеки об аренде помещения, она нашла владельца, который, как оказалось, тоже участвовал в мамином благотворительном вечере. После небольших переговоров я подписала договор аренды на полгода и внесла залог. Я получила отличную цену, потому что помещение нуждается в небольшом обновлении.

Я смотрела, как Оливия перебирает связку ключей, пока не нашла тот, которым отпирается стеклянная дверь.

— Кто нас наймет? У нас нет ни подготовки, ни опыта.

— В этом-то и заключается вся прелесть. — Она запрыгала на месте, демонстрируя свою энергию, когда открывала дверь. — У нас уже есть первый клиент. Джеки наняла нас, чтобы найти человека, который похитил Тауни. Представляешь? — Она отпрыгнула в сторону, держа дверь открытой, чтобы я могла войти. — Конечно, нам придется отложить ее дело, пока не снимем с тебя обвинения в смерти Фрэнсиса, но после этого мы начнем дело о похищении.

Я закрыла глаза, пытаясь набраться терпения, необходимого для того, чтобы вразумить Оливию, затем открыла их и вошла в офис. Комната имела прямоугольную форму спереди и короткий коридор сзади. Ковер был порван и испачкан. Стены пожелтели и покрылись пятнами. Навесной потолок пожелтел, пестрел бурыми пятнами от воды и рассыпался. Все помещение представляло собой помойку и пахло еще хуже, чем выглядело.

— Я заплатила очень хорошую цену, — объявила Оливия, скача к центру комнаты и кружась с вытянутыми руками.

— Это место — просто катастрофа.

— Ему просто нужно немного любви. Я уже сделала несколько звонков подрядчикам, чтобы узнать расценки на покраску, замену ковра и установку новой потолочной плитки. А потом мы сможем заняться покупкой мебели. Не успеешь оглянуться, как все будет готово.

— Телефоны, абонентские линии, компьютеры, принтеры, шкафы для документов, столы, стулья и многое другое. Оливия, я люблю тебя, но ты не продумала все до конца. У тебя есть бюджет? Бизнес-план?

— Ну, нет, но... — Оливия огляделась вокруг, нахмурившись. — Ты считаешь, что мы не сможем это сделать?

— Просто послушай меня минутку. Очень быстро, просто грубые цифры, прикинь, сколько тебе нужно денег на ремонт этого помещения, плюс арендная плата за шесть месяцев.

Я ждала, пока она оглядывалась по сторонам, покачивая головой, складывая все.

— Теперь вычти сумму, которую мы заработаем на Джеки — нашем единственном и, вероятно, неповторимом клиенте.

Оливия сморщила нос.

— Ты только что разрушила мою мечту.

— Я не говорю, что ты не справишься, но если на самом деле этого хочешь, если серьезно думаешь вести успешный бизнес, то тебе нужно пересмотреть свой план. Или, как минимум, у тебя должен быть план. Не стоит тратить кучу денег на стартовые расходы. Хорошей идеей было бы работать из дома, но этот корабль уже уплыл...

Я подошла к коридору и заглянула в подсобку, которая выглядела так же плохо, как и передняя комната. На другой стороне коридора находился туалет, требующий чистки отбеливателем.

Оливия обошла меня, чтобы заглянуть в санузел.

— Но как я сделаю это место пригодным для использования, если не могу потратить деньги на ремонт?

— Используй свой мозг. Подумай, как мы можем сделать работу дешевле. Например, покраска. Наверняка, если мы спрашиваем, люди пожертвуют остатки краски, которая у них завалилась. Мы можем смешать неполные банки, нанести ее на стены и считать, что это вполне годится.

Оливия огляделась по сторонам и пожала плечами.

— Ладно.

— Что касается дохода, то нужно найти что-то, что будет приносить больше денег. В Дейбрик-Фоллс не найдется достаточно клиентов, чтобы просто обеспечить свет. Может быть, поискать в Интернете услугу, которая будет приносить доход. Проведи исследование. Узнай, что нужно людям. Например, как предприятия проверяют биографию сотрудников? Подумай, сколько можно заработать на этом занятии и помочь людям.

— Хорошо, в этом есть смысл. — Оливия усмехнулась и принялась за дело. — Ой, погоди. Кажется, у моего отца в подвале есть старая офисная мебель. Мы можем взять ее на время, пока не сможем позволить себе собственную.

— Ну вот. Теперь ты все поняла. Бесплатно, займы, и с использованием наших собственных мышц для ручного труда. — Я приподняла угол ковра, увидев под ним бетонный пол. — Ковер нужно убрать. Думаю, хуже всего пахнет как раз от него. Воняет, как мышьяная моча. После того как мы вымоем бетон, можно будет присмотреть старые ковры, чтобы их постелить.

Оливия снова начала прыгать вверх-вниз, хлопая в ладоши.

— О, я могу вытащить ковер. Думаю, у меня получится. Это будет так весело. Мы можем начать?

— Не уверена насчет веселья, но это должно хорошо отвлечь. — Я отбросила угол ковра и вытерла руки о брюки. — Но нам нужно поговорить.

Оливия снова надулась.

— У тебя серьезное лицо. Я надеялась, что ты будешь в восторге.

— Дело не в этом, — махнула я рукой в сторону комнаты. — Ну, не совсем. Дело во Фрэнсисе. Я должна тебе кое-что рассказать. То, что я еще не сказала даже Брейдону, но обязательно это сделаю.

— Что? Что случилось? — Оливия прикрыла рот рукой, на мгновение замолчав. — Извини, глупый вопрос. Я имела в виду, что случилось, кроме того, что твой отец только что умер, твой дом — место преступления, и полиция подозревает тебя в убийстве?

Оливия проводила большую часть своего времени в гиперсчастливом состоянии. И хотя она была моей лучшей подругой, и я знала, что могу ей доверять, однако сомневалась, что поступаю правильно, выплескивая на нее свои негативные мысли. Но если не она, то кто? Кому еще я могу верить?

— Что бы это ни было, просто скажи мне. Все не может быть так плохо.

— Оливия, а что если я это сделала?

— Стала частным детективом?

— Нет. Что, если я убила Фрэнсиса?

Оливия сделала шаг назад, ее глаза расширились.

— Конечно, нет! Зачем вообще говорить такое?

— Я спала. Я ничего не помню. Знакомая картина?

— О, лунатизм...

— Да, лунатизм. Что, если я убила Фрэнсиса во сне? Что, если кто-то внушил мне, чтобы я его зарезала?

— Ух ты, тут невольно задумаешься. Не могу поверить, что ты все это держала в себе, пока я трещала о красках, мебели и...

— Оливия!

— Ладно, извини. Теперь я сосредоточилась. — Она подпрыгнула на месте, расставив ноги в стороны и положив руки на бедра в позе чирлидера, включая обязательную веселую улыбку. — Я решу этот вопрос за тебя: Ты не убивала Фрэнсиса.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю. Я частный детектив, помнишь?

— Будь серьезна. Пожалуйста. Моего отца ударили ножом в шею.

Оливия вздохнула.

— Да, и это ужасно. Но ты не была вся забрызгана кровью. У тебя осталась лишь одна полоса крови на футболке, как будто кто-то вытер ее об тебя. Если бы ты зарезала Фрэнсиса, ты была бы вся в крови или копы нашли доказательства того, что ты убиралась. Но если ты все убрала... Зачем потом размазывать по себе кровь? Я имею в виду, ну... Это ведь глупо.

— Оливия...

— Да, я серьезно. — Оливия нахмурилась. — Во-вторых, наркотики в твоём организме лишили тебя сознания. Спустя несколько часов ты едва могла ходить. Когда ты бродила во сне, ты спала, но твоё тело функционировало. С наркотиками дело обстоит иначе. Ты пребывала в бессознательном состоянии, так что даже если кто-то и смог бы проникнуть в твою голову, физической возможности совершить преступление у тебя не было.

— Ты моя лучшая подруга. Ты необъективна.

— Я могу быть предвзятой, но не тупая. Если бы тебя нашли в крови, но не под действием наркотиков, я бы уже обзванивала всех экспертов-главврачей, которых смогла отыскать, и они согласились бы, что ты была не в себе, когда умер Фрэнсис. Но только потому, что судья и присяжные никогда не поверят, если скажешь: меня заставил это сделать экстрасенс.

В рассуждениях Оливии был смысл, но я ещё не готова была спустить себя с крючка. Вопросов оставалось больше, чем ответов.

— Есть ещё кое-что.

— Порази меня. Спроси о чём угодно.

— Я не уверена, что хочу это делать, — призналась я, обводя рукой комнату. — У меня голова идет кругом от всего, что произошло. Я не могу думать о следующей неделе, не говоря уже о ближайших планах на пять лет. И мы обе знаем, что меня могут арестовать в любую минуту, независимо от того, считаешь ты меня невиновной или нет.

Оливия начала что-то говорить, но я подняла руку, чтобы ее остановить.

— Но я согласна помочь привести это место в порядок. И поскольку не могу ничего сделать, чтобы доказать свою невиновность, имеет смысл попытаться раскрыть похищение Тауни — это если у меня будет время до того, как меня арестуют. Но сначала мне нужно заняться организацией похорон Фрэнсиса.

— Но ты даже не знаешь, когда выдадут его тело.

— Да. Но если буду медлить, велика вероятность, что я окажусь в тюрьме и упущу свой шанс.

— Ох, точно, получится не очень здорово. Хочешь, я пойду с тобой?

Я направилась к входным дверям.

— Нет. Если ты подбросишь меня до моего дома, я смогу забрать свой грузовик. И у тебя освободится время для составления бизнес-плана и бюджета.

Оливия бросилась меня догонять.

— Я не уверена, что тебе стоит разгуливать на людях. Не все поддерживают Давину. — Оливия открыла входную дверь и придержала ее, пока я, прихрамывая, выходила на улицу.

— Со мной все будет в порядке. Пиши свой бизнес-план. Сосредоточься на нем.

Перейдя тротуар, я открыла пассажирскую дверь «Хонды» Фрэнсиса, когда Оливия перебежала на водительскую сторону. Я не стал говорить, что она не заперла офис. Все равно там нет ничего, что можно украсть.

— Ты останешься у нас, пока не сможешь вернуться в свой дом? — спросила Оливия, заводя машину.

— Нет. Я собираюсь переночевать у Бернадетт. Там уже есть комната для меня, и я смогу побеседовать с ней о некоторых вещах, связанных с экстрасенсорикой. Айзек сказал, что собрал для меня одежду и оставил в грузовике, а также все остальное, что, по его мнению, может понадобиться.

Оливия повернула к знаку «Стоп».

— Давай я поработаю в офисе несколько часов, а потом встретимся с тобой у Бернадетт во второй половине дня? Мы можем начать мозговой штурм по делу о похищении. Кстати, нам нужно придумать злодейское имя для нашего преступника. Называть его парнем, который похитил Тауни и планировал принести ее в жертву, — это слишком длинно. Я подумала называть его Хищник из Синего Сарая.

— Да, потому что это так органично впишется в разговор. — Я закатила глаза. — Почему бы просто не назвать его плохим парнем или мистером Плохим Парнем?

— Это слишком скучно, — запротестовала Оливия. — Я придумаю что-нибудь еще.

— Давай, — согласилась я, откинув голову на подголовник. — Что касается сбора позже, поживем-увидим. День был долгим.

Чтобы понять, что Оливия бросает на меня косые взгляды, мне не требовалось даже смотреть. Я это чувствовала.

— Я в порядке, Оливия. Хватит волноваться.

— Ты какая-то не такая. Не просто устала.

Я ничего не ответила, потому что не знала, что сказать. Я чувствовала себя не в своей тарелке.

Всю свою взрослую жизнь и половину детства я провела, заботясь о Фрэнсисе, и в тот момент, когда все должно было измениться к лучшему, его не стало. Удар судьбы оказался чертовски сильным.

Оливия высадила меня на обочине перед моим домом. На подъездной дорожке стоял мой грузовик, и, подойдя к нему, я обратила внимание на то, как тихо в районе. Если здесь и появлялись мои ненавистники, то они уже ушли. Я бросила взгляд вниз по кварталу, потом на другую сторону улицы, но никого не увидела.

На переднем колесе нашлись ключи, оставленные Айзеком. Отперев машину, я перебрала все, что он положил внутрь. Кошелек, телефон, два пакета с одеждой и мешок с обувью.

Я уже собиралась залезть в кабину, когда вспомнила о краске, которая нужна Оливии для ее офиса. Машинально посмотрела на гараж, зная, что в задней части есть полка, заставленная банками с краской. Большая часть краски пролежала не один десяток лет, но там точно найдутся несколько хороших банок, оставшихся с тех времен, когда я перекрашивала свою комнату. Я набрала Стоуну.

— Да? — в трубке послышался рассеянный голос детектива.

— Могу я зайти в свой гараж?

— Не думаю, что мы проверяли гараж, так что нет.

Я вздохнула.

— Это раздражает.

— Зачем тебе в гараж? Твой грузовик стоит на подъездной дорожке.

— Я знаю, где мой грузовик. Я стою прямо рядом с ним. Но мне нужна краска из гаража.

— Для чего?

— Для нашего нового офиса.

— Что за новый офис?

— Детектив Стоун, мы будем играть в двадцать вопросов или ты позволишь мне взять краску из гаража?

Стоун усмехнулся и сказал:

— Секунду. — Я услышала приглушенные голоса, предположив, что он держит руку над телефоном, разговаривая с кем-то. Раздался какой-то царапающий звук, после чего он сообщил: — Айзек встретит тебя там, но он будет минут через двадцать. Ну что, ты закончила жаловаться?

— Пока да. Спасибо, — ответила я перед тем, как он отключился.

Я опустила телефон в автомобильный подстаканник. Услышав звук открывающейся рядом двери, я посмотрела в пассажирское окно. Мой сосед с противоположной стороны от миссис Полсон, Ник Хурон, вышел из своего дома. Когда он оглянулся, я помахала ему рукой.

Ник пригнул голову и поспешил к своей машине.

Я не могла его винить. Я бы тоже не хотела жить по соседству с женщиной, которая, возможно, убила своего отца.

За год, прошедший с тех пор, как Ник переехал в этот дом, он никогда не отличался дружелюбием, но заслужил мое уважение, несколько раз спасая меня, когда я проигрывала в драке с Фрэнсисом.

Я посмотрела вниз по кварталу, размышляя. Поскольку у меня оставалось время, я

решила провести миссис Полсон, а может быть, и принять душ. Схватила пакет с одеждой и пару старых кроссовок.

Когда я, прихрамывая, направилась к тротуару, то осознала, что Фрэнсиса больше нет, и можно смело идти через двор. Странное ощущение, но я все равно это сделала: пересекла лужайку и подошла к задней двери миссис Полсон.

— Это я, — крикнула, входя на кухню.

— Я надеялась, что увижу тебя. Ты в порядке? Тебе лучше?

— Просто замечательно, если подумать. Я собираюсь остаться на несколько дней у Бернадетт, но если вам что-то понадобится, телефон при мне.

— Со мной все будет в порядке, дорогая. Ты слишком много времени проводишь, беспокоясь обо мне. — Миссис Полсон отложила игральные карты и с серьезным лицом посмотрела на меня. — Неужели полиция и правда думает, что ты убила Фрэнсиса?

— В основном. Брейдон делает все, что может, но мне все ясно. Я ожидаю худшего, так что не буду разочарована. По крайней мере, окружной прокурор предупредил полицию, что им нужно закончить сбор доказательств, прежде чем меня арестовывать.

— Ох, дорогая, это ужасно. — Миссис Полсон нахмурила брови.

Я подошла к креслу и обхватила ее за плечи.

— Я не хочу, чтобы вы из-за этого переживали. Не волнуйтесь обо мне. Все будет хорошо. А вот вам вредно нервничать. Может случиться удар.

— Просто я так боюсь за тебя. Не представляю, как они могли подумать, что ты совершила что-то настолько отвратительное. Это ужасно. Просто ужасно.

— Я знаю, но волноваться — не выход. — Я тяжело вздохнула, затем посмотрела в сторону своего дома. — Это еще не кажется реальным. Что его больше нет. Что он мертв. Теперь мне предстоит похороны. Я должна чувствовать грусть, или злость, или что-то еще... Но ничего не чувствую. Он был моим отцом. Я должна что-то чувствовать. — Я снова посмотрела на миссис Полсон. — Почему я ничего не чувствую?

Миссис Полсон положила руку на мое колено и хлопнула его.

— Ты ощутишь потерю, когда твой разум и тело будут готовы ее принять. Иногда на это требуется время. Иногда она обрушивается на человека, как товарный поезд. Так было, когда умерла твоя мать. Первые три дня я чувствовала себя нормально, а в утро ее похорон расклеилась.

Я вспомнила смерть мамы, ее похороны. Помню, что чувствовала грусть, злость, растерянность, но не помню, чтобы плакала. Может быть, со мной что-то не так. Может быть, я просто сломалась.

Я встала и подняла свою сумку.

— Не возражаете, если я приму душ? Это избавит меня от поездки к Бернадетт, только для того, чтобы потом снова возвращаться в город.

— Конечно.

— Вы самая лучшая, — проговорила я и поцеловала ее в щеку, прежде чем направиться по коридору в ванную.

Водонагреватель миссис Полсон работал с перебоями, поэтому я приняла душ как можно быстрее, прежде чем переодеться в джинсы и футболку. Покопавшись в шкафу, я стащила новую зубную щетку и дважды почистила зубы, просто потому, что чувствовала себя очень грязной, не сделав этого раньше. Несмотря на то, что мне сказали не надевать обувь на травмированную ногу, я, сняв шнурки, натянула старые кроссовки.

Вернувшись на кухню с мокрыми волосами, собранными в хвост, я подошла к раковине, чтобы вымыть несколько грязных кофейных чашек.

— Я взяла зубную щетку из вашего шкафа.

— Если мне не изменяет память, то ты купила эти щетки на распродаже в начале года, — усмехнулась миссис Полсон. — И, как всегда, не позволили мне за них заплатить.

Я улыбнулась ей.

— Хорошо, что Оливия этого не слышит. Она бы сказала, что я предсказала, что мне понадобится зубная щетка.

Миссис Полсон снова засмеялась, переворачивая игральные карты.

— Кстати, об Оливии: нет ли у вас старой краски, от которой вы хотели бы избавиться? Оливия сняла офис в центре города, но пока она не растратила кучу денег из своего трастового фонда, я пытаюсь приучить ее к бережливости и деловой хватке.

— Удачи тебе в этом непростом деле, но, отвечая на твой вопрос, скажу, что да, у меня в гараже около двадцати банок с краской. Прошлой весной я пыталась уговорить Ноа вынести их на свалку, но он сказал, что сделает это позже. Пфф. А значит, никогда.

— Что я сказал? — раздался голос Ноа, когда закрылась входная дверь.

— Краска. В гараже, — пояснила миссис Полсон.

— Ах, да. Ты хотела, чтобы я выбросил банки. — Ноа указал на меня, потом на мою ногу. — Ты должна избегать нагрузки на ногу, пока не спадет отек.

— Все в порядке. Я не буду напрягаться. А если ты сможешь мне погрузить краску в грузовик, то уменьшишь нагрузку на мою бедную травмированную ногу. — Я состроила жалобную гримасу.

— Ты невозможная. Упрямая. Заноза в... — Ноа не закончил последнюю фразу, виновато взглянув на мать, а затем снова на меня. — Зачем тебе старая краска? Некоторые банки, наверное, старше меня.

— Я заставлю Оливию открыть каждую банку с краской и посмотреть, что можно спасти. Потом пусть смешивает и сочетает остатки как хочет, чтобы покрасить обшарпанные стены в своем новом офисе.

— Я даже не хочу знать, — вскинул руки Ноа. — Айзек заехал на твою подъездную дорожку, когда я уже подходил к дому. Ты его ждала?

— Как быстро, — проговорила я, хватая ключи и сумку с вещами. Поспешно выходя из дома, я услышала, что Ноа следует за мной. Но когда я пересекала газон, он остался на тротуаре.

Ноа посмотрел на мою входную дверь.

— Как-то странно, Ди. Как будто в любую минуту старик распахнет дверь и зарычит на нас.

— Хотелось бы, чтобы он так сделал, — согласилась я, обогнув угол дома, где перед моим грузовиком стоял Айзек.

— Ключи? — протянув руку, крикнул он.

Я бросила ему ключи.

— Тот, что с оранжевым язычком на конце.

— Отлично. Дай мне минутку, чтобы осмотреться. — Айзек отпер гараж и вошел внутрь.

— Выключатель — слева, — крикнула я, запихивая в грузовик сумку с вещами.

— Нашел, — отозвался Айзек.

Мы с Ноа подождали несколько минут, пока Айзек не высунул голову из двери и не помахал рукой, чтобы мы вошли. Я пересекла гараж, взяла с полки старую тряпку и вытерла ею пыль и паутину с банок с краской.

— Ты хочешь забрать все это? — уточнил Ноа, потянувшись к верхним банкам.

— Пожалуй, да. От них здесь нет никакой пользы.

— Некоторые банки выглядят довольно старыми, — заметил Айзек, поднимая две жестянки. — Наверное, уже испортились. Даже металл проржавел.

— Это будет проблема Оливии, а не моя. Кроме того, несколько банок я купила всего два или три года назад, когда в хозяйственном магазине была распродажа.

Они вынесли по четыре банки, пока я копалась в коробке с инвентарем. В ней лежали кисти, валики и накладки, а также две емкости для краски. Я отложила все это в сторону, чтобы взять с собой, затем открыла металлический шкаф. На нижней полке стояли шесть банок с небесно-голубой краской для бетона. Я достала одну банку и потрясла ее. Краска забулькала внутри, но пока банки не вскрыты, невозможно определить, насколько она пригодна к использованию. Я вытащила все шесть штук и поставила их рядом с коробкой с кистями и валиками.

Вернулись Айзек и Ноа. Взяв по банке в каждую руку, Ноа поднял одну из них, чтобы посмотреть на ржавое дно. Он уже собирался что-то сказать, когда кусок дна вывалился наружу, заляпав футболку Ноа неоновыми-оранжевыми капельками.

Отложив банку в сторону, Ноа стянул с себя футболку. Свернув ее в клубок, он использовал ткань, чтобы оттереть краску с джинсов и ботинок. Сузив глаза, он отбросил футболку в сторону все еще протекающей банки.

— За тобой должок.

Пригнувшись, чтобы скрыть смех, я схватила коробку с принадлежностями и поспешила на улицу.

Ноа оставался без футболки, пока мы грузили все из моего гаража, затем переместили грузовик к дому его мамы и загрузили ее краску.

Моя нога начала пульсировать, поэтому пока Айзек и Ноа заканчивали погрузку, я прислонилась к грузовику, снимая часть веса с пореза. Миссис Полсон вышла на подъездную дорожку, бросив Ноа свежую футболку. Он усмехнулся, натягивая ее через голову.

— Это последние банки, — сообщил Айзек, загружая в грузовик еще две. — Что-нибудь еще нужно?

— Миссис Полсон, — указала я на ее гараж. — У вас в гараже есть рулон ковролина. Вы его для чего-то бережете?

— Нет, не особенно. Когда я перестилала ковер в гостиной, то купила слишком много. Он лежит в гараже уже несколько лет. Может быть, в нем уже поселились какие-нибудь насекомые, не знаю.

— Не возражаете, если я его заберу?

— Он в твоем распоряжении. У меня еще есть ненужный ковер в подвале. — Миссис Полсон повернулась к Ноа, приподняв бровь.

— Да, конечно, я принесу ковер, — вздохнул Ноа, направляясь к заднему крыльцу.

— Я подумала, Оливии может это понадобится, — поделилась миссис Полсон, передавая мне пакет. — Там книги, которые я давала тебе, когда ты начинала свой бизнес по уборке. Мне они тоже больше не нужны.

Я заглянула в пакет и увидела комплект из пяти книг. В одной из них рассказывалось о

бюджете малого бизнеса и бизнес-планах.

— Я помню их. Это здорово, спасибо.

Мимо меня прошел Ноа, неся в руках ковер. Он бросил его в кузов грузовика и вернулся через несколько секунд, неся через плечо рулон ковровина, криво усмехаясь, когда погрузил и его.

Миссис Полсон подошла, чтобы заглянуть в кузов грузовика.

— Звучит так увлекательно. Честно говоря, я немного завидую. Если бы я могла лучше передвигаться, то обязательно бы помогла. Мне нравятся ремонты.

Я подумала о словах Ноа, что его мама слишком много времени волнуется. Это вредно для ее здоровья. И решила, что не только мне будет полезно отвлечься.

— Если вам интересно, мы могли бы выделить для вас столик в офисе. Тогда вы сможете нянчиться с Оливией и говорить ей, что делать. Единственное, что она знает о красках и коврах, — это как достать кредитную карточку.

— Я бы с удовольствием, но она может не захотеть, чтобы я вмешивалась.

Я взяла свой телефон из грузовика и позвонила Оливии.

— Я все еще отдираю ковер, — ответила Оливия. — Мне очень нужна пара перчаток.

— Я попробую найти. Я пока дома, так что не успела добраться до похоронного бюро.

— Правда? Почему? Я высадила тебя довольно давно.

— У меня тут полный грузовик старой краски и ковровина для твоего офиса. Но я позвонила потому, что миссис Полсон предложила выступить в роли бригадира и объяснить тебе, что нужно делать при ремонте офиса. Что-то вроде личного эксперта по технике безопасности. Но она беспокоится, что ты не захочешь ее там видеть.

Оливия завизжала так громко, что мне пришлось убрать телефон от уха, пока она не замолчала.

— Это будет здорово. Я так взволнована. Мне пригодятся все советы, которые она готова дать.

— Я так и думала. Просто хотела убедиться.

— Хорошо, но не могла бы ты приехать сюда перед тем, как отправишься в похоронное бюро? Я хочу засунуть этот старый ковер в твой грузовик. Он очень воняет.

После загрузки ковра в мой грузовик я не представляла, что буду с ним делать, но согласилась сначала заехать в офис. Наверное, в такую жару не стоит оставлять банки с краской в кузове надолго.

Закончив разговор, я повернулась ко всем.

— Оливия будет рада, если вы будете ею командовать.

— Прекрасно, — отозвалась миссис Полсон, поворачивая к дому. — Я только захвачу свою сумочку и карты.

Ноа подошел ко мне и улыбнулся.

— Я возьму карточный стол и стул, а потом отвезу маму, когда она будет готова. Где офис Оливии?

— По соседству с Брейдоном, — ответил за меня Айзек, усмехаясь. — Брейдон не так рад, как Оливия, что они будут работать рядышком друг с другом.

— Не сомневаюсь, — фыркнул Ноа.

— Мне нужно вернуться в участок, чтобы закончить кое-какую бумажную работу, — объявил Айзек и повернулся к тротуару. Он пошел по тротуару до самой моей подъездной дорожки.

— Видишь? — заявил Ноа, указывая пальцем на Айзека. — Я не единственный, кого научили не пересекать газон.

Я взглянула на входную дверь своего дома, желая, чтобы отец вышел на крыльцо. Потом опустила взгляд на тротуар.

— Раз уж ты уже вспотел, не хочешь одолжить свои мышцы для разгрузки и повторной загрузки?

— Конечно. Мне больше нечем заняться. У меня смена только в четверг.

— А с Бритт сегодня не зависаешь?

— Прячусь от нее — это точнее, — отозвался Ноа. Он оглянулся на крыльцо, чтобы убедиться, что мамы нет поблизости. — Бритт перевелась в Дейбрик-Фоллс на полный рабочий день.

— Но я думала, что она просто подменяет Девона, пока он в отпуске.

— Так и было, поэтому я ничего не имел против того, чтобы переспать с ней, но Девон встретил какую-то девчонку в Мексике и решил остаться.

— И что? В чем проблема? Я думала, тебе нравится Бритт?

— Да. Нравится. Но мы будем вместе вроде как все время. — Ноа положил руки на бедра, повернувшись ко мне лицом. — Она даже попросила быть моим напарником. — Наклонившись ближе, Ноа прошептал: — Мне не следовало с ней связываться. Если Девон когда-нибудь вернется, я сверну ему шею.

Я старалась не засмеяться, потому что Ноа выглядел таким серьезным, но держать лицо оказалось трудно.

— Ты будешь жить. А теперь иди и узнай, не нужна ли твоей маме помощь с вещами.

— Ладно, — согласился Ноа, направившись к задней двери, но потом остановился, оглянувшись на меня. — Эй, спасибо, что пригласила маму. Знаю, у тебя много дел, но для меня очень важно, что ты всегда за ней приглядываешь.

— Я отвечаю взаимностью. Не помню случая, чтобы я не могла на вас положиться.

После долгих погрузок, разгрузок и перемещений краски, ковров и ковролина я наконец поспешила в единственное похоронное бюро Дейбрик-Фоллс. Я старалась не обращать внимания на огромную кучу пропитанного мышьиной мочой ковра в кузове грузовика, пока хромала к главным дверям. Нога пульсировала с каждой минутой все сильнее, но я рассчитывала, что все пройдет быстро. С моим бюджетом вариантов для обсуждения не так много.

Похоронным бюро управлял Бартоломью Гамильтон, хотя при рождении он носил имя Джимми Дэвис. Когда он занял пост главы похоронного бюро города, то официально сменил имя, заявив, что новое имя звучит более профессионально.

Проблема заключалась в том, что мы жили в маленьком городке, где люди крепко держатся за знакомые имена. Имя человека часто сокращали, независимо от того, хотел он этого или нет. Так случилось, когда Джимми стал Бартоломью, и город быстро превратил его имя в комбинацию этих двух имен, прозвав его Джимми-Барт, разрушив все надежды на то, что у него будет более претенциозное имя.

Когда я вошла в вестибюль, Джимми-Барт, похоже, не обрадовался моему появлению. Нахмурившись, он бросился ко мне и, взяв за локоть, повел по коридору, мимо трех кабинетов со стеклянными перегородками, в комнату для хранения документов, заставленную шкафами и старой, сломанной мебелью.

Хотя комната явно не предназначалась для гостей, Джимми-Барт указал мне на стул, зажатый между двумя шкафами с документами, а для себя выдвинул металлический стул. Боль в ноге становилась все сильнее поэтому смахнув рукой пыль со стула, я села.

— Ну, мисс Рейвен, чем я могу вам помочь? — спросил Джимми-Барт.

При разговоре с Джимми-Бартом непросто держать лицо. Это был тощий коротышка с длинным узким лицом, напоминавшим собаку породы бассет-хаунд. Конечно, не помогало и то, что у него были длинные поникшие уши. А когда он принимал серьезное выражение лица директора похоронного бюро, как сейчас, на его лбу появлялись морщины, что еще больше усиливало сходство.

— Вы, наверное, слышали, что мой отец умер сегодня утром. Я надеялась организовать его похороны.

— У вас есть даты проведения службы?

— Нет, пока не могу сказать. Мы можем оформить все без даты, чтобы, если я буду недоступна, служба прошла по плану?

Джимми-Барт заметно побледнел, прочищая горло. Я не сомневалась, что он правильно истолковал «недоступность» в том смысле, что к моменту передачи тела я могу оказаться в тюремной камере. Он взял с крышки одного из картотечных шкафов листок бумаги и ручку.

— Понятно. Мы с удовольствием возьмем на себя все заботы. В каком ценовом диапазоне вы рассчитываете похороны?

Я оставила его вопрос без внимания.

— Я уже знаю, чего бы мне хотелось. Я планирую кремировать своего отца. — От смущения я невольно покраснела. Я лгала. Я хотела похоронить отца рядом с матерью, но не могла себе этого позволить. Придется довольствоваться тем, что его прах будет помещен на ее могилу.

— Я не удивлен, — пробурчал Джимми-Барт. — Мне следовало ожидать кремации.

— Почему это?

— Ну, знает, — Джимми-Барт одернул пиджак и провел руками по бокам, проверяя, ровно ли лежит материал, — с учетом полиции и всего прочего. Я уверен, что вы хотите поскорее избавиться от тела.

Неужели он действительно подозревал, что я хочу кремации, чтобы попытаться скрыть причину смерти моего отца?

— Тело моего отца можно кремировать только после заключения судмедэксперта, поэтому неважно, кремируют его или хоронят. И, если хотите знать, я сейчас не очень-то располагаю деньгами. Вот почему мне приходится его кремировать.

Его лицо покраснело от смущения, и он отвел взгляд.

— Если вам станет легче, то, по крайней мере, ваши похороны оплачены заранее.

Ошеломленная, я уставилась на него, ничего не говоря.

Игравшая классическая музыка внезапно сменилась песней из фильма «Охотники за привидениями», и мы оба уставились в потолок, где из динамика над нами зазвучала музыка.

Джимми-Барт со страдальческим выражением на лице поднял палец, показывая, что я должна подождать, и выскочил из комнаты.

Через несколько минут в комнату заглянул Дэйви Дональдсон, старший мальчик, живший через дорогу от меня, и засмеялся.

— Это был ты? — спросила я, указывая на потолочный динамик.

Дэйви пожал плечами.

— Подумал, что тебе не помешает перерыв. Джимми-Барт может быть слишком назойливым. — Дэйви пригнул голову, шаркая носком по ковру. — Жаль твоего отца. То есть, я знаю, что он был сумасшедшим и все такое, но все же... Он был твоим отцом.

— Спасибо. И спасибо за все те разы, когда ты и твой брат прибегали мне помочь. Для меня это много значит.

— Да ничего сложного. Мой папа всегда говорит, что если потеряет рассудок, то надеется, что кто-то из нас позаботится о нем, как ты о своем отце. — Дэйви засмеялся. — Конечно, мама говорит, что выставит его за дверь, а потом найдет себе другого сладкого папочку, но это только разговоры.

— Вы, семейство Дональдсонов, хорошие люди, — с улыбкой заметила я.

Перестали играть «Охотники за привидениями», и возобновилась классическая музыка.

— Почему ты здесь? В похоронном бюро? — спросила я.

Дэйви пожал плечами.

— Подработка. В основном подметание или прополка. В общем, всякое такое. — Дэйви оглянулся назад. — Мне надо идти. Джимми-Барт возвращается. Сколько времени тебе дать, прежде чем снова его разыграть?

— Не более пяти минут. Больше я не выдержу.

Дэйви усмехнулся.

— Договорились. Увидимся. — Дэйви исчез в коридоре, и через минуту вернулся Джимми-Барт.

— Прошу прощения за заминку, — извинился Джимми-Барт, садясь. — На чем мы остановились?

— Кажется, вы упомянули, что у меня есть предоплаченный похоронный пакет?

— Ах, да. Ваши похороны заранее оплатила ваша бабушка, Бернадетт Куэйд.

— Я знаю, кто моя бабушка. Можно не называть ее имя. Я просто немного не понимаю, как она планировала мои похороны.

— Бернадетт все организовала после смерти вашей матери. Она хотела все предусмотреть. Я могу показать вам гроб, который она выбрала. Это не самый лучший вариант, но весьма популярный гроб среднего класса. Стильный, но бюджетный.

— Нет, мне не нужно это видеть. Что еще она купила?

— Весь комплекс услуг. Место захоронения, надгробие, сопровождение, все дела.

Меня не удивило, что Бернадетт не потрудилась спросить, хочу ли я быть похороненной или кремированной, но то, что она заранее оплатила мои похороны, как будто ожидая, что я буду следующим членом семьи, который умрет, вызывало тревогу.

Я шумно вздохнула, собираясь с мыслями.

— Я могу заменить свой пакет услуг по погребению на кремацию? А потом использовать оставшиеся деньги на организацию похорон Фрэнсиса?

— Я не уверен, что Бернадетт одобрила бы это. Она и правда оформила хороший пакет. Возможно, если покажу, что она купила, вы согласитесь, что это очень продуманный подарок.

— Я хочу, чтобы меня кремировали. Я никогда не мечтала быть погребенной. И не желаю, чтобы меня навещали или приносили цветы. Так что, если мы переоформим гроб, надгробие и похоронные услуги на моего отца, то, как минимум, ее деньги не будут потрачены впустую. Я бы хотела похоронить отца рядом с матерью. Думаю, он бы это одобрил.

— Понятно, — сказал Джимми-Барт, потирая подбородок. Я была уверена, что он пытается придумать, как выжать побольше денег с моего банковского счета. — Я мог бы, пожалуй, разделить средства, а место захоронения вашей матери — это комплекс для семейной пары, так что участок и надгробие организовать будет несложно. Конечно, потребуется немало усилий, чтобы распределить ваши услуги на двоих. Мне придется изучить досье и текущие прайс-листы.

— Если вы не возражаете, я спешу. Сможете посмотреть досье сейчас?

Джимми-Барт задрал нос, поправляя пиджак и усаживаясь поудобнее.

— В таких делах не следует торопиться.

— Я ценю это, но у меня плотный график.

Он встал, наморщив нос, и вышел из комнаты, оставив меня ждать в захламленном складском помещении.

Дэйви просунул голову в открытую дверь.

— Я понял, почему мама не говорит людям, что она его родственница. — Дэйви показал через плечо в сторону коридора.

Я рассмеялась.

— Ты родственник Джимми-Барта?

— Да, он двоюродный брат моей мамы. Но она, как известно, врет, когда ее спрашивают.

— Мистер Дональдсон, — раздался голос Джимми-Барта позади Дэйви. — Я полагаю, у вас есть работа?

— Да, конечно. До встречи, Давина. — Дэйви обошел Джимми-Барта и снова скрылся в коридоре.

Джимми-Барт принес папку с документами и сел на стул напротив меня.

— Мы должны просмотреть каждый пункт, чтобы определить, что останется за вами, а что...

Классическая музыка внезапно сменилась рэпом с громким грохочущим басом, от которого едва не задрожали стены. Мы с Джимми-Бартом посмотрели на потолочный динамик, после чего Джимми-Барт бросил папку с документами на стул и выбежал из комнаты.

«Дэйви Дональдсон — лучший», — подумала я, наклоняясь и беря документы.

Открыв папку, я просмотрела предоплаченный пакет. Взяв из сумочки ручку, пометила рядом с каждым пунктом, что пойдет Фрэнсису, а какие услуги нужно исключить полностью. Внизу страницы вписала новые пункты, например, что мой прах будет помещен в простую деревянную шкатулку и передан Оливии после кремации. Я не экономила. Я на самом деле хотела быть кремированной, и мне не нужны пышные проводы.

К тому времени, когда музыка снова переключилась на классику, я закончила делать пометки. Я уже собирала свои вещи, когда снова появился Джимми-Барт.

— Я подробно указала все, что вам понадобится. Позвоните мне, если возникнут вопросы.

Джимми-Барт шел за мной по коридору, читая сделанные мною записи.

— Без цветов? Но цветы нужны всем.

— Мой отец не любил цветочные композиции. Он всегда говорил, что цветы должны оставаться посаженными в землю, а не срезанными и поставленными в вазу. Поэтому рядом с маминим надгробием он поставил цветочные горшки, и там теперь растут многолетние растения.

— А как же прощание? Без церемонии прощания совсем? И никаких программ? Все делают программы.

— Нет ни того, ни другого. Достаточно будет только могильной службы. Мы пригласим друзей и родственников на могилу сами, так что в официальном объявлении нет необходимости. Если я буду недоступна, свяжитесь с Оливией или миссис Полсон. Они сообщат тем, кому нужно знать дату и время. Это короткий список. За последнее десятилетие у моего отца было не так много друзей.

— Но... — начал возражать Джимми-Барт, как музыка снова сменилась гулом тяжелых басов, и Джимми-Барт без дальнейших споров повернулся и побежал в сторону главного офиса.

Из комнаты для посетителей вышла маленькая сморщенная старушка, огляделась по сторонам и подмигнула мне, после чего сунула в свою сумочку поднос, полный печенья. Она хихикнула и убежала обратно в комнату для посетителей.

Справа от меня послышался смех, и, обернувшись, я увидела Дэйви, который стоял возле дверей и держал одну из них открытой для меня.

Я вышла на улицу.

— Это место просто потрясающее.

Дэйви последовал за мной к грузовику.

— Как ты продолжаешь менять музыку?

Дэйви повертел в руках свой телефон.

— Скачал приложение. Оно работает как пульт дистанционного управления для стереосистемы. Джимми-Барт не может понять, почему музыка постоянно меняется.

— Ну, спасибо. Благодаря тебе очень неприятное поручение стало забавным. Думаю,

мне это было необходимо.

— Не сомневаюсь. Я знаю, что эта история с Фрэнсисом вышла из-под контроля. Просто знай, что мы рядом, если тебе что-то понадобится. Никто из нас не думает, что ты навредила Фрэнсису.

— Спасибо, — похлопав Дэйви по руке, ответила ему. — Я ценю это. Но тебе лучше вернуться к своей прополке, пока не возникли проблемы. Увидимся.

Я открыла дверь своего грузовика и забралась внутрь, но потом осталась сидеть, наблюдая, как Дэйви беззаботно идет к зданию. Он был хорошим парнем — веселым парнем. Если бы мне пришлось уехать из дома, из района, я бы скучала по жизни рядом с Дональдсонами, но не так сильно, как по моей соседке миссис Полсон.

Вздохнула, заводя машину. Когда из вентиляционных отверстий мне в лицо повалил ледяной воздух, я вспомнила, что дома включен кондиционер. Тогда достала телефон и позвонила Стоуну.

— И что теперь? — ответил Стоун.

— Меня беспокоит мой счет за электричество.

— И как именно это меня касается?

— В доме включен кондиционер. И я не знаю, точно ли закрыто окно в моей спальне и выключили ли твои люди весь свет, когда уходили. У меня меньше трехсот долларов в банке, всего два клиента, над головой висит обвинение в убийстве, и все мои будущие доходы зависят от дурацкой затеи Оливии открыть частный сыскной бизнес, который, как мы оба знаем, не имеет ни малейшего шанса на успех.

Последовала долгая пауза, прежде чем Стоун заговорил.

— Похоже, у тебя стресс.

— Да, наверное, планирование похорон отца так действует на человека. — Я вздохнула, глядя на проезжающие по улице машины. Некоторые водители смотрели на меня с опаской. Я съезжилась на водительском сиденье, пытаюсь спрятаться. — Что-нибудь слышно о деле моего отца?

— Не могу ничего сказать.

— Звучит зловеще.

— Не покидай город.

— Куда мне ехать? Я на мели.

— Где ты сегодня остановишься?

— У Бернадетт.

— Звучит забавно.

— Да, весело. Точно. С другой стороны, там уже есть комната, приготовленная для меня. Видимо, моя мать спроектировала ее перед своим самоубийством.

— Почему бы не остаться у Оливии? Я думал, у тебя там тоже есть комната.

— Я не хочу приводить моих ненавистников к порогу Оливии и Брейдона.

— Я понял. Здешняя толпа наконец-то разошлась. Думаю, для них на улице слишком жарко. Знаешь, когда я соглашался на эту работу, у меня было впечатление, что в Дейбрик-Фоллс ничего не происходит. Я даже проверил уровень преступности: в среднем одно уголовное преступление в год.

— Ну, возможно, если бы шеф Адамс не был таким идиотом, у нас было бы и два в год, но ты определенно появился в неудачное время. — Я снова огляделась вокруг. — Как давно ты не был дома? Неделю?

— Я даже не помню. Да и нескоро это будет. В четыре у меня вскрытие твоего отца. Может быть, после этого я поеду домой.

— Удачи, наверное. Насчет возвращения домой и... ну... удачи со вскрытием отца тоже? Уф... Извини. Я уже даже не знаю, что говорю.

— У тебя выдался тяжелый день. Дай себе передышку.

— Ты сообщишь мне, что покажет вскрытие?

— Официально — нет. — Стоун понизил голос и добавил: — Но я заеду к Бернадетт, когда у меня появится возможность. Правда, не раньше, чем через день-два.

— Хорошо. Только не забудь...

— Электричество, — прервал меня Стоун. — Я займусь этим сейчас.

Я приближалась к знаку «Стоп», когда стреляющая боль пронзила оба виска, а затем все, что удалось разглядеть, — это все та же бело-серая пелена. Я машинально искала педаль тормоза, но не успела. Машина ударилась обо что-то, но я не могла видеть ничего, кроме помех. С трудом припарковав машину, я заглушила двигатель.

— Давина! Ты в порядке? — услышала я женский крик, прежде чем раздался звук открывающейся водительской двери.

Боль в висках усилилась. Я потерла виски и зашипела.

— Ты ударилась головой? С тобой все в порядке? Может быть, вызвать скорую помощь? — спросила женщина.

Я не могла ее видеть, но все же слышала.

— Я в порядке. Просто дайте мне минутку.

Так же быстро, как началась боль, она прекратилась. Я снова начала видеть, но смотрела на солнце, поэтому повернула голову к двери и подняла руку, чтобы заслониться от света. Джеки Джонс, моя постоянная клиентка по средам и крестная мать Тауни Далтон, стояла между моим креслом и дверью с обеспокоенным выражением лица.

— Правда, я в порядке. Во что я врезалась? — Я выбралась из машины и поморщилась, когда наступила на правую ногу.

Джеки сделала шаг назад, чтобы дать мне место, но при этом протянула руку к моему локтю.

— Ты ранен? Это лодыжка?

— Нет, просто порез. Полагаю, мне нужно приложить к нему лед. — Я обошла ее и подошла к передней части грузовика. Я сбила металлическую урну, опрокинув ее. Одну из декоративных урн, стоявших в парке.

— Я подниму. — Джеки, подбежала к мусорному баку и поставила его вертикально.

Я принялась подбирать разбросанный мусор. К счастью, не похоже, что я сильно повредила урну. Тогда повернулась и посмотрела на свою машину. Бампер поцарапан, на стекле фары со стороны пассажира трещина. Могло быть и хуже. Я могла сбить человека. Присев на ближайшую скамейку, я откинула голову назад и закрыла глаза.

Джеки присела рядом со мной.

— Ты уверена, что не пострадала?

— Уверена. Правда. Но я благодарна за то, что ты остановилась, чтобы проверить меня.

— Конечно, любой бы так поступил.

Я открыла глаза и посмотрела на Джеки.

— Ладно, не любой, наверное. Но, может быть, это судьба. Я как раз собиралась навестить Оливию, чтобы спросить, узнала ли она уже что-нибудь.

— Пока нет, извини. — Я посмотрела в сторону улицы, чтобы не видеть отчаяния на лице Джеки. — Я хочу быть с тобой честной. Не уверена, что успею закончить дело до того, как...

— До того, как наш тупой шеф полиции ложно обвинит тебя в убийстве? Он такой идиот.

— Да, что-то в этом роде. — Я снова посмотрела на Джеки. — Как дела у Тауни? Как она держится?

На лице Джеки отразился гнев и печаль.

— Сегодня рано утром ее выписали из больницы. Врачи надеются, что ее тревога и приступы паники утихнут, если она будет дома, но я не уверена. Она просто ужасно напугана, понимаешь? И никто из нас не знает, что сказать или сделать, чтобы ей помочь. Пока этот человек не будет пойман...

— Да, понимаю. Она смогла рассказать полиции что-нибудь полезное?

— Нет, ничего. Она как будто забыла обо всем, кроме страха. Она даже не помнит, как он выглядит.

Зная, что этот человек — экстрасенс, я подумала, может, причина, по которой Тауни ничего не помнит, как раз оттого, что он не хочет, чтобы она помнила.

— Джеки, я думаю, мне пока не стоит садиться за руль. Может, ты отвезешь меня к Тауни? А я, надеюсь, смогу с ней поговорить?

— О, конечно, — воскликнула Джеки, вскочив со скамейки и потянув меня за руку за собой. — Я поеду на твоём грузовике и заберу свою машину позже.

Я поморщилась, случайно нагрузив больную ногу. Наверняка порез снова кровоточил.

— Давай ты уберешь свою машину с улицы, а я пойду к своему грузовику не спеша?

Джеки оглянулась в сторону улицы, где ее машину объезжали другие автомобили. Водительская дверь оставалась открытой.

— Да, в этом есть смысл. — Джеки поспешила к своей машине, вытянув руку, чтобы остановить приближающийся автомобиль и перейти дорогу.

Я подошла к пассажирской стороне своего грузовика, опираясь на правую ногу. Оливия будет в бешенстве, когда узнает, что я навестила Тауни без нее. Впрочем, я не только думала, что Тауни будет легче, если буду одна, но и не врала Джеки, что сейчас не могу сесть за руль. Я не понимала, с чем связаны эти статические видения, но пока не выясню, как их контролировать, чем меньше буду ездить, тем лучше для всех.

Припарковав машину, Джеки подбежала и запрыгнула в грузовик. К тому времени, когда я зафиксировала ремень безопасности, она преодолела половину пути до своего района, ведя машину как сумасшедшая.

— Обещаю не убежать, если ты притормозишь, — объявила я ей, одной рукой держась за внутреннюю ручку двери, а другой крепко обхватывая ремень безопасности.

Джеки посмотрела на спидометр, прежде чем сбросить газ.

— Наверное, я просто волнуюсь. Мы с Санни уже договорились, что ты поговоришь с Тауни, но неизвестно, как она отреагирует. Она почти ни с кем не разговаривает.

— Ничего удивительного. Когда моя сестра исчезла, а мама покончила с собой, я тоже не хотела ни с кем разговаривать.

— Иногда я забываю обо всем, что с тобой произошло, в возрасте Тауни. Как ты с этим справлялась?

— Никак. На самом деле не очень. Но пришлось двигаться дальше. Мой отец нуждался во мне. Думаю, именно это больше всего задевает, когда все винят меня в его смерти. Я отдала большую часть своей жизни, чтобы заботиться о нем.

Джеки въехала на дорогу к дому Далтонов и припарковала грузовик.

— Я не верю, что ты причинила боль Фрэнсису, но кажется, другие думают так, потому что не могут представить себя идущими на те же жертвы, что и ты. Это было огромное бремя.

— Я не рассматривала это как бремя. Всегда был выбор. И до недавнего времени я

предпочитала держать его дома. Но когда насилие усилилось, когда он стал слишком опасен, я начала оформлять документы на его переезд. Но у меня всегда были другие варианты.

Санни Далтон вышла на крыльцо своего дома. Она с любопытством посмотрела на Джеки, сидящую за рулем моего грузовика.

— Я должна предупредить, — прошептала Джеки, хотя двери грузовика были закрыты, а окна подняты. — Том близок к тому, чтобы выйти из себя. Он носится по дому как сумасшедший. Не знаю, как он отреагирует на то, что я привела тебя сюда.

— Есть только один способ узнать это, — проговорила я, вылезая из машины и хромая к крыльцу.

— Ты сможешь зайти внутрь? — спросила Джеки, поднимаясь за мной по ступенькам крыльца.

Я уже почти забыла, что на прошлой неделе мне не удалось вздохнуть, когда вошла в дом Далтонов.

— Не узнаю, пока не попробую, наверное. Но пока я ничего не чувствую.

Как выяснилось, далеко мы не ушли. Том выскочил на крыльцо и наставил на меня указательный палец.

— Тебе здесь не место!

Я вопросительно посмотрела на Джеки, но она вздрогнула, глядя между мной и Томом. Санни подошла ближе и положила ладонь на его руку, чтобы успокоить, но он отмахнулся.

— Том, я просто хочу..., — попыталась сказать я.

— Мне все равно что ты хочешь. Уходи, или я вызову полицию. Убирайся! Прочь с моей территории! — Том кричал достаточно громко, чтобы привлечь внимание других соседей, которые выходили из своих домов, чтобы посмотреть, из-за чего все эти крики.

После событий сегодняшнего утра мне меньше всего хотелось давать шефу Адамсу еще один повод для ареста. Я вернулась к грузовику и забралась на пассажирское сиденье. Джеки поспешила на водительское место и завела двигатель.

Когда мы выезжали задним ходом, я заметила, что занавески на правом переднем окне сдвинулись. Там стояла Тауни и смотрела мне вслед. В ее лице смешались грусть и страх. Я провожала ее взглядом, пока не перестала видеть.

Пока мы ехали в офис Оливии, Джеки говорила мало, но это и не требовалось. Ее дрожащие руки сказали о многом. Семья Далтонов распадалась. Я не только чувствовала это, но и видела своими глазами. Гнев. Страх. Смятение.

— Как ты вернешься к своей машине? — спросила я Джеки, паркующуюся у обочины.

— Здесь всего три квартала или около того, — ответила Джеки.

— В этом нет необходимости. Давай я попрошу Оливию или Брейдона. Кто-то из них может тебя подвезти.

Джеки покачала головой и отвела взгляд, протягивая мне ключи от грузовика.

— Мне бы не помешал свежий воздух и прогулка. Проветрить голову, понимаешь?

— Да, я понимаю. Мне жаль, что вы с Далтонами через это проходите. Сочувствую, что это причиняет столько страданий.

— Они — моя семья. Я знаю, что ты это понимаешь. Я вижу тебя с Оливией и ее семьей. Это одно и то же. Может, я и не родная, и мы не живем под одной крышей, но...

— Все наладится. Тауни оправится. Том успокоится.

Джеки смотрела вниз по улице, но я понимала, что она вообще ничего не видит.

— Обещай, что ты найдешь этого человека. Пообещай мне.

— Я не могу обещать. Но уверяю, что постараюсь сделать все возможное.

Джеки напряглась и, похоже, рассердилась, распахнула дверь и вышла из машины. Пока она шла по тротуару и дальше по кварталу, то ни разу не оглянулась на меня.

Оливия вышла на улицу и, бросив быстрый взгляд в сторону Джеки, пересекла тротуар, чтобы открыть пассажирскую дверь.

— Это была Джеки?

— Да. Она подвезла меня сюда. Мне вроде как не стоит садиться за руль.

— Вроде как не стоит? О, нет. — Оливия отступила назад и посмотрела на грузовик. — Он не выглядит разбитым.

— Грузовик справился с аварией лучше, чем «Лексус» твоей мамы в старших классах. Повезло, что я врезалась в мусорный бак, а не в дерево.

— Это был уродливый мусорный бак?

— Хватит шутить. Не смешно. Я снова испытала одно из этих статичных видений — за рулем. Я могла кого-то убить.

— Но ты этого не сделал. Верно?

— Пострадала только передняя фара. Никто из людей не ранен.

— Ладно, это хорошо. Нам придется поступить так же, как мы делали в школе, и некоторое время возить тебя на машине, пока эта новая штука не станет менее навязчивой.

В расстройстве я провела рукой по волосам. Понимала, что она права. Мне небезопасно водить машину, пока я не научусь контролировать эту статическую ерунду. Одно дело — рисковать собственной безопасностью, но не стоит подвергать опасности жизни других людей.

— Дайте мне минутку, чтобы взять сумочку, — попросила Оливия, закрывая дверь и отскакивая в сторону.

Две женщины шли по тротуару, обе одновременно остановились, увидев меня, сидящую в грузовике. Они повернулись и поспешили удалиться в другом направлении, как будто, находясь так близко от меня, можно заразиться какой-нибудь болезнью, которую я переношу.

Я откинула голову назад и уставилась в потолок. Через несколько минут водительская дверь открылась, и Оливия запрыгнула внутрь.

— Все готово. Брейдон сегодня рано закрывает свой кабинет и сказал, что сможет забрать меня у Бернадетт примерно через полчаса.

— А что с твоим офисом? С ремонтом?

— Миссис Полсон заходила и дала мне указания. Мне нужно сделать много домашней работы до завтрашней встречи с ней.

Я искоса взглянула на Оливию, когда она заводила машину.

— Она прочитала тебе лекцию про бизнес-план?

— Откуда ты знаешь? Все оказалось еще хуже, чем с тобой. Я чувствовала себя идиоткой, когда она закончила меня ругать.

Я подождала с комментариями, пока Оливия не выехала на большую дорогу.

— Миссис Полсон прочитала мне ту же лекцию, когда я начинала свой клининговый бизнес. Не зря она столько лет вела успешный бизнес швеи. Она знает как надо.

— Что ж, мне нужно многое наверстать, но я готова работать. — Оливия не стала тормозить на перекрестке. — У тебя есть какие-нибудь дела, которые нужно сделать, пока мы в городе?

— Нет. Просто увези меня отсюда. Я устала от этих тыканий и перешептываний. Просто хочу попасть к Бернадетт и спрятаться.

— Я не против, если ты ляжешь на дно на пару дней, но если впадешь в крайность, как Бернадетт, оттащу твою отшельническую задницу обратно в цивилизацию.

— Договорились. И Оливия?

— Да? — усмехнулась Оливия, понимая, что я собираюсь сказать что-то интересное.

— Когда ты проезжала перекресток, там стояла полицейская машина.

Оливия вполголоса выругалась, когда позади нас замигали красно-синие огни.

Я все еще была немного потрясена тем, что Оливия убедила офицера Гейбла не выписывать ей штраф. Через пять минут их спора о том, остановилась Оливия или нет, офицер Гейбл взмахнул руками и, покачивая головой, пошел обратно к своему джипу.

Я с недоумением смотрела на Оливию, когда она свернула на Цикад-лейн, объезжая глубокие выбоины.

— Ворота на подъездной дорожке впереди открыты.

Мы обменялись озадаченными взглядами. Бернадетт не любила открывать ворота. Она предпочитала стрелять, когда кто-нибудь появлялся на пороге.

— Может, она в городе, мотается по делам, — предположила я.

Оливия свернула с дороги и подъехала к дому, припарковавшись у крыльца. Мы вдвоем взяли почти все пакеты, которые Айзек собрал для меня. Подойдя к крыльцу, мы оглядывались по сторонам, ожидая появления Бернадетт.

— Никакого приветствия с ружьем, — удивилась Оливия. — Возможно, ты права. Наверное, она в городе, занимается делами. Но я не вижу ее «Нову».

Я поднялась по ступенькам крыльца, ступая на пятку.

— «Нова» может быть в сарае. — Когда я потянулась к дверной ручке, никого не почувствовала дома. — Я беру свои слова обратно. Не думаю, что она здесь.

— Ты уверена? — спросила Оливия, следуя за мной.

— Отчасти. Бернадетт до сих пор не объясняла мне, как скрывать свою ауру. Она может это делать.

— Экстрасенсорные прятки. — Оливия подпрыгнула и встала рядом с входной дверью. — Как это весело!

Я не собиралась признавать, что это звучит забавно. Вместо этого зашла в дом, бросив пакеты возле двери. Я пересекла комнату, направляясь к стеклянной стене, выходящей на задний двор.

— Эй, Берни, — закричала Оливия, бросая принесенные пакеты. — Выходи, скорее выходи, где бы ты ни находилась.

Я поискала Бернадетт глазами и чувствами, но ничего не обнаружила.

— Не думаю, что она здесь, но можешь проверить сарай, чтобы знать наверняка? Мне бы не хотелось устраиваться, чтобы потом она напугала меня до смерти, появившись из ниоткуда.

— Я тебя не виню. Я заберу остальные вещи на обратном пути. Тебе нужно приложить лед к ноге.

— Даже спорить не буду, — проворчала я, хромя в сторону кухни.

Я насыпала лед в полотенце и, прихрамывая, подошла к столу, чтобы сесть на крайний стул. Опираясь ногой на длинную скамью, сняла кроссовки и носок, чтобы положить ногу на полотенце со льдом. Поначалу я вздрогнула от холода, но через несколько минут почувствовала себя лучше.

Когда Оливия вернулась, то заявила, что «Новы» в сарае нет, и потащила мои вещи по лестнице. Прошло еще минут десять, когда я услышала ее визг.

Бросив мокрое полотенце на кухонную стойку, я поспешила как можно быстрее подняться по лестнице и свернуть в коридор к своей комнате.

— Что случилось? — воскликнула я, входя в комнату.

— Ты видела этот шкаф? — Оливия подпрыгивала от восторга, держа в руках несколько нарядов. — И комод тоже. Оба забиты одеждой. Новой одежды. Причем наших размеров.

— О чем ты говоришь? — недоуменно спросила я, садясь на кровать. Огляделась вокруг, в очередной раз поражаясь тому, насколько стильной получилась комната. Моя мама украсила ее, выбрав темно-фиолетовое покрывало, мебель из красного дерева и трафарет с плющом вдоль двух не стеклянных стен.

Оливия копалась в переполненном шкафу.

— Смотри, — указала она на секцию в конце, — это мои размеры. Все остальное — твои. — Оливия протянула несколько кофточек, чтобы я увидела, что на каждой из них еще есть ценник.

На одной из бирок значилась цифра — чуть меньше трехсот долларов.

— Что за... — начала я, но не успела закончить фразу, как уставилась на одежду. У меня дома в шкафу хранилось меньше четверти от этого количества одежды, и большинство из этих вещей были подарками Эдит, матери Оливии.

— Довольно мило, правда? — кивнула Оливия. — Разве ты не проверяла шкаф в прошлый раз, когда побывала здесь?

— Нет. Ты правда думаешь, что все это для меня?

— Определенно. Кроме вещей в моем конце шкафа, остальные — твоего размера. И посмотри, большинство из них — вещи вне времени, простые черные платья или джинсы прямого кроя. Но несколько нарядов давно вышли из моды. — Оливия достала из шкафа костюм с юбкой.

Жакет костюма сзади имел складку «утиный хвост». Я бы никогда его не надела, даже если бы он снова вошел в моду.

Оливия подскочила к комоду.

— Эти три верхних ящика заполнены твоими размерами, а в этом нижнем ящике лежат носки, лифчики и трусы моего размера. Странно, правда? — Оливия бросила мне бюстгальтер.

Я поймала лифчик, проверила бирку. Он действительно был моего размера.

— Я не уверена, что «странно» — это достаточно сильное слово. Я имею в виду, Оливия, чтобы сделать что-то подобное... Если это моя мама... тогда...

— Я думала об этом, — ответила Оливия, пренебрежительно махнув рукой. — Вряд ли твоя мать могла видеть будущее. Полагаю, это генетика. Как если бы она предположила, что ты будешь носить тот же размер лифчика, что и она.

— А как же твоя одежда? Как она вообще узнала, что мы подружимся? И твоя грудь намного больше, чем у Эдит.

Оливия посмотрела на бюстгальтер, который держала в руках.

— Ну, это загадка. Надо будет обдумать. — Оливия положила бюстгальтер обратно в ящик. — Я закончу распаковывать вещи. А ты посиди здесь.

Я усмехнулась.

— Это что-то новенькое. — Откинувшись назад, я положила руки за спину, чтобы опереться. — Обычно ты смотришь, как я работаю.

— Да, знаю. Это как в «Чумовой пятнице», только сегодня воскресенье, — заявила Оливия, исчезая в ванной с одним из моих халатов. — Может быть, нам стоит устроить вечеринку с переодеваниями, — крикнула она из ванной. — Как в детстве. Примерим все.

Я посмотрела на шкаф и вздрогнула. У Оливии особые отношения с одеждой, но я не очень-то любила наряжаться.

— О, черт, я бы с удовольствием, но нет времени. Брейдон скоро будет здесь, помнишь?

Оливия вышла из ванной, высунув язык.

— Временами ты бываешь такой занудой, Давина Рейвен.

— Временами? — Я усмехнулась в ответ, складывая пустой бумажный пакет.

Оливия распаковала второй пакет, сложив одежду на туалетный столик.

— В конце концов, тебе придется примерить вещи, потому что для той одежды, которую ты привезла с собой, здесь нет места.

Я снова взглянула на шкаф.

— Знаешь, с твоими способностями разбираться в моде, могу поспорить, ты могла бы обследовать шкаф и отсортировать значительную часть одежды, просто взглянув на нее. Например, тот костюм с «утиным хвостом».

Оливия любила соревноваться, ее всегда увлекал вызов. Ее взгляд вернулся к шкафу.

— Я могла бы... Но ты уверена?

— Держу пари, ты разберешь весь шкаф за три минуты, — заявила я, поднимая запястье, чтобы посмотреть на свой фитбит. — Я засеку время.

Оливия подошла к шкафу, согнув колени и вытянув руки, как будто собиралась начать борцовский поединок.

— Готова.

— Три... Два... Один... Поехали!

Оливия принялась рыться в одежде, перебрасывая через плечо все, что считала недостойным. Я наблюдала, как растет куча выброшенного, и заметила только одну фланелевую рубашку, которую захотела оставить. Оливия ненавидела фланель, но я ее обожала. Я подняла рубашку с пола и спрятала ее под плед.

Добравшись до другого конца шкафа, Оливия отступила назад, подняла руки вверх и крикнула:

— Время.

— Две минуты десять секунд. Я впечатлена, но ты все еще убираешь это. — Я указала на кучу на полу. Примерно треть одежды оказалась выброшенной.

— Я принесу мешок для мусора. — Оливия побежала к двери и исчезла в коридоре.

Я поднялась с кровати и, огибая груды одежды, подошла к комоду. Начав с верхнего ящика, перебрала повседневные вещи и нижнее белье, выбросив стринги, неоновые футболки и все, что имело леопардовый принт, в кучу ненужной одежды. Затем помогла Оливии собрать всю эту стопку в большой мешок для мусора.

Пакет получился таким большим и тяжелым, что Оливия с трудом смогла дотащить его до коридора.

— Хорошо, что сейчас приедет Брейдон. Он сможет отнести этот мешок на этаж ниже, — отдышавшись, заявила Оливия и вернулась в комнату. — И что теперь?

— Теперь ты отправляешься домой, а я остаюсь здесь.

— Я подумала, может, мне стоит остаться. Погостить. По крайней мере, пока Берни не вернется домой.

— В этом нет необходимости. Я еще не отошла от препаратов, так что, наверное, немного почитаю, а потом вздремну. Со мной все будет в порядке. Лучше проведи время с Брейдоном и ребятами.

— Ладно. — Оливия указала на меня. — Но если что-то понадобится, позвони мне. — Ее телефон пиликнул, и она достала его из кармана, читая сообщение на дисплее. — Брейдон здесь. Говорит, что дом выглядит пугающе, и он не хочет выходить из машины.

Я взяла подушку со своей кровати и зажала ее под мышкой.

— Иди, возьми Брейдона и проведи ему экскурсию по дому, пока я медленно спущусь по лестнице.

Оливия побежала по коридору, а я хромала следом. К тому времени, когда я добралась до первого этажа, сбитого с толку Брейдона вели наверх. Пока ждала их, я наполнила полотенце льдом, положила его на журнальный столик и бросила подушку на диван, затем пересекла комнату и подошла к столу Бернадетт, чтобы стащить блокнот, ручку и «Леджер Куэйдов». Прихрамывая, вернулась к дивану, переложила подушку за спину и подняла ногу к завернутому в полотенце пакету со льдом.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я осмотрелась. Мне нечасто доводилось валяться без дела на диване. Такое странное ощущение.

— Мальчикам здесь понравится, — одобрил Брейдон, пересекая комнату с огромным мешком для мусора и ставя его у панельной двери. Он взглянул на окна и перешел к стеклянной стене.

— Да, им бы понравился дом, но не думаю, что им захочется оставаться здесь с Бернадетт, — поделилась я с ним. — Когда она рядом, здесь совсем другая атмосфера.

— Правда. А где вообще Бернадетт? — спросил Брейдон.

— Понятия не имею. — Я переместилась на диване, чтобы посмотреть через плечо на Оливию. — Тебе не кажется странным, что ее здесь нет?

— Не особо. Я к тому, что мы знаем о личной жизни Берни?

— Абсолютно ничего.

— Именно. Откуда нам знать, может, она четыре дня в неделю танцует танец живота в городе.

Я содрогнулась, представив, как Бернадетт впихивает свои телеса в наряд. Брейдон, должно быть, подумал о том же, потому что на его лице появилась гримаса отвращения.

— Если я узнаю, что эта история с танцовщицей живота — правда, я снова от нее отрекусь.

Оливия хихикнула, войдя на кухню.

— Ты голодна?

— Нет, — соврала я.

— Неужели? Что ты ела сегодня?

— Большую упаковку овсяного печенья. — Я потерла живот, подмигнув Брейдону. — Я объелась. И больше ничего не смогу съесть.

— О, это очень плохо, — заявила Оливия, закрывая дверцу шкафа. Держа в руке бумажные тарелки, она подняла их вверх. Другой рукой она подхватила пакет с едой на вынос. — Полагаю, ты уже наелась до отвала, чтобы попробовать тефтели, которые купил Брейдон, верно?

Я села ровнее, потирая руки.

— Захвати салфетки. Я умираю от голода.

Брейдон опустил в кресло у стеклянной стены.

— Неужели ты думала, что я заставлю тебя есть стряпню Оливии после такого ужасного дня?

— Всегда лучше перестраховаться, когда Оливия находится рядом с кухней.

— Вы оба не верите в меня, — проворчала Оливия, неся бумажные тарелки, салфетки и контейнеры с едой. Она поставила все на журнальный столик, а затем вернулась на кухню. — Воды или лимонада? У Бернадетт выбор ограничен.

— Лимонад, — отозвалась я, принимая сэндвич, который протягивал мне Брейдон.

— Я тоже буду лимонад, — ответил Брейдон. — Давай я тебе помогу, Олли. — Брейдон подмигнул мне, переходя на кухню и забирая у нее два стакана. Мы оба знали, что один из нас останется без лимонада, если он не поможет его донести.

Оливия отнесла третий стакан и поставила его на журнальный столик, после чего села на пол, прислонившись к передней части дивана.

— Какие у тебя планы на остаток дня? — спросила она.

— Мне все еще нужно просмотреть «Леджер Куэйдов». — Я кивнула на книгу. — После этого не знаю. Я бесполезна для дела Тауни, пока не разберусь, как работают эти экстрасенсорные штучки.

— Разве Бернадетт не обещала научить тебя? — спросил Брейдон.

— Бернадетт не берет на себя никаких обязательств. У нее все расплывчато.

— Да, это так, — хихикнула Оливия. — Эй, мы должны порыться, пока ее здесь нет.

— Зная Бернадетт, у нее везде установлены камеры или сигнализация.

— Вот черт, — проворчала Оливия, наморщив лоб. — О, чуть не забыла, — добавила она, глядя на меня, — миссис Полсон организует добровольцев для покраски и уборки в этот вторник. И она получила наводку на бесплатные картотечные шкафы. Она заставила Ноа отвезти ее посмотреть на них.

— Ух ты, дела с офисом идут быстрее, чем я предполагала. Но если я не окажусь в тюрьме, то обязательно приду.

И Брейдон, и Оливия поморщились, но ничего не сказали.

Я посмотрела на Брейдона.

— Насчет моего дела...

Лицо Брейдона приняло игривое выражение.

— Я думаю, сто баллов, — поддразнил Брейдон, откусывая от своей порции.

— Мы оба знаем, что наша игра в очки не поможет. И баланс на моем расчетном счете тоже. Как думаешь, каковы мои шансы использовать дом в качестве залога для банковского кредита? Мне понадобятся деньги на судебные издержки.

Брейдон, сглотнув, покачал головой.

— Все активы записаны на имя Фрэнсиса до тех пор, пока они не перейдут в собственность наследника, а это произойдет не раньше, чем полиция и страховая компания оправдают тебя. Это может занять месяцы, если не годы.

— Я могу пока оформить счет на юридические услуги? Пока не разберусь с деньгами?

— Я не беспокоюсь об оплате, — откладывая свою еду, сказал Брейдон. — Но все-таки считаю, тебе стоит подумать о другом адвокате. Если дело в деньгах, мы с Оливией заплатим за все, что понадобится.

— Я отказываюсь нанимать высококлассного городского адвоката не из-за денег. Ты знаешь местных игроков и знаешь, как с ними обращаться. Пока мне не грозит пожизненное заключение, я хочу, чтобы ты представлял мои интересы. — Я поставила свою бумажную тарелку на журнальный столик. Я съела всего несколько кусочков, но мой желудок сжался в комок, его все еще мутило от наркотиков. — А когда Бернадетт вернется домой, я попрошу у

нее документы на грузовик, чтобы продать. Этого будет мало, но для начала сойдет.

— Посмотрим, как пройдет вскрытие, — заметил Брейдон. — А до тех пор я буду брать с тебя десять баллов каждый раз, когда мне придется бежать в полицейский участок или в суд, чтобы представлять твои интересы.

Я покачала головой, улыбаясь.

— Я так не думаю, господин адвокат. Вам следовало бы обсудить это, прежде чем меня представлять.

Брейдон рассмеялся.

— Хорошо, пять баллов за уже оказанные услуги и десять баллов в дальнейшем.

— Два балла за то, что ты раньше присутствовал в полицейском участке. Ты ничего не делал, только сидел там. И я добавлю пять баллов за то, что ты пришел ко мне домой сегодня утром. Итого семь баллов, и я согласна на десять баллов за услугу в дальнейшем.

— Договорились. — Брейдон снова взял в руки свою тарелку.

— И я выплачу один балл сейчас. — Я посмотрела на Оливию. — Сегодня днем Оливию остановили за то, что она в очередной раз проскочила через перекресток.

Оливия бросила в меня подушку, смеясь.

— Ненавижу эту игру.

Я откинулась на спинку кресла, потягивая лимонад, пока Брейдон читал лекцию об их страховых тарифах и ее нежелании соблюдать правила дорожного движения.

После позднего обеда Брейдон и Оливия уехали, а я устроилась под пледом на диване и принялась читать Леджер.

Я планировала просто бегло ознакомиться с ним и записать свои вопросы. Позже я смогу расставить приоритеты в своем списке, чтобы приставать к Бернадетт с расспросами. Она не очень-то любила делиться информацией, поэтому мне нужно выработать определенную стратегию, иначе я потрачу годы впустую, пытаюсь получить ответы.

Кроме того, мне хотелось отвлечься. Сложные чувства, связанные со смертью отца, бурлили в глубине души. Я не готова посмотреть им в лицо. Пока не готова. Не сейчас, когда так много неясного в том, что произошло.

Я открыла первую страницу леджера и просмотрела семейное древо. Начав со своего имени и продвигаясь вверх по ветвям, я делала пометки в блокноте. Заполнение первого листа не заняло много времени, но прежде чем перевернуть страницу, я просмотрела свой список вопросов.

Большинство из них сводились к любопытству по поводу истории моей семьи. Почему в наше время моя тетя Перл умерла при родах? Почему некоторые имена, например, мое, имеют инициалы в скобках? Я обвела в блокноте «Л.Д.» — инициалы рядом с моим именем. А что случилось с моей двоюродной теткой, тетей Бернадетт? Жива ли она еще? В семейном древе не значилось даты ее смерти, только ссылка на «Дом Кэрролла».

Я перевернула страницу блокнота, затем перешла к следующему разделу леджера, где начинались рукописные дневниковые записи разных членов семьи. Записи охватывали более ста лет. Большую часть я бегло просмотрела, но не удержалась и втянулась в некоторые наиболее шокирующие истории. Поколение за поколением рассказывали о смерти и несчастьях, некоторые из которых случались по их собственной вине. На полпути я начала замечать некоторые тревожные закономерности.

Во-первых, я отметила, что добрая половина или даже больше детей умирали в раннем возрасте, либо при рождении, либо подростками. Даже с учетом развития современной медицины дети все равно умирали.

Во-вторых, читая ужасную историю одну за другой, я начала задумываться о том, не заложена ли в нашей родословной генетическая предрасположенность к психическим заболеваниям.

В 1800-х годах некая прапрапрабабка заперла себя, своих родителей, братьев и сестер в доме, а затем подожгла его. Ее младшая сестра подняла тревогу и спасла всех, кроме сестры, которая устроила пожар.

Спустя время та самая младшая сестра выросла, вышла замуж, у нее появилась своя семья — два мальчика и две девочки. Один мальчик умер, когда был совсем маленьким, а второй погиб, когда старшая дочь застрелила его без видимых причин.

Появились новые истории, в большинстве из которых рассказывалось о том, как дочь сходит с ума и пытается — иногда успешно — убивать людей. Иногда виновником оказывался сын, но большинство мальчиков жили недолго, чтобы причинить вред.

Я вспомнила о своей сестре Райне. Она была любопытной, но какой-то отстраненной. Я подумала, не унаследовала ли она какое-то генетическое безумие. В современном мире часто употребляются такие слова, как социопат и психопат, но я не могла себе представить,

чтобы Райна кому-то навредила.

Ладно, это неправда. Я абсолютно точно представляла, что Райна может причинить кому-то вред, но убить? Поджечь дом или застрелить человека?

Я вздохнула, не находя ответа. Мы обе были так молоды, когда она исчезла, что трудно сказать. А поскольку я младше ее, моя память носила детский отпечаток.

Я добавила в свой список психические расстройства со знаком вопроса. Листая леджер в ускоренном темпе, я обнаружила на заднем форзаце нарисованную от руки таблицу, используемую для регистрации продаж. Каждая строка начиналась с даты, имени покупателя, суммы продажи и описания. В основном продавалось имущество, но я заметила и несколько куриц и коров.

Проводя пальцем по страницам, я остановилась на участке, расположенном рядом с владениями Остина. Остин жил по другую сторону канала от Бернадетт. На прошлой неделе он помог нам обыскать соседний участок, где мы нашли похищенную Тауни.

Запись о продаже этого участка появилась сорок лет назад, его стоимость составляла ноль долларов, а покупателем значилась компания «Черная кровь». Запись сопровождалась инициалами.

Я подняла голову и уставилась в пространство, постукивая концом ручки по нижней губе. Название компании, похоже, указывало на семейные узы — «Черная кровь». В роду Куэйдов хватало сумасшедших, чтобы поддержать теорию о расколе семьи. Что, если мать Бернадетт разделила землю, чтобы выделить часть для кого-то из членов семьи? Может быть, она отписала землю кому-то из отверженных, например, своей сестре или одной из дочерей Бернадетт?

Я вновь просмотрела семейное древо и убедилась, что инициалы в журнале совпадают с инициалами матери Бернадетт. Проверила даты рождения других родственников. Мать Бернадетт умерла через два года после продажи недвижимости, и у нее остался только один ребенок — Бернадетт. Перл Куэйд, старшей дочери Бернадетт, было тринадцать лет. Моей матери Эмбер — одиннадцать. Перл и моя мама были единственными детьми Бернадетт, которые выжили после родов.

Я взглянула на свой фитбит и увидела, что уже почти одиннадцать. Я просидела над книгой несколько часов. Повернув шею в сторону, я выглянула за окно. На улице стемнело. Пора идти спать.

Переложив все на журнальный столик, я встала с дивана и потянулась. Тут меня осенило, что Бернадетт все еще нет дома. Я решила, что неплохо бы позвонить и предупредить, что я обосновалась в ее доме.

Прихрамывая, подошла к столу рядом с панельной дверью, достала из бокового кармана сумочки телефон и нашла ее имя в списке контактов. Но когда нажала на кнопку вызова, услышала, что на кухне зазвонил другой телефон. Как оказалось, телефон Бернадетт лежал на столе рядом с банкой муки. Я подняла трубку и прочитала на дисплее ее телефона: «Один пропущенный вызов».

Меня не удивило, что Бернадетт оставила телефон дома. Я подозревала, что, учитывая отшельнический образ жизни, у нее не так много друзей.

По ту сторону стеклянной стены сверкнула молния, испугав меня. Через несколько секунд раздался медленный раскат грома. Я отложила телефон и подошла к панельной двери. Там имелась лишь хлипкая защелка с крючком и ушком, а не настоящий замок. Но я все равно ее закрыла.

На обратном пути наверх я не спеша переходила из комнаты в комнату, запирая двери и окна. Когда добралась до своей комнаты, то закрыла нажимной замок на двери спальни, а затем пересекла комнату и подошла к французским дверям. Я усмехнулась, увидев, что на дверях есть напольные засовы. Присев на корточки, я заблокировала их. По крайней мере, моя комната будет надежно защищена.

И тут задумалась, как Бернадетт попадет в дом, если она вернется после того, как я усну. Потом вспомнила, что после смерти отца она так и не удосужилась зайти ко мне. Пусть спит в своей машине, мне все равно.

Я плюхнулась на кровать, забавляясь мыслью о том, что не пушу ее в собственный дом.

Но мое веселье улетучилось, когда я задалась вопросом, где она. Я села, придвинувшись к краю кровати.

Мгновенье спустя по небу пронеслась очередная молния. Через полсекунды прогремел гром. Гроза приближалась. Я вытащила телефон из заднего кармана, проверяя, хватит ли заряда до утра. Так и есть.

Положив телефон на тумбочку и выключив свет в спальне, я забралась под одеяло, не снимая с себя одежды. Если что-то случится, я буду готова бежать.

Не двигаясь, я пролежала, казалось, несколько часов, но, скорее всего, не более двадцати минут. Гроза ревела еще некоторое время, потом перешла в грохот и удалилась. Я устала, но все переживания этого дня не давали мне уснуть. Я встала, не включая свет, и села на пол.

Расслабив мышцы, я закрыла глаза и нашла свои магические двери. По стеклам стекал прозрачный дождь. Открыв глаза, я убедилась, что с реальными дверями происходит то же самое. Я не чувствовала большой уверенности в своих силах и подумала, не смешиваются ли как-то два мира.

Я снова закрыла глаза, но стоило мне потянуться к экстрасенсорным дверям, как передо мной зажужжали бело-серые помехи. Статические разряды пронзили мою руку, и я ее отдернула. Больно не было, но это меня удивило.

Бело-серые помехи стали сильнее, громче. Я осторожно вытянула руку, снова почувствовав помехи. Похоже, это была энергия. Когда она закрутилась вокруг меня, я ощутила, как поднялись волоски на руках и шее. Кожу покалывало, когда по ней пробегал ток.

Без предупреждения статическое электричество рассеялось, и передо мной появились двери. Во второй раз я потянулась к ручке, но не успела коснуться серебра, как двери сдвинулись назад и влево, удаляясь от меня. Я сделала шаг вперед, но они снова сдвинулись. Я шагнула еще раз, но произошло то же самое. Я прыгнула вперед, пытаюсь застать их врасплох, но они отлетели на большое расстояние назад и теперь располагались на другой стороне большого поля.

— Странно, — сказал я себе, открывая глаза. Встав с пола, я несколько раз обошла комнату, размышляя о том, почему мои экстрасенсорные двери ускользают от меня. В конце концов усталость взяла свое, и я снова забралась в постель. Может быть, после крепкого сна все станет понятнее.

Я проснулась в плохом настроении. Всю ночь ворочалась и металась, мучаясь кошмарами о преследующем меня огромном бело-сером статическом облаке. Из плюсов — во время продолжительного душа я с удовлетворением отметила, что моя нога больше не выглядит красной и больной.

Вернувшись в спальню, я снова упала духом, когда, надев симпатичный наряд из шкафа, обнаружила, что он пахнет пылью и плесенью. Переодевшись в одежду, которую собрал Айзек, я выкинула все вещи из шкафа на пол спальни. Побродив по коридору в поисках стиральной и сушильной машин, я обнаружила их в шкафу рядом со спальней Бернадетт.

Потребовалось несколько раз перетащить одежду из спальни в коридор, где я рассортировал ее по кучам, срезая бирки. Все, что было с биркой «только для химчистки», я отбрасывала к концу лестницы. Я предпочитала стирать и носить, но, возможно, оставлю себе несколько более изысканных нарядов.

По пути в свою комнату, заглянула в спальню Бернадетт и увидела, что ее кровать все еще заправлена. Я начала волноваться. Все, что знала о Бернадетт, а это, признаться, совсем немного, говорило, что она домоседка.

Я направилась дальше по коридору, снова свернув в свою комнату. Пересмотрев шкаф, чтобы убедиться, что не пропустила ни одной вещи, я с любопытством заметила внизу стопку обувных коробок. В основном там лежали парадные туфли, от трехдюймовых каблучков до удобных плоских моделей. Я переставила коробки так, чтобы обувь на каблучках оказалась сзади.

Когда я добралась до другого конца шкафа, то обнаружила четыре коробки с совершенно новыми кроссовками «Найк». Открыла одну из коробок и вдавила пальцы в толстую амортизирующую подошву. Из-за ограниченного бюджета я всегда покупала дешевые парусиновые туфли на плоской подошве, от которых к концу дня у меня болели ноги, поэтому от беговых кроссовок мое настроение сразу же поднялось.

Проверив каждую коробку, я выяснила, что все они одного стиля, только разных цветов: черного, белого, темно-синего и красного. Я отложила в сторону красную пару, решив, что надену ее, когда буду помогать Оливии красить ее новый офис. Затем пододвинула к себе темно-синие кроссовки. Я улыбнулась, надевая их и поправляя шнурки, прежде чем завязать.

Я уже собирался подняться с пола, когда заметила в дальнем углу шкафа завернутый ковер. Оглянулась через плечо на пол в спальне. В остальной части комнаты лежало дорогое паркетное дерево или высококачественная имитация паркета.

Я снова посмотрела на шкаф. Ковер в шкафу совпадал по цвету и стилю с ковром в спальне моих родителей. Вспомнив про ящик, который нашла в маминном шкафу, я потянула за ковер. Он сдвинулся, не прикрепленный к полу.

Встав на колени, я выдвинула все коробки с обувью, затем подняла ковер и вытащила его. Пол под ковром совпадал с остальной частью комнаты и, похоже, не имел никаких потайных шкафчиков. Зато я обнаружила небольшую пачку бумаг.

Я подобрала бумаги и отложила их в сторону, после чего стала убирать коробки обратно в шкаф. Когда я закончила, звякнула стиральная машина. Оттащив ковер на террасу, я сменила загрузку белья и взяв телефон и бумаги, отправилась вниз.

Нуждаясь в кофе, я наполнила кофеварку водой, а затем нажала на кнопку заваривания.

Принесенные бумаги я сунула в свой блокнот, спрятав их между страницами и положив сверху «Леджер Куэйдов». Взбила диванные подушки и перекинула лишнюю подушку, которую накануне принесла с собой сверху, через перила лестницы на второй этаж.

К тому времени, как все было приведено в порядок, кофе приготовился. Я наполнила чашку и пересела на диван. Пока кофе остывал, я достала телефон, чтобы прочитать сообщения.

Оливия сообщала, что приедет проведать меня сегодня утром. Я ответила, что она может приезжать в любое время.

Я взглянула на панельную дверь между старой и новой частями дома. Защелка все еще оставалась запертой на крючок. Я отперла ее, затем вышла на крыльцо, чтобы убедиться, что Бернадетт не спит в своей машине. Единственным автомобилем перед домом был мой грузовик. Я вздохнула, заметив, что вонючий ковер из офиса Оливии все еще валяется в кузове. У Бернадетт на дальней стороне дороги имелась яма для сжигания мусора, но мне не хотелось выгружать ковер, особенно после того, как я уже приняла душ.

Вместо этого я вернулась в дом, чтобы просмотреть другие сообщения. В одних выражались соболезнования, в других — ненависть ко мне, но одно пришло от Стоуна. Он тоже собирался заехать к Бернадетт сегодня утром, но не объяснил, зачем.

Я убрала телефон в карман и взяла чашку с кофе, сделав осторожный глоток. Затем оглядела комнату. Странно, что я не пытаюсь сделать одновременно десять дел, но мне некуда идти, и я не могу придумать ничего, кроме стирки и разгрузки грузовика. Я чувствовала себя не в своей тарелке.

Я сидела в одиночестве и потягивала кофе, а мой мозг перескакивал с одной случайной мысли на другую. Но когда чашка наполовину опустела, я уже не могла сидеть без дела.

Открыв холодильник, выкинула остатки еды Бернадетт в мусорное ведро. Затем вымыла, высушила и убрала посуду. Знакомые дела успокаивали.

Когда кухня была приведена в порядок, я быстро сбегала в прачечную, чтобы сменить белье, а затем вернулась обратно, чтобы наполнить чашку кофе. Не видя больше ничего интересного, я снова уселась на диван.

В углу стоял велосипед «Пелотон» — тренажер со встроенным видеодисплеем. У Оливии был точно такой же, но я никогда не видела, чтобы она им пользовалась. Я также ни разу не видела, чтобы Оливия пользовалась своей беговой дорожкой, на которой стояли коробки, а на ручках висела одежда.

Я подошла к велосипеду. Нажала на кнопку включения, и экран засветился. Появилось меню с видеозаписями тренировок. Один из квадратиков указывал на то, что это тренер, которого Бернадетт сохранила как любимого.

Ну что ж, подумала я, ставя чашку на журнальный столик, если Бернадетт может это делать, то и я, конечно, смогу, верно?

Я забралась на велосипед и засунула ноги в специальные крепления, наклонившись, чтобы затянуть их потуже. Велосипед Оливии требовал специальную обувь, но поскольку у меня ее не было, я обрадовался, что на этом велосипеде есть крепления для кроссовок.

Устроившись поудобнее, я нажала на кнопку «Старт» на видео. Занятия начались в спокойном темпе, педали крутились достаточно медленно, чтобы инструктор мог провести несколько растяжек во время езды. Затем она начала подгонять нас, чтобы мы ехали быстрее.

Через пять минут после начала видео моя футболка промокла от пота. Я задыхалась,

удивляясь, как Бернадетт выдерживает такие тренировки. Не похоже, что она в отличной форме. Она даже не находилась в той форме, которую я бы посчитала хорошей.

Хотя инструктор советовал велосипедистам привставать, когда они крутят педали, мне было слишком жарко. Я откинулась на сиденье велосипеда и расстегнула толстовку, решив ее снять. Пока я стаскивала второй рукав, первый, уже болтающийся свободно, зацепился за педаль, дернув меня влево. Меня потянуло в сторону, и велосипед опрокинулся.

Когда велосипед врезался в стеклянную стену, я ударилась лбом о толстое стекло и упала грудью на ряд горшечных растений, стоящих перед окнами.

Я застонала, как от удара лбом, так и от того, что моя грудь оказалась зажатой между двумя растениями в горшках. Останется след, подумала я, извиваясь всем телом и освобождая одну ногу от крепления на педали. Другая нога болталась над велосипедом под неудобным углом, пристегнутая ремнем к педали. Я приподнялась, сбив еще несколько растений, и оттолкнулась, чтобы освободить ногу. Покрутила лодыжкой и стопой, желая убедиться, что не повредила ее окончательно. Обошлось.

Я перекатилась на бок, отпихнула с дороги горшки, освободила правую руку от толстовки и, пошатываясь, встала. Один из горшков с растениями опрокинулся. Я пнула его ногой, и он отлетел в угол.

По легкости горшка и отсутствию грязи, разбросанной по полу, я заключила, что с растениями Бернадетт что-то не так. Потрогала листья на стоящем рядом растении. Фальшивка.

Я посмотрела на стеклянную стену позади себя. Конечно, они искусственные, подумала я, покачав головой. Только у Бернадетт может быть стеклянная стена с фальшивыми растениями.

Подняла велосипед и упала в ближайшее кресло. Пощупала свой лоб. К счастью, крови я не почувствовала, только над правой бровью образовалась приличных размеров шишка. Я ничего не смыслила в стеклянных стенах, но обрадовалась, что они, видимо, могут выдержать столкновение с человеком и стационарным велосипедом, не разбившись при этом.

Машинально посмотрела в сторону дивана. Моя чашка с кофе стояла на журнальном столике, но у меня не нашлось сил пойти и взять ее. Мало того, что тело болело, так еще и сердце колотилось от тренировки. Убирая руку со лба, я коснулась компьютерной мыши. Тут же ожил экран компьютера.

Я отвернулась, прикрыв глаза рукой, пока раздумывала над тем, стоит ли лезть в компьютер Бернадетт. С одной стороны, это вторжение в ее личную жизнь. С другой стороны, я понятия не имела, где она находится и когда вернется домой. Я ведь должна как-то связаться с ней?

Я опустила руку, наклонившись к экрану. Я не очень любила компьютеры. Знала, как им пользоваться, но никогда не могла позволить себе такой. Оливия предлагала купить мне ноутбук, но я не могла платить еще и за Интернет, когда едва справлялась со счетами за электричество. Вместо этого раз в неделю я проверяла свою электронную почту и оплачивала счета у Оливии дома. А для повседневных дел привязала свой телефон к почтовому ящику и попросила банк присылать мне ежедневные сообщения о состоянии счета.

Щелкнув мышью по значку браузера, я дождалась, пока откроется окно. После этого я проверила историю браузера. Меня передернуло, когда я обнаружила, что Бернадетт провела много времени на каких-то сомнительных сайтах, в том числе на сайте для пожилых людей с активным либидо.

Я постаралась не думать о стариках и их половой жизни, пока просматривала историю браузера. Последний результат поиска датировался субботним утром. С тех пор я встречалась с Бернадетт дважды. Первый раз, когда она пригласила себя на нашу импровизированную вечеринку в бассейне у Эдит. Затем еще раз в субботу вечером на ежегодном благотворительном сборе средств. Бернадетт ворвалась на вечеринку в своей нелепой черной мантии, приурочив появление как раз к тому моменту, когда я обнаружила девушку, за которой наблюдал тот же мужчина, что похитил Тауни.

Бернадетт не стала задерживаться. Как только мы узнали, что родители девочки собираются уехать из города на неделю или две, Бернадетт покинула вечеринку.

Но куда она отправилась? Возвратилась сразу домой?

Я перешла по ссылке, которая вела на сайт, посвященный всяким паранормальным явлениям. И усмехнулась, когда на экране появилось изображение призрака.

В нижнем углу экрана появилось окно чата. Кто-то под ником «Психованная Ведьма» отправил сообщение.

«Куда ты пропала Берни 2.0? Давно жду».

В окне чата можно было прокрутить страницу вверх и прочитать их предыдущий разговор. Судя по всему, Бернадетт планировала встретиться с Психованной Ведьмой за чашечкой кофе в воскресенье утром.

Я напечатала в окошке:

«Это ее внучка. Вы видели или слышали что-нибудь о Берни?»

Психованная Ведьма ответила:

«Нет. Планировали встретиться, но она не пришла. Которая из внучек?»

Мне было трудно представить себе Бернадетт, встречающуюся с кем-то за чашечкой кофе и беседой. Она не самая компанейская личность. Но, с другой стороны, возможно, в этом есть смысл, если учесть, что экранное имя этого человека — Психованная Ведьма.

Я ответила на ее вопрос, набрав «Давина» и нажав клавишу ввода. Вопрос показался мне странным, но поскольку я не знала, чем Бернадетт поделилась, и вообще, правду ли она

сказала, то решила просто подыграть.

Психованная Ведьма снова начала набирать текст, три точки на экране мигали, но это продолжалось довольно долго. Либо она писала очень много, либо писала, потом удаляла, потом переписывала.

Я уставилась на три мигающие точки, и мой мозг заскучал в ожидании. Через несколько минут наконец появилось сообщение.

«Ты убила своего отца?»

Что ж, думаю, это объясняет, почему Психованная Ведьма пыталась решить, что же ей написать. И хотя я оценила ее прямолинейный подход, ответив простым «Нет», закрыла чат.

Очевидно, что Психованная Ведьма знала Бернадетт и пользовалась новостным каналом Дейбрик-Фоллс. Была ли Психованная Ведьма жительницей нашего городка или просто соглядатаем, не имело значения. Я не собиралась обсуждать смерть отца ни с кем за пределами своего круга.

Я закрыла окно браузера, прежде чем Психованная Ведьма успела отправить мне еще одно сообщение. Опираясь на спинку стула, я уже собиралась встать, когда на экране компьютера открылось приложение и раздались четыре длинных и громких сигнала.

Я наклонилась вперед, наблюдая за тем, как детектив Стоун едет по Цикад-лейн. Приблизившись к воротам, он остановился и огляделся. Оливия или Брейдон, должно быть, закрыли их, когда уезжали накануне вечером.

Сбоку на экране компьютера вспыхнуло окошко с надписью: ЗВУК. Когда я щелкнула мышью на этом окошке, на экране появились три варианта: «Отбой тревоги», «Звуковые эффекты выстрела», «Звуковые эффекты выстрела из M16».

Собравшись нажать на кнопку «Отбой тревоги», я переместила курсор мышки к ней, но промахнулась и ткнула на кнопку «Звуковые эффекты выстрела из M16».

«Рат-тат-тат» полуавтомата оказался настолько громким, что я пригнулась за столом.

Через секунду-другую я выглянула из-за края стола и посмотрела на монитор. Стоун лежал посреди грунтовой дороги, прижавшись к земле, прикрывая голову руками.

— Вот черт, — выругалась я, доставая из кармана телефон и звоня Стоуну.

Я наблюдала, как он ползет к своему грузовику и запрыгивает внутрь, захлопывая за собой водительскую дверь. Он поднес телефон к уху, низко сползая на сиденье

— Я ненавижу твою бабушку.

— Прошу прощения. Ошибка оператора. Подъезжай к дому.

— Ты ожидаешь, что я поеду в гости после того, как твоя бабуля только что выстрелила в меня из полуавтоматической винтовки?

— Это всего лишь запись. Звуковые эффекты. Никаких пуль.

— Ты уверена? У меня сегодня есть дела поважнее, чем получить пулю.

— Точно. Я покажу тебе, когда ты приедешь.

Я отключилась и увидела, как Стоун на камере дюйм за дюймом принимает вертикальное положение. Еще через несколько секунд он выскочил из машины и бросился к воротам, открыл их и побежал обратно. Оказавшись в машине, он нажал на газ и промчался мимо ворот.

На экране компьютера появился еще один квадрат камеры, показывающий, что он припарковался рядом с моим автомобилем.

Я выбежала из комнаты через панель и вышла на крыльцо, ожидая, когда он отважится выйти из машины.

Стоун приоткрыл дверь.

— Бернадетт нет дома, — крикнула я ему. — Обещаю, никто в тебя не будет стрелять.

Он отважился выйти и поспешил на крыльцо, пока я придерживала для него входную дверь. Пройдя через обманную сторону, я пропустила его через панель.

Когда Стоун переступил порог, он присвистнул.

— Я подумал, что дом неплохой, когда увидел его с заднего двора на прошлой неделе, но трудно представить, что здесь живет твоя бабушка.

— Знаю. Старая часть дома кажется более подходящей. Я подошла к столу, когда прибор запищал еще три раза, предупреждая о приближении другой машины. Стоун встал за моей спиной, и мы увидели, как Айзек подъезжает к открытым воротам.

— Звуковые эффекты, значит, — заметил Стоун, прежде чем протянуть руку и нажать на значок дробовика.

Я прикрыла рот рукой, стараясь не рассмеяться. Мы оба вздрогнули, когда раздался грохот выстрела.

Айзек пригнулся за рулем своего полицейского внедорожника, проносясь через ворота и разбрасывая за собой пыль и камни. Один камень едва не попал в скрытую камеру.

— На этот раз я не собираюсь брать вину на себя, — объявила я, указывая на компьютер. — У меня это получилось случайно.

Стоун широко улыбнулся и повернулся к двери с панелями.

— Кто-нибудь еще приедет?

— Оливия, но я не знаю, в котором часу она появится. Она сказала, что утром, а для Оливии это может означать абсолютно все.

Стоун оглянулся и усмехнулся.

— Я попрошу Айзека закрыть ворота.

Через несколько минут мы уже втроем стояли и ждали за пультом, когда компьютер подал сигнал о приближении еще одной машины. Айзек предупредил нас, что Оливия будет с минуты на минуту, поэтому мы замерли с желанием увидеть ее реакцию на звуковые эффекты.

Оливия остановилась перед закрытыми воротами, открыла дверь «Хонды» моего отца, а затем быстро подошла к защелке ворот. Мы подождали, пока она вернется к машине, прежде чем Айзек нажал на кнопку «Дробовик».

Оливия пригнулась, затем выпрямилась, медленно повернулась по кругу, проклиная небо. Мы не слышали, что она кричала, но по выражению ее лица и средним пальцам, направленным на деревья, можно составить представление об используемой ею лексике.

Мы все смеялись, переходя в гостиную.

Я не удивилась, что Оливия продолжала возмущаться, когда входила в старую часть дома.

— Ох, Берррр-ни. Тебе придется кое-что объяснить.

Мы втроем посмотрели друг на друга, ухмыльнулись, а затем уставились на панельную дверь.

Когда Оливия ворвалась в комнату, она замерла, оглядываясь по сторонам с дикими злыми глазами и сжатыми в кулаки руками.

— Где эта сумасшедшая старая летучая мышь? Я ее сейчас задушю.

— Прости, — хихикнула я. — Бернадетт не виновата. Я показывала Стоуну и Айзеку систему охраны главных ворот дома.

Айзек хихикнул.

— Звучало правдоподобно, правда? Напугало до смерти.

— Тебе повезло, что это был только дробовик, — заметил Стоун. — У меня полуавтомат.

— Правда? Что за полуавтомат? — спросила Оливия, подбегая к компьютеру. — Звучит круто. Интересно, сколько стоит система Бернадетт?

Пока Оливия увлеченно возилась с компьютером, Айзек изучал растения, брошенные и лежащие на боку вдоль окна.

— Что это все значит? — спросил он, разглядывая беспорядок.

— Попала в аварию на велосипеде, — пожалала я плечами и отвернулась.

Айзек подошел, чтобы поставить растения в вертикальное положение.

— Они ненастоящие!

— Знаю! — хмыкнула я. И повернулась к Стоуну. — В чем дело? Почему вы, ребята, проделали весь этот путь, а не позвонили?

Стоун посмотрел куда-то между Оливией и Айзеком, затем ответил:

— Я здесь, чтобы поделиться подробностями вскрытия. Зачем они приехали, не знаю.

— Я хотела поговорить с тобой о деле Тауни, — сообщила Оливия, не поднимая глаз от компьютера и щелкая мышью.

Стоун резко повернул голову к Оливии, сузив глаза.

— Нужно ли напоминать, что дело Тауни находится в стадии активного полицейского расследования?

— Да? И что? — проговорила Оливия, по-прежнему не поднимая глаз от компьютера.

Я проигнорировала их, уставившись на Айзека.

— А что насчет тебя? Что привело тебя сюда?

Айзек широко улыбнулся.

— Я остановил Оливию за превышение скорости. Она подкупила меня предложением бесплатной чашки кофе, если я не выпишу ей штраф. — Айзек посмотрел на кухню и направился туда. — Я сам сделаю.

— Ты подкупила полицейского? — возмущенно спросил Стоун у Оливии.

— Это не считается, если работает, — отмахнулась Оливия и, наконец, подошла, чтобы сесть в одно из кресел. — Итак... Что показало вскрытие?

Стоун бросил на меня косой взгляд, но я лишь пожалала плечами. Оливия все равно узнает об этом, либо через меня, либо через Брейдона.

— Как и ожидалось, официальной причиной смерти стала кровопотеря, — сообщил Стоун, доставая из внутреннего кармана пиджака блокнот. — Но мы ждали, чтобы выяснить, были ли ранения нанесены самостоятельно. Медицинский эксперт округа пока не определился по этому поводу, то есть это может быть как убийство, так и самоубийство.

— Что это значит для дела? — спросила Оливия.

Стоун пожал плечами.

— Мы все еще ждем результатов нескольких анализов, так что я не уверен. — Стоун оглянулся на меня. — Поскольку ты находилась под действием наркотиков, мы срочно сделали токсикологический анализ Фрэнсиса, но нашли только следы прописанного ему успокоительного.

— А что насчет церемониального ножа? — поинтересовалась я.

— На ноже нет других отпечатков, кроме отпечатков Фрэнсиса. Кто-то его протер.

Между рукоятью и лезвием ножа нашли белые волокна, вероятно, от махрового полотенца. Мы все еще ждем результатов экспертизы ДНК, но это может занять некоторое время.

— Какова вероятность, что на ноже будет обнаружена ДНК, отличная от ДНК Фрэнсиса? На ноже была его кровь. Не могла ли она, не знаю, смыть другую ДНК?

— Из-за угла, под которым наносился удар, нижняя половина ножа оказалась покрыта кровью, но на верхней половине обнаружены белые волокна. Там тоже могут найти ДНК.

Мы все молчали, размышляя.

Я покупала махровые полотенца впрок, но многие люди пользовались ими.

— Давина все еще под подозрением? — уточнила Оливия.

— Да.

Меня не удивил ответ Стоуна. Я понимала, что останусь подозреваемой до тех пор, пока улики не докажут обратное

— А как насчет окна моей спальни? И дверь спальни? На них нашли какие-нибудь отпечатки?

— Ни на одном из них отпечатков нет. На внешней стороне окна имеются царапины, как будто кто-то отпирал его снаружи, но это ничем не поможет.

— Но это доказывает, что Давина невиновна, — заявила Оливия. — Она не стала бы вламываться в собственную спальню.

— Она могла вломиться, если бы пыталась создать себе алиби, — возразил Стоун, понуриив голову. — Извините. Знаю, что все складывается не так, как вы хотите, но все больше и больше указывает на то, что Давина убила Фрэнсиса.

— Детектив, — предупредил Айзек. — Если не хотите, получить ногой по заднице, я бы на вашем месте поостерегся говорить то, что вы собираетесь сказать дальше. Понимаю, работа есть работа, которую я очень уважаю, но Давина не убивала Фрэнсиса.

— У меня нет другого выбора, кроме как следовать уликам, — тяжело ответил Стоун.

— Тогда кто накачал ее наркотиками? — возмутилась Оливия, положив руки на бедра. — И зачем ей понадобилось портить окно, стараясь не оставлять отпечатков, а затем вытирать кровь о свою футболку?

— Я все еще пытаюсь сложить эту головоломку.

— Так, хватит, — объявила Оливия, указывая на дверь. — Если ты не на стороне Давины, убирайся.

— Я просто говорю...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты говоришь, возможно, моя лучшая подруга убила своего отца. Это не так.

Я молчала. Понимала, что Стоун делает свою работу. Но и Оливия выполняла свою. Она была моей лучшей подругой. Она всегда защищала меня, даже если я оказывалась виноватой.

И на самом деле, я не знала, могли ли наркотики изменить мое душевное состояние, заставив причинить вред отцу.

Стоун поднялся и пошел мимо меня к двери.

— Стоун, — обратилась я к нему, вставая, чтобы посмотреть в глаза, — Оливия просто расстроена. Я знаю, что ты выполняешь свою работу. Сделай ее честно, и у нас с тобой не будет проблем.

Он кивнул и снова повернулся к двери.

— Еще кое-что, — добавила я.

Стоун снова остановился, но продолжал стоять спиной ко мне.

— Да?

— Мне нужна твоя помощь. Бернадетт пропала. Я не могу найти никого, кто бы видел ее с вечера субботы. Она должна была встретиться кое с кем вчера утром, но не пришла. С Фрэнсисом... Ну, с тем, что с ним случилось...

— Понял, — отозвался Стоун, делая несколько шагов ко мне. — Ты ей звонила?

— Да, но телефон здесь. — Я дошла до кухни и взяла ее телефон, чтобы передать Стоуну. — Я также проверила историю ее компьютера. Она не выходила в сеть с утра субботы.

— А что насчет камер наблюдения? — спросил Айзек.

— Я не знаю, как их проверить, — призналась я.

— Я займусь этим, — заявила Оливия, возвращаясь к компьютеру.

Айзек подхватил свою с чашку кофе, и встал позади Оливии, наблюдая за ней.

Стоун просматривая телефон Бернадетт, спросил:

— Ее машина здесь?

— Нет. «Нова» исчезла. В сарае ее тоже нет. Оливия проверила вчера.

— У нее есть другая машина, на которой она могла бы уехать?

— У нее их несколько, — фыркнула я, выходя на улицу и направляясь к сараю.

— Ты не хромаешь, — заметил Стоун.

— Пока нет. Сегодня порез выглядит лучше, но позже я должна снова приложить лед. Думаю, новые кроссовки, которые я нашла в своем шкафу, помогли. Они лучше поддерживают стопу.

— Мне они нравятся. Не слишком броские. Тебе идет.

Я посмотрела на Стоуна, уловив намек на улыбку. Открыв боковую дверь сарая, я повернулась и отступила назад, чтобы пропустить его первым.

Стоун остановился, глядя на полуразвалившуюся крышу.

— Здесь безопасно?

Я вошла внутрь и включила свет.

— Да. Просто еще одна уловка.

Стоун последовал за мной, снова присвистывая, когда осматривал массивное здание со стальным каркасом, скрытое под разваливающимся фасадом амбара.

— Надо отдать должное Бернадетт, она умеет морочить людям голову.

— Это точно.

Стоун прошел к задней части сарая, заглядывая в машины.

— Думаю, мне следует, — он указал в сторону машин, — посмотреть поближе, что там внутри.

Я растерянно уставилась на машины. Затем снова посмотрела на Стоуна. Он, казалось, пытался сообразить, как бы спросить меня о чем-то, но вздохнул, открыл одну из дверей и откинул защелку багажника.

— О, нет... ты думаешь... — Я прикрыла рот рукой, надеясь, что меня не стошнит при мысли о теле Бернадетт в багажнике одной из машин.

— Лучше проверить, — заявил Стоун, отходя назад и заглядывая в багажник. — Здесь все чисто. Дай мне минуту, чтобы проверить остальные.

Я отвернулась, не желая видеть, как он открывает багажник другой машины — старого «Мустанга» моей матери.

— Чисто, — сообщил Стоун.

Я оглянулась через плечо, когда Стоун прошел в конец помещения и открыл высокий металлический шкаф. И снова отвернулась. Я не могла этого вынести. Не могла думать, что Стоун найдет каждый раз, когда будет что-то открывать.

Я поспешила на улицу и остановилась в центре грунтового участка, который служил частью подъездной дороги, частью разворотной площадки и дорожки, ведущей к верхней двери сарая. Подняла голову вверх, чтобы солнце согрело мое лицо, и закрыла глаза.

Прежде чем Стоун заговорил, я услышала звук его шагов.

— В сарае чисто. У Бернадетт были другие машины?

Я покачала головой.

— На прошлой неделе я видела эти же машины, когда обменивала мамин «Мустанг» на свой грузовик.

Стоун бросил взгляд на дом.

— Ты смотрела внутри? Я имею в виду...

— Я обыскала дом в поисках живой Бернадетт, — ответила я, отводя взгляд. — Не стесняйся проверить его более тщательно. Я подожду снаружи.

Стоун положил руку мне на плечо и слегка сжал его, после чего пошел обратно к дому.

Я осмотрелась, пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы отвлечься от мыслей о Бернадетт. Мой взгляд упал на вонючий ковер в кузове грузовика. Достав ключи из-под козырька, где их оставила Оливия, я развернула машину задним ходом к куче гари на противоположной стороне дороги. В нескольких футах от нее из земли торчал водопроводный кран, и я включила его, поливая из шланга траву, чтобы уменьшить вероятность возгорания, а затем забралась в кузов.

Мне удалось выгрузить только треть ковра, прежде чем я отъехала на пятнадцать футов от ямы. Я внимательно посмотрела по сторонам в поисках зажигалки или спичек, но не нашла ни того, ни другого.

Тогда я направилась к дому и подошла к крыльцу как раз в тот момент, когда Стоун и Айзек вышли на улицу.

— У кого-нибудь из вас есть зажигалка?

Они оба посмотрели на яму для сжигания.

— У тебя есть разрешение на сжигание? — спросил Стоун, подняв бровь.

Айзек хлопнул Стоуна по спине.

— Городской парень. — Когда Айзек зашагал к яме, через плечо он бросил: — Я сам сожгу ковер для тебя, Давина. Думаю, это не займет много времени.

— Я оставила пару кожаных перчаток на задней двери, если они тебе понадобятся.

Айзек вскинул руку, показывая, что услышал меня, но продолжил идти.

Я оглянулась на Стоуна.

— В доме все чисто?

Стоун открыл передо мной входную дверь.

— Да. Я проверил все шкафы и тому подобное. Никаких признаков чего-либо подозрительного или расстраивающего. — Стоун прошел за мной в главную комнату. — А что это за подарки?

— Какие подарки? — удивленно спросила я, подбирая пустые кофейные чашки и неся их на кухню.

— В одной из свободных комнат есть шкаф, полный завернутых подарков. Я посмотрел. На всех бирках написано твое имя.

— Мило, — воскликнула Оливия, покидая свое место за компьютером Бернадетт и торопясь через комнату к лестнице. — Пойдем посмотрим.

Пока мы со Стоуном шли за Оливией, я объясняла ему, что только на прошлой неделе

получила от Бернадетт подарок на свое шестнадцатилетие.

— Я не понимаю, — пробурчал Стоун. — Она купила тебе подарки, но так и не подарила их? Это как-то странно.

— Ну, учитывай обстоятельства. Бернадетт сложно назвать нормальным человеком.

— Я думаю, здесь одежда, — заявила Оливия, встряхивая большую квадратную коробку. — Она легкая.

— Давай, — сказала я Оливии. — Открывай.

— Думаешь, Берни разозлится? — спросила Оливия.

— А тебе не все равно? На бирке мое имя, значит, я владелец, так? — усмехнулась я, оглядываясь на Стоуна.

— Ну, технически, — начал говорить Стоун.

— Для меня достаточно, — перебила его Оливия, срывая с коробки праздничную упаковку.

— Разве ты не хочешь открыть их сама? — прошептал Стоун.

— Ты шутишь? Посмотри на нее. Оливия любит открывать подарки, даже если они не ее. Я позволяю ей открывать все мои подарки. Мне веселее наблюдать за ее лицом, когда она видит, что мне подарили. — Я показала на Оливию, смеясь. — Например, такое. Что бы это ни было, она не в восторге.

— Это простое черное пальто. Как скучно, — проворчала Оливия, подталкивая коробку ко мне и переходя к следующему подарку.

Я достала пальто из коробки, вытянув его перед собой. Оно было простым, но с пуховым наполнителем и выглядело теплым. Поскольку у меня не имелось хорошего зимнего пальто, я оценила подарок больше, чем Оливия.

— Мило. Хочешь, я положу его в твою комнату? — спросил Стоун.

— Я подожду, пока Оливия закончит, а потом все перенесу.

— Круто, — протягивая коробку, сообщила Оливия. — Это ноутбук!

— Отлично. Я оставлю его у тебя дома, чтобы иметь возможность воровать твой Интернет.

— Или, поскольку бюджет для частного детективного агентства выглядит немного скудным, может быть, ты сможешь использовать его в офисе? По крайней мере, пока мы не сможем позволить себе купить компьютеры?

— Конечно. Так и сделаем. Положи его в отдельную стопку, чтобы взять с собой.

Оливия отодвинула коробку с ноутбуком к дальней стене, затем бросилась открывать следующий подарок.

Стоун прислонился к стене.

— Я начинаю понимать, почему так лучше. Она как маленький ребенок, пытается понять, что внутри.

Я откинулась на стену рядом с ним и рассмеялась, когда Оливия нахмурилась, глядя на следующую коробку, и подталкивая ее ко мне по гладкому полу.

Она уже перешла к очередному подарку, когда мы со Стоуном заглянули внутрь. Это был набор темно-синей керамической посуды на шестнадцать персон, включая сервировочные тарелки и миски.

— Симпатичный, — отметила я.

— Да, симпатичный. Но почему он не понравился Оливии?

— Оливия не считает, что среди подарков должны быть вещи для дома. Однако у нее

есть красивая посуда, а у меня нет.

Стоун принюхался, потом снова шумно втянул носом.

— Я все время чувствую какой-то запах. Дело в коробке? Или может быть это пальто?

Я передала пальто Стоуну, повернувшись к двери.

— Это я. Из-за вонючего ковра. Ты присмотри за Оливией, а я пойду приму душ.

— Хочешь, я дождусь, прежде чем открою остальные? — спросила Оливия.

— Нет, просто убери оберточную бумагу, когда закончишь.

Я как раз входила в свою спальню, когда Оливия завизжала.

— Как круто! Это ружье!

Я вздрогнула, радуясь, что оставила Стоуна нянчиться с ребенком. Закрыв дверь спальни, я мысленно вычеркнула эту картинку и пошла в ванную.

Быстро приняв душ, я переоделась в шорты и футболку, прежде чем сменить стирку. Вернувшись, я обнаружила, что главная комната пуста, но снаружи слышались крики. Я прошла на крыльцо и увидела, что Оливия сидит рядом с моим грузовиком на другой стороне грунтовой дороги. Она прижимала руку к груди.

Я бросилась к ней, заметив, что Айзек поливает огонь из шланга, пытаясь ослабить ревущее пламя. Стоун держал в руках канистру с зажигательной жидкостью и в гневе метался в нескольких футах от нас.

Я присела на корточки перед Оливией, покрытой грязью. Потянула ее запястье к себе, чтобы увидеть руку. На тыльной стороне ладони у нее появился жуткий красный рубец, который начал покрываться волдырями.

— Кто-нибудь еще ранен? — обратилась я к Стоуну и Айзеку, помогая Оливии подняться на ноги.

— Нет, — ответил Айзек. — Как она?

— В порядке. — Я направила Оливию по гравию, торопя зайти в дом.

Усадив ее на одну из скамеек, я сходила на кухню, чтобы намочить полотенце прохладной водой. Вернувшись к столу, прижала мокрое полотенце к ее руке.

Достав телефон, я написала сообщение Ноа. Он ответил, что находится в своем домике, так что будет здесь через несколько минут.

Я положил телефон и сел рядом с Оливией.

— Как ты?

— Больно, — хныкнула Оливия. По ее щеке стекала слеза. — Болит хуже, чем когда я сломала запястье в школе.

— Я знаю. Ожоги жгут просто ужасно. Болеть будет долго.

— Но шрамов не будет?

— Боюсь, это покажет только время. — Я уловила запах зажигательной жидкости. — Оливия, что случилось?

Оливия ничего не сказала, просто смотрела на стол. Судя по всему, прохладное полотенце помогало, но в чем бы подруга ни оплошала, признавать это она пока не готова.

— Дай угадаю, ты решила помочь сжечь ковер?

Оливия пожала плечами.

— Это был мой ковер. Я подумала, что это моя работа — сжечь его. Я просто пыталась помочь.

— Я понимаю, Оливия, но лучший способ помочь — это спросить, что нужно сделать. Для того чтобы сжечь ковер, не требовалась зажигательная жидкость. И мы не поджигали его сразу, чтобы контролировать огонь. Ты могла сжечь весь лес.

— Если жидкость для розжига не нужна, то зачем она там стояла?

— Потому что Айзек, вероятно, облил небольшой уголок ковра, чтобы разжечь огонь. Но он знает, что делает. А ты — нет.

Оливия посмотрела на меня.

— Я залила этой жидкостью огонь.

— Ты залила уже горящий огонь жидкостью для розжига?

Оливия кивнула, по ее щекам катились свежие слезы.

— Ну, — усмехаясь, проговорила я, — больше ты так делать не будешь, правда?

Она покачала головой. Уголок ее рта приподнялся в небольшой ухмылке.

Я поднялась и намочила еще одно полотенце, сменив старое. Затем присела, чтобы составить ей компанию, пока Ноа не забежал внутрь, неся свою аптечку.

— Думаю, с ней все в порядке, — сообщила я ему, отступая назад, чтобы дать место, — но я хотела, чтобы ты взглянул.

— Хорошая идея. Ожоги могут доставлять массу хлопот, — отозвался Ноа, вставая перед Оливией. Он отнял полотенце от ее руки, чтобы осмотреть кожу. — Да, я должен это перевязать. Но я чувствую запах бензина?

— Жидкость для розжига, — уточнила я. — Как думаешь, она сможет принять душ, прежде чем ты перевяжешь ей руку?

— Прохладный душ, но да. Только быстро. Я думаю, что волдырь будет...

Я закрыла рот Ноа рукой, чтобы он не сказал, что кожа сойдет. Оливии лучше этого не знать.

— Я провожу ее в душ. Дай нам пять минут.

Ноа повернулся к нам спиной, пытаясь удержаться от смеха. Я провела Оливию по лестнице в свою ванную. Включив прохладную воду, помогла Оливии снять рубашку, не задев руку. Она попыталась посмотреть на ожог, но я притянула ее подбородок к себе и покачала головой.

Оливия расправила плечи и закончила раздеваться. Когда она вошла в душ, то пискнула, но ничего не сказала.

— Я возьму для тебя чистую одежду. Используй мыло, чтобы удалить жидкость, но не трогай руку.

Я собрала ее одежду и понесла к стиральной машине. В спальне покопалась в комод в поисках нижнего белья, потом в стопках чистой одежды и нашла простые брюки цвета хаки и белое поло. Оливия не одобрила бы такой не слишком стильный наряд, но это лучше, чем ходить в легковоспламеняющейся одежде.

К тому времени, как я разложила одежду на тумбе в ванной, Оливия уже выключила воду и потянулась за полотенцем.

— Мне так холодно, — пожаловалась Оливия, стуча зубами, и выходя из ванной.

— Быстро одевайся. Нужно намазать руку кремом от ожогов. Прическу можно сделать позже.

Она принялась одеваться, когда я выходила из ванной. Я сбежала вниз по лестнице и позвонила Брейдону.

Рассказав Брейдону, что произошло, я передала трубку Ноа, чтобы он объяснил, как ухаживать за ожогом. Ноа, покачав головой, с ухмылкой смотрел на меня, разговаривая с Брейдоном. Мы знали, что если бы кто-то из нас обжегся, то, возможно, немного похныкали бы, но потом просто перестали обращать на это внимание. Но в случае с Оливией требовалось немного больше поддержки.

Когда Ноа отсоединился, сверху спустилась Оливия с глазами, залитыми свежими слезами.

— Кожа...

— Я знаю, знаю, — успокоил ее Ноа, подводя к креслу и стараясь при этом не рассмеяться. — Просто не смотри. Мы намажем ее кремом от ожогов.

— Как пациент? — спросил Айзек, возвращаясь в дом.

— Жить будет, — ответила я. — Огонь потушен?

— Почти. До углей, — кивнул Айзек. — Мне нужно вернуться на дежурство. Стоун проследит за этим.

— А разве Стоун сегодня не работает?

— Он в режиме ожидания. Действует, только если появится что-то с одним из дел.

— Ладно, я признательна тебе за то, что ты позаботился о пожаре и... — Я указала на Оливию: — Ну, знаешь, присматриваешь за всеми.

— Мы действовали сообща, — подмигнул Айзек, поворачиваясь к двери. — Хорошо, что Стоун так быстро схватил Оливию. Добрался до нее прежде, чем загорелась ее рубашка.

Мое сердце заколотилось при мысли о том, как сильно могла пострадать Оливия от ожогов. Я вышла вслед за Айзеком на улицу. Когда мы оказались на крыльце, я не забыла спросить о системе безопасности.

— Вы нашли что-нибудь на видео?

— Мы просматривали запись на большой скорости, но не заметили Бернадетт после того, как она ушла в субботу вечером. Оливия сделала копию видеозаписи и сказала, что просмотрит ее еще раз сегодня днем в своем офисе. В перерыве между утренней и дневной встречей у нее будет время.

— Когда Бернадетт уходила в субботу вечером, у нее были какие-нибудь сумки? Какой-то багаж?

— Нет, только ее сумочка. И время совпадает с тем, когда она пришла к Остину на сбор средств.

Я нервно теребила свой кулон, размышляя.

— Мне это не нравится, Айзек. Ни капельки.

— Вот что я тебе скажу, — Айзек, положил руку мне на плечо. — Я позвоню и узнаю у соседей, не видел ли ее кто-нибудь. Пока ничего официального сделать не могу, но это не значит, что я не могу сунуть нос не в свое дело.

— Спасибо. Я ценю это.

Айзек кивнул мне и помахал рукой, после чего пошел к своему джипу. Я направилась к стоящему на другой стороне дороги Стоуну и потыкала палкой в горячие угли. Никто из нас ничего не сказал, но мы оба повернулись, чтобы посмотреть, когда услышали, как открывается входная дверь.

Вышла Оливия с перевязанной рукой. Она помахала нам, сбегая по ступенькам крыльца и сворачивая к «Хонде». Проехав мимо нас, она обогнула угол сарая и махнула рукой на прощание через открытое окно.

Я помахала ей в ответ, не понимая, откуда такая смена настроения.

— Куда она едет? — спросил Стоун.

— Там есть скрытая дорога. Хорошая и ровная, но ее трудно заметить с Пайпер-роуд.

Ноа подошел к нам, хрустя ботинками по гравию.

— Ты дал Оливии наркотики или что-то еще? — спросила я его, когда он оказался достаточно близко, чтобы слышать. — Она снова весела.

Ноа покачал головой.

— Нет. Но помнишь, когда тебе было девять лет и ты грохнулась с велосипеда?

— Когда ты сказал мне, чтобы я перестала вести себя как маленькая плакса? Да, помню.

— Ну, я подумал, что Оливии пора сказать ту же самую речь. Сработало чудесно.

— А кто скажет ей речь о том, что нельзя поджигать себя жидкостью для розжига? —

проворчал Стоун себе под нос.

— С Оливией часто случаются несчастные случаи, потому что она и правда не знает, как лучше, — встала я на защиту подруги. — Но она достаточно умна, чтобы не повторять свои ошибки.

— Кроме готовки, — усмехнулся Ноа. — На кухне надеяться на успех Оливии не приходится.

— Хорошо, да, кроме кухни. Она твердо намерена когда-нибудь приготовить съедобное блюдо.

— Кстати, о несчастных случаях, — заметил Ноа, убирая волосы с моего лица и изучая лоб. — Что, черт возьми, ты сделала теперь?

Я подняла руку к своей шишке размером с гусиное яйцо.

— Дурацкий велосипед «Пелотон», — пробормотала я, поворачиваясь и шагая обратно к дому.

Не обращая внимания на смех за спиной.

Вернувшись в дом, я отправилась на второй этаж, выгрузила вещи из сушилки в корзину и отнесла их в спальню, чтобы сложить и развесить. Покончив с этим, заглянула в ванную, подобрала с пола полотенце Оливии и повесила его на крючок, а затем перешла в свободную комнату и собрала забытые обрывки оберточной бумаги, засунув их в одну из коробок.

Дробовика я нигде не увидела, надо будет не забыть спросить о нем у Стоуна. Зато я заметила новую стереосистему, фиолетовый десятискоростной велосипед для девочки, сотовый телефон, устаревший по крайней мере на десяток лет, а в углу — современный телевизор с плоским экраном.

Я редко смотрела телевизор, но только потому, что в моей спальне его никогда не было. Теперь, когда Фрэнсиса не стало, я задумалась, буду ли смотреть телевизор в гостиной. Почему-то я сомневалась в этом.

Я решила оставить все подарки в свободной комнате, а коробку, полную оберточной бумаги, вынести на улицу. Только я добралась до первого этажа, как резкая боль пронзила мои виски. Я зажмурилась, закрыв глаза и заткнув уши, когда начались ослепляющие и раздражающие бело-серые помехи.

Не открывая глаз, я уронила коробку и, вытянув руки перед собой, пошла к панельной двери на другом конце комнаты. Шум становился все громче, как будто я следовала за каким-то сигналом. Я отыскала панель и открыла ее. В этой части дома ориентироваться стало легче, так как в детстве я много времени проводила здесь.

Подойдя к входной двери, я открыла ее, но упала на колени, когда резкий треск расколол мой череп. Я закрыла уши руками, не слыша собственных криков.

К тому времени, когда помехи рассеялись, мое тело обмякло, прислонившись к кому-то. Я была настолько измучена, что не могла вытереть слезы с лица.

— Привет, Ди, — услышала я голос Ноа, когда он убирал волосы с моего лица. — Что случилось? Поговори со мной. — Он вытер мои слезы тыльной стороной ладони.

Меня переместили в сидячее положение. Открыв глаза, я обнаружила, что Стоун сидит чуть позади меня, поддерживая меня в прямом положении. Ноа сидел на крыльце передо мной и вытирал слезы.

Достав из аптечки фонарик, он осветил мне в глаза.

Я вздрогнула, отпрянув от него.

— Не надо. У меня болят глаза. И голова раскалывается.

— Что это, черт возьми, было, Ди? — спокойным голосом спросил Ноа.

Я покачала головой, протягивая руку к Ноа, чтобы он помог мне подняться. Когда мы все трое снова оказались на ногах, я ответила.

— Не знаю, что это было. Это случилось уже несколько раз. Поэтому я не вожу машину. Вчера я вроде как столкнулась с мусорным баком. Джеки отвезла меня к Оливии, а потом Оливия привезла сюда.

— Как думаешь, что это? — спросил Стоун, держа руку за спиной, словно не зная, когда я снова начну психовать.

— Я не знаю. Это почти как... — Я посмотрела в сторону сарая, затем на частную дорогу. И указала в направлении между ними. — Город в той стороне?

— Если ты можешь ходить по воде через Среднее озеро Найтшейд, то да, город в той

стороне, — согласился Ноа. — А что?

— Я думаю, это сигнал.

— В каком смысле? — спросил Стоун

— Я думаю, это Бернадетт. Посылает мне сигнал тревоги или... — Я покачала головой, пытаюсь подобрать слово.

— Сигнал бедствия? — переспросил Ноа.

— Да, именно это я и имела в виду, сигнал бедствия. — Я уже направилась к своему грузовику, но тут вспомнила, что мне слишком опасно садиться за руль. — Кто-нибудь из вас может меня отвезти?

— Я могу, — отозвался Стоун. — Пожар потушен, и у меня нет планов до позднего вечера.

Я оглянулась на Ноа, но он махнул рукой, отпуская меня.

— Я выключу свет.

Я проверила задний карман, чтобы убедиться, что телефон при мне, и подошла к пассажирской стороне грузовика Стоуна, забираясь внутрь. Моя сумочка осталась дома, но она мне не нужна.

— Куда? — спросил Стоун, сдавая назад и разворачивая машину.

Я показала на скрытую дорогу в конце сарая.

— В сторону города. Я надеюсь, если мы подъедем ближе, я снова поймаю сигнал.

— Поймаешь сигнал? — спросил Стоун, нажимая на тормоза. — Тот, который заставил тебя кричать от боли?

— Да, тот самый. — Я махнула рукой, чтобы он ехал, но он этого не сделал. — Слушай, я тоже не хочу, чтобы у меня случился еще один эпизод, но если это Бернадетт, то я должна ее найти. Она слишком независима и сурова, чтобы просить о помощи, если только у нее не случилось что-то серьезное.

Челюсть Стоуна напряглась, когда он снова тронулся.

— Уточню, правильно ли я все понял. План состоит в том, чтобы я возил тебя по округе, пока ты снова не начнешь кричать от боли, а что потом?

— Я надеюсь избежать боли, но да. Что-то вроде игры в горячее и холодное, только со статикой.

— Гениально, — пробурчал Стоун себе под нос.

Бернадетт не была моим самым любимым человеком на свете, отнюдь, но когда мы ехали к городу, меня осенило, что она — мой последний живой родственник. Всех остальных уже нет. Я подняла руку и потерла пальцами кулон из лунного камня, подаренный мне мамой. Когда я сдвинула кулон в сторону, новая цепочка снова зацепила волосы на моей шее. Я опустила руку, чтобы перестать ее теребить.

— Я думал, ты его потеряла, — взглянув в мою сторону, заметил Стоун. — Твой кулон.

— Я просто потеряла его на несколько дней. Ноа нашел его для меня.

— Ааа... — Стоун продолжал бросать на меня взгляды. Я видела, как в его мозгу детектива крутятся колесики, пытаюсь собрать воедино то, что ему не сказала.

Когда мы добрались до конца скрытой дороги на Пайпер-роуд, то посмотрели по сторонам в поисках ориентиров, но вокруг не оказалось ничего, кроме деревьев и зарослей кустарника. Стоун покачал головой, отъезжая.

— Поверни налево на следующем повороте. Поедем по длинному пути вокруг Среднего озера Найтшейд, — проговорила я, указывая на дорогу.

— Ну, если ничего другого не остается, может быть, я хоть ознакомлюсь с парочкой здешних дорог. Устал слушать, как GPS сообщает, что я пропустил поворот.

— Ты не думал о переезде в Дейбрик-Фоллс? Бросить город?

— Думал об этом, да, но пока не имел возможности осмотреть свободную недвижимость.

— Поиск жилья здесь происходит немного по-другому. Все просто звонят Джеки. Она может рассказать, что и где.

— Айзек сказал то же самое. Но, проработав здесь менее двух недель, я не уверен, что готов к этому.

— Ты имеешь в виду, что не определился, переедешь ли сюда или, может быть, вернешься на работу в город?

Стоун пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги перед нами.

— Я планировал сбавить обороты, а вместо этого столкнулся с похищением, возможным убийством, а теперь еще и с делом о пропаже человека. Не совсем то, чего я ожидал.

— А как у тебя складываются отношения с шефом Адамсом?

— С ним тоже не все гладко. Этот человек просто преисполнен желания уничтожить тебя, независимо от того, виновата ты или нет.

— Да, я знаю. И уже давно.

— И ты не в курсе, почему он такой? Так и не разгадала его мотивацию?

— Нет. Это как-то связано с моей мамой. Похоже, ему нет никакого дела до Бернадетт, но у них с мамой была яростная вражда, которая каким-то образом перешла на меня после ее смерти.

— Я продолжаю требовать от него ответов, но он не делится со мной подробностями. Я планирую и дальше его изводить вопросами.

Я почувствовала, как начинает болеть голова.

— Ты можешь остановиться? Что-то происходит.

Стоун притормозил у обочины, припарковав машину, как раз в тот момент, когда боль ударила в виски. Бело-серые помехи трещали и пищали в ушах, завладевая моими чувствами.

Я попыталась сфокусироваться на помехах, определить их размер, но они, казалось, продолжались бесконечно. Ослепленная, я выбралась из машины, осторожно переступая ногами, чтобы не упасть в кювет, и, опираясь руками на раму грузовика, добралась до задней части машины. Поворачиваясь по кругу, я пыталась определить направление помех, отмечая, в какой стороне они казались наиболее сильными.

— Туда.

Мои глаза были закрыты, поэтому я не видела, в какую сторону указываю. Я уже собиралась открыть их, но тут помехи стихли. Я кое-что разглядела сквозь них. Слабое, с трудом различимое между трещинами, которые смещались, но там что-то было. Что-то скрытое.

Я сосредоточила всю свою энергию, пытаясь приблизить объект. Все вокруг медленно померкло, и тогда я увидела это. Дверь. Обычная дверь с панелями. Но она с виду была меньше обычной двери. Скорее, просто дверца. Ручка в виде петли потемнела.

Я попыталась подтянуть дверь поближе, но все снова сдвинулось и исчезло. Я открыла глаза и обнаружила, что застыла на дороге за грузовиком Стоуна.

Стоун стоял в нескольких футах от меня, внимательно изучая.

— Что случилось?

— Это снова были помехи, но на этот раз за ними что-то пряталось. Сложно увидеть, не так просто разобрать, но это была какая-то дверь. Небольшая дверка, но я понятия не имею, куда и для чего она нужна.

Иллюзия двери должна исходить от Бернадетт, но почему? И почему изображение было таким непостоянным? Почему я не могла его разглядеть и почему она не прислала мне нечто, ведущее к ней? Неужели это одна из тех экстрасенсорных вещей, о которых я еще не знала?

Если все это окажется одним из безумных тестов Бернадетт с целью проверить мои способности, я ее задушу.

— Ты указала туда, — сообщил Стоун, ткнув пальцем. — И разве город не в той стороне?

— Мы все еще обходим озеро, но да, как только мы это сделаем, нам нужно будет ехать в северную часть города.

— Давайте отправимся в путь. Заодно и дверь по дороге опишешь.

— Прости, что напрасно потратила твое время, — повинилась я перед Стоуном, смущенная тем, что следуя за помехами, мы приехали к моему дому.

Мы оба сидели в его грузовике и смотрели на ленту с изображением места преступления напротив входной двери.

Стоун усмехнулся.

— Ну, теперь мы знаем. — Он пожал плечами. — Если вдруг заблудишься, у тебя есть свой встроенный GPS, к которому можно подключиться.

Я толкнул его в плечо, смеясь.

— Прекрати. Это не смешно. Эта статическая штука какая-то странная.

— Когда мы найдем Бернадетт, может быть, она сможет все объяснить. А пока, — Стоун лукаво улыбнулся, — могу я угостить тебя обедом?

— Ты забываешь, что половина города считает меня убийцей. Мы не можем просто прийти и пообедать в закусочной.

Стоун вздохнул, задумавшись, потом медленно улыбнулся.

— Поехали в город. Там полно мест, где можно поесть, и никто тебя не узнает.

Выбраться из нашего городка — это, конечно, замечательно, но я не могла отделаться от ощущения, что Бернадетт в беде. Уезжать прямо сейчас казалось неправильно.

— Думаю, мне следует вернуться в дом Бернадетт. Продолжить ее поиски.

Стоун кивнул, завел двигатель и тронулся с места.

— В другой раз? Может быть, на следующей неделе? — предложила я.

— Конечно, — согласился Стоун, но его разочарование бросалось в глаза.

— Извини, просто...

— Я понял, — перебил Стоун, подняв руку, чтобы остановить мои объяснения. — В следующий раз, конечно.

Пока Стоун вез нас обратно за город, тишина, установившаяся между нами, сделалась оглушительной. Я все пыталась придумать, что сказать, чтобы разрядить обстановку, но так и не придумала.

— Детектив Стоун, — раздался голос Айзека по полицейской рации, — вы на связи?

Стоун взял рацию с центральной консоли, управляя машиной одной рукой, и ответил:

— Стоун, слушаю.

— У нас есть совпадение с машиной, которую мы искали. В двух милях к северу от города на Беллботтом-роуд.

Стоун взглянул на меня.

— Знаешь, где это?

— Да, примерно в миле к востоку от дома Остина.

Стоун нажал на кнопку рации.

— Уже еду. Расчетное время прибытия — пять минут.

— Принято, — ответил Айзек.

— Вы искали еще какую-то машину, кроме машины Бернадетт? — спросила я.

— Насколько мне известно, нет, — отозвался Стоун, убирая рацию обратно в консоль. — Айзек не называл код тела. Это хороший знак. — Он похлопал меня по руке. — Значит, что бы он ни нашел, Айзек не знает, как с этим быть.

— Хороший знак... Верно, — кивнула я. — А то последнее время меня просто переполняет удача.

Стоун ничего не сказал, притормозив перед знаком «Стоп». На следующей дороге я велела ему повернуть направо. Примерно через милю он свернул на Фэйрвью-лейн, а затем налево на Беллботтом-роуд.

— Похоже, здесь не так много интересного, — заметил Стоун, оглядываясь по сторонам.

— Несколько фермерских домов. Кое-где лошадиные и свиные фермы, — ответила я, повертев головой. — Большая часть земли на этом участке — заболоченная.

Стоун заехал на вершину холма, но когда он начал спускаться с него, мы увидели у подножия внедорожник Айзека с мигающими фарами.

Я посмотрела на Стоуна и покачала головой.

— По-моему, твоя теория о хороших знаках разлетелась в пух и прах.

— Ладно, может быть, не такой уж и хороший знак, — с тяжелым вздохом согласился Стоун. — Просто оставайся в машине, пока я не выясню, что происходит. — Стоун притормозил у края дороги позади автомобиля Айзека.

Не обращая внимания на указания Стоуна, я выбралась из его грузовика и зашагала к Айзеку.

Айзек шаркал ботинком по гравию, опустив глаза при моем приближении.

— Не знал, что вы вместе.

— Она здесь? Она... — начала спрашивать я.

— Так, так, не забегай вперед, — посоветовал Айзек. — Это может оказаться пустяком. Просто ничем.

— Что тут у нас? — спросил Стоун, переключаясь в режим детектива.

Айзек кивнул в сторону обочины.

— Нашли машину, похожую на «Нову» Бернадетт. Я вызвал эвакуатор, чтобы ее вытащить. Попросил их не сообщать об этом в радиоэфир.

Я подошла к краю обочины и посмотрела вниз. Берег был крутым, обрывался примерно на пятнадцать футов, внизу находился дренажный пруд. По обе стороны от «Новы» Бернадетт высились деревья с вывороченными корнями. От машины виднелись только багажник и бампер, но это точно ее «Нова».

Пройдя по краю дороги, выбрала место, где берег был не таким крутым, и начала спускаться с холма.

— Стой, — крикнул Стоун. — Это место преступления.

— А это машина моей бабушки, — заявила я, глядя на него. — Даже не думай меня останавливать.

— Внутри машины ничего не видно, — заметил Айзек. — Передняя часть находится под водой, а вода слишком мутная, чтобы разглядеть что-нибудь.

— Мне не нужно заглядывать внутрь. Достаточно добраться до машины. — Я продолжала идти, не обращая внимания на их споры. Достигнув подножия, я обогнула дренажный пруд, пока не оказалась так близко к бамперу, как только могла.

Мне не нравилась озерная вода, но я надеялась, что пруд не станет помехой. Я стянула с себя кроссовки и носки, бросив их в сухую чашу высокого кустарника. Зашла в воду, и под ногами захлюпало и просело. Пахло тоже не очень приятно. Еще через месяц эта канава станет совсем сухой, но сейчас земля еще восстанавливалась после обильных весенних

дождей прошлого месяца.

Я сделала еще один шаг, уровень воды поднялся от лодыжек до колена. Хорошо, что на мне сейчас шорты.

— Осторожно, Давина, — предупредил сверху Айзек.

Я не знала, смогу ли удержаться над водой, если сделаю еще один шаг, поэтому попробовала вытянуть руку вперед, чтобы достать до бампера. Не получилось. Мне нужен еще один дюйм.

Повернувшись боком, я слегка сдвинула ногу, затем снова наклонилась. На этот раз мои пальцы коснулись бампера. Я закрыла глаза, сосредоточившись на машине.

Я почувствовала Бернадетт, но это оказались слабые колебания энергии из прошлого.

Открыв глаза, я осторожно сделала один шаг по залитому водой берегу, затем другой, продвигаясь на несколько дюймов за раз, пока не выбралась на сушу.

Взяв кроссовки и носки, я поплелась обратно по тропинке, чтобы присоединиться к Стоуну и Айзеку как раз в тот момент, когда подъехал эвакуатор.

— Ее там нет, — сообщила я им, бросив кроссовки на асфальт.

— Держи, — протянул мне бутылку с водой Айзек. — Пока не появилась сыпь, смой с себя эту грязь.

Отступив на обочину дороги, я полила чистой водой себе на ноги, пока большая часть черноватой грязи не стекла по склону. Закончив с обливанием, я посмотрела на Стоуна, который направлял водителя эвакуатора к машине Бернадетт. Водителем был сын Ланса, Эрик Додд. Он оглянулся и кивнул мне, а затем снова уставился на берег.

Эрик на пять лет старше меня, поэтому мы не очень хорошо знали друг друга, но поскольку наши семьи дружили, особенно когда мы были маленькими, мы общались достаточно дружелюбно. Эрик был сыном Линетт от предыдущего брака, но Ланс усыновил его в возрасте четырех-пяти лет. Ланс был хорошим человеком и воспитывал Эрика как родного. Насколько я знала, Эрик относился к нему также. Он считал Ланса своим отцом.

Я прислонилась к внедорожнику Айзека, надевая кроссовки и носки.

— Ты говоришь, Бернадетт там нет, — кивнул Айзек в сторону холма. — Ты в этом уверена?

— Да, точно. Я почувствовала ее, но это все старые ощущения. Если бы она слетела с дороги, я бы уловила ее страх перед смертью.

— А если ее накачали наркотиками перед тем, как она съехала? Ты бы все равно ее почувствовала? — уточнил Айзек.

Я оглянулась на обочину дороги, где она уходила к пруду с водохранилищем.

— Думаю, я бы все равно поняла. Но не скажу, что я много практиковалась в розыске мертвецов. Да и не очень хочется пробовать.

Айзек кивнул, наблюдая за тем, как Эрик разворачивает буксировочное устройство.

— Стоун попросил меня подбросить тебя до дома Бернадетт. Ты хочешь остаться здесь или поехать домой?

Я с беззлобным смешком повторила слово «домой», думая о ленте с изображением места преступления, прикрепленной к входной двери.

— Извини, просто выражение такое. Выскочило, — пробурчал Айзек.

— Все в порядке. Правда, все в порядке. — Я оглянулась, когда Эрик начал опускать цепь, подвешенную к концу крана на кузове его грузовика.

Перед нами с Айзеком остановился красный двухдверный автомобиль. Я приподняла

руку, чтобы заслонить глаза от солнца, и посмотрела на него. За рулем сидела Бритт.

— Давина, все в порядке? — спросила она. — Кому-нибудь нужна медицинская помощь?

— Пострадавших нет, но ты едешь в город?

— Точно. У меня встреча с Джеки Джонс, — широко усмехнулась Бритт. — Тебя подвезти?

— Да, пожалуйста, — ответила я и снова посмотрела на Айзека. — Ты ведь дашь мне знать, если найдешь что-нибудь в машине?

— Конечно. Держи телефон включенным.

Я оббежала машину Бритт и забралась на пассажирское сиденье.

— Извини. Возможно, от меня все еще воняет болотом. Я ополоснулась, но не уверена, что это помогло.

— Брось, — с улыбкой сказала Бритт, помахав Айзеку на прощание и выезжая на дорогу. — Моя машина до сих пор благоухает болотом после поездки домой на прошлой неделе. Похоже, этот запах остается навсегда.

Я улыбнулась, вспомнив, как на прошлой неделе Бритт вместе с нами гонялась за злодеем по болоту. Откинувшись на спинку сиденья, я расслабляясь, наблюдаю за дорогой перед нами.

— Итак, у тебя встреча с Джеки? То есть ты переезжаешь в Дейбрик-Фоллс?

— Да, точно. Даже если с работой не сложится, мне здесь нравится. Чувствую себя как дома.

Я посмотрела на нее, потом на дорогу, потом снова на нее.

— Можешь не отвечать, но ты... — Я пыталась придумать, как лучше спросить.

— Преследую Ноа? — Бритт рассмеялась, взглянув на меня. — Он так думает, но нет. Он горяч и все такое, даже нажимает на все нужные кнопки, если понимаешь, о чем я. Но я не принимаю решений, меняющих жизнь, из-за мужчины. И уж точно не ради таких плейбоев, как Ноа.

— Ясно, — отозвалась я, хотя и сомневалась, что Ноа так думает. — Просто Ноа, когда речь идет об отношениях, предпочитает идти по легкому пути. Не напрягается.

— Это заметно. — Бритт продолжала улыбаться, но я почувствовала, как исчезло её веселье. — Я поняла. Он считал, что я просто интрижка на выходные, а потом узнал, что я перевелась. Честно говоря, ничего такого не планировала. Я удивилась не меньше, чем он, когда Девон не вернулся из отпуска, а мой перевод вдруг одобрили. Впрочем, это ничего не меняет. Ноа просто придется решить, как работать с женщиной-партнером.

— А если он этого не сделает? — спросила я.

— Я уже поговорила с другими парамедиками. Они готовы пойти навстречу и поменяться сменами, если мы с Ноа не сможем договориться.

— А Ноа знает, что ты с ними разговаривала? С другими парамедиками?

— Нет, если честно. Я пыталась ему позвонить, но он не отвечает. Хотела предупредить его, пока мы не вышли на работу в конце недели.

Я закатила глаза, слишком хорошо зная, каким упрямым может быть Ноа.

— Что ты делаешь завтра?

— Надеюсь, перееду, но пока не знаю. А что?

— Если у тебя появится свободное время, мы собираемся в новом офисе Оливии, чтобы помочь с покраской и уборкой. Приходи. Я уверена, миссис Полсон подключит Ноа к

работе.

Бритт посмотрела на меня с сияющей ухмылкой на лице.

— Пожалуй, так и сделаю. Это не только звучит весело, но и хорошо бы прояснить ситуацию с Ноа.

Я показала на ближайшую улицу, направляя ее, пока мы не добрались до тротуара перед офисом Оливии.

— Спасибо, что подвезла, — поблагодарила я, вылезая из машины. — Удачи тебе на встрече с Джеки.

— Давина... — окликнула Бритт, прежде чем я успела закрыть дверь.

Я наклонилась, ожидая, пока она закончит.

— Просто чтобы ты знала, я не думаю, что ты это сделала. Я имею в виду, знаю, что ты этого не делала. То, что все говорят, — полная чушь. Не падай духом. И не слушай сумасшедших.

Быстро кивнула, прежде чем закрыть дверь. «Но что, если это не они сумасшедшие?» — печально подумала я.

Входная дверь в офис Оливии была открыта настежь, а мощный вентилятор работал на большой скорости, выдувая воздух наружу. Я боком протиснулась мимо него, подозревая, что миссис Полсон настояла на том, чтобы проветрить помещение.

Оглядевшись вокруг, я удивилась, насколько просторнее и светлее выглядит теперь пространство без грязного темного ковра.

— Привет. Как ты сюда добралась? — спросила Оливия, когда я вошла внутрь. — Ты ведь не на машине, правда?

— Нет, меня подбросила Бритт. Долгая история. — История, которую я не хотел рассказывать, потому что Оливия была не одна.

За ее спиной стоял мужчина, которого я никогда раньше не видела. Он нависал над плечом Оливии, пока они смотрели на экран компьютера.

Я кивнула ему.

— Привет, я Давина.

— Привет, я Артур Кемп. Я работаю в агентстве по безопасности и криминальным расследованиям «Силвер Эйс» техническим специалистом и администратором.

— Привет, Артур Кемп. Приятно познакомиться, — приветливо улыбаясь, ответила я, пожимая протянутую руку.

— О, зови меня просто Кемп. Все так делают. Не уверен, что босс вообще знает мое имя.

— Значит, Кемп. Что привело тебя в Дейбрик-Фоллс?

— Ну, это немного необычно, но Оливия наняла меня, чтобы я обучил ее работе с системами, необходимыми для проверки биографических данных.

Я посмотрела на Оливию, приподняв бровь.

— А что случилось с написанием бюджета и бизнес-плана, прежде чем делать что-то еще?

Оливия протянула мне толстую тетрадь и усмехнулась.

— Я все еще работаю над бюджетом и бизнес-планом, вношу изменения, которые предложила миссис Полсон. Но приглашение Кемпа для обучения программам — это инвестиция.

— Не стоит ставить телегу поперед лошади.

— Понятия не имею, что это значит, но я обсудила это решение с миссис Полсон, и она его одобрила. Чем быстрее я освою программы, тем быстрее мы начнем получать доход. — И Кемп сказал, что они постоянно получают запросы на проверку анкет, которые приходится передавать в другие места. Поэтому, если у меня все получится, они пришлют мне несколько анкет в работу.

— Оливия уже осваивается, — заметил Кемп, указывая на экран компьютера. — Она быстро учится.

Оливия засияла от непрошеной похвалы.

— И Оливия выбрала идеальное время, — добавил Кемп. — На этой неделе мой босс и ее семья уехали в отпуск, так что у меня появилось свободное время. И я должен сказать, что Дейбрик-Фоллс великолепен. Трудно поверить, что он находится всего в тридцати минутах езды от мегаполиса.

— Тебе стоит подумать о переезде сюда, — несколько излишне восторженно заявила Оливия. — Одиноким женщины в Дейбрике упадут в обморок от такого симпатичного парня, как ты. Не я, конечно, я замужем. А вот Давина свободна, — с дразнящей улыбкой сообщила Оливия.

Ухмылка Кемпа стала шире.

— Правда? Такая красotka, как ты?

Бросив взгляд на Оливию, я ответила Кемпу.

— Она забыла упомянуть, что я — местный экстрасенс, которого подозревают в убийстве собственного отца. Нельзя винить местных парней за то, что они не хотят со мной встречаться.

Кемп нервно рассмеялся, оглянувшись на Оливию.

— Она ведь шутит, правда?

Оливия натянула на лицо фальшивую улыбку, не отвечая ему.

— Давина, у тебя плохой день?

Я закатила глаза, что стало ошибкой, потому что желтые и осыпающиеся потолочные плитки надо мной вызвали отвращение.

— Можно сказать и так. — Я показала на стол и компьютер. — А как насчет этих вещей? Сколько ты потратила на стол и компьютер? Мы же договорились не тратить деньги до тех пор, пока у тебя не будет надежного плана действий.

— Стол я получила во временное пользование из хозяйственного магазина. Кажется, они надеются, что их щедрость повлечет за собой покупку кучи инструментов и расходных материалов, но пока наш список покупок минимален. Джеки даже нашла нам подержанную потолочную плитку, чтобы заменить вот это, — Оливия помахала пальцем над головой, но не стала смотреть на потолок, — отвратительное месиво над нами. Плитка неидеальна, но зато она бесплатна. Брейдон и один из его приятелей пошли забирать ее из здания, которое планируют отремонтировать на следующей неделе.

— А компьютер?

Оливия огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, и прошептала:

— Я его не покупала, а одолжила.

— Оливия Бриджес-Холт, ты его одолжила или украла? Потому что выражение твоего лица напомнило мне о том, как ты украла свинью у...

— Стоп! Стоп! — Оливия подняла руку, чтобы не дать мне повторить эту историю перед Кемпом. — Я не спрашивала, но и компьютер не воровала. Когда мы поженились, то договорились с Брейдоном, что все, что принадлежит мне, принадлежит ему, и наоборот.

Если бы речь шла о компьютере из их дома, Оливия не вела бы себя так изворотливо.

— Оливия, ты взяла этот компьютер из адвокатской конторы Брейдона?

— Он просто стоял там и собирал пыль. Брейдон, наверное, даже не заметит пропажи. Ведь он предпочитает свой ноутбук.

— Если у него на этой штуке хранятся конфиденциальные файлы, он тебя придушит. Ты же знаешь, как он относится к сохранению тайны клиента. Он может потерять лицензию.

— Брейдон меня не задушит. Если он это сделает, ему придется самому воспитывать мальчиков. А так мы сегодня утром играли в «камень-ножницы-бумага», чтобы выяснить, кому придется отводить их в детский сад. — Оливия откинулась на спинку стула и с усмешкой посмотрела на меня. — А насчет соблюдения конфиденциальности — это

неважно, потому что мы женаты. На нас распространяется закон о том, что женатые пары не могут доносить друг на друга.

— Этот закон касается дачи показаний в суде против своего супруга. Он не защитит Брейдона от лишения лицензии. — Я рассеянно провела рукой по лбу. — Мне лучше поскорее отсюда уйти. Мало того, что голова жутко болит, так я еще и не хочу оказаться рядом с тобой, когда Брейдон узнает, что у тебя этот компьютер.

— Ты опять забыла, что не можешь вести машину, — хихикнула Оливия. — Мы с Кемпом почти закончили. Дай мне еще пять минут. Я добыю бюджет у Бернадетт дома. Боже, как же все дорого, когда начинаешь подсчитывать. Это просто шокирует.

Мы с Кемпом поджали губы, не комментируя.

— Все по-прежнему собираются завтра на покраску? — спросила я Оливию.

— Да. Начало в восемь или девять. Некоторые сказали, что заедут после работы, чтобы узнать, не нужна ли нам еще помощь. Но миссис Полсон хочет, чтобы я приступила раньше всех. Она сказала, что хозяин всегда должен приходиться первым и уходить последним. — Оливия сморщила нос, наклонив голову набок. — А еще она велела мне надеть старую одежду, но у меня нет никакой старой одежды.

— Я одолжу тебе что-нибудь. — Я еще раз окинула взглядом комнату. С командой добровольцев работа пойдет быстро. — А ты случайно не нашла никакой информации об участке рядом с домом Остина?

— Пока нет, но Кемп показывал мне, как проводить поиск недвижимости, когда ты пришла.

— Ну, я не уверена, что это поможет, но, согласно семейной книге, собственность перешла сорок лет назад к компании под названием «Черная кровь». И, как сказала нам Бернадетт, никакого обмена денежных средств при передаче собственности из семейного траста Куэйдов не производилось.

— На самом деле это поможет, — согласился Кемп. — Мы сразу исключим поиск собственности и будем отслеживать название компании.

— Я просто надеюсь, что это приведет нас к злодею, — проговорила я. — Не уверена, что Далтоны и Джеки смогут долго оставаться без ответов. Когда я их вчера видела, они все уже были на грани срыва.

Кемп бросил на меня удивленный взгляд, но ничего не сказал.

— Мы разберемся с этим, — заявила Оливия. — А пока мы больше не называем его злодеем. Мы говорим «Субъект». Это означает неизвестный подозреваемый или фигурант. Круто, правда?

— Ты вычитала это в одной из своих книг по частному сыску? Это термин частного детектива? — спросила я.

— Нет. Я набрала в гугле, как они называют подозреваемых в сериале «Мыслить как преступник», — объяснила Оливия. — Мне тоже нравится так говорить. Субъект. Субъект. Это весело. Попробуй. Субъект.

— Подождите. У вас двоих уже есть дело? — спросил Кемп, оглядывая офис. — Я думал, мы просто проверяем случайную собственность для практики.

— Мы охотимся за серийным похитителем, — сообщила Оливия. — В прошлые выходные мы нашли похищенную девочку-подростка. Затем крестная мать девочки наняла нас, чтобы мы отыскивали человека, который ее похитил. — Оливия оглянулась на меня и подмигнула. — Субъект.

Кемп нервно хихикнул.

— А вам не кажется, что надо начинать с малого? Может быть, постепенно продвигаться к большим делам?

— Оливия рассуждает иначе, — заметила я, расхаживая по основной комнате. — Она прыгает в воду обеими ногами и надеется, что кто-нибудь вытащит ее, если она начнет тонуть. Ее муж обычно играет роль спасателя.

— О, спасатель. Представляю, как это будет, — озорно улыбаясь, промурлыкала Оливия.

— Держи себя в руках, Оливия, — ткнула я пальцем в ее сторону. — Ты на работе.

— Точно. Прости. Мы говорили о нашем субъекте. Никаких новых зацепок.

— Хорошо. Сообщи мне, если что-то изменится. Я совсем забыла рассказать Стоуну о «Черной крови», но пошлю ему сообщение. Насколько я знаю, они уперлись в стену, пытаюсь отследить владельцев.

— «Черная кровь», — повторила Оливия, делая пометки в своем блокноте. — Теперь они у меня в списке.

Я направилась к двери.

— Не торопись. Я подожду на скамейке.

Когда я вышла на улицу, мои легкие чуть не сдулись от полуденной влажности. Июнь в Мичигане отличался непредсказуемостью. Независимо от прогноза погоды, приходилось готовиться к перепадам температуры — от пяти до тридцати трех градусов. Сейчас же температура подбиралась к двадцати семи.

Я прошла по тротуару до скамейки, расположенной перед соседним офисом Брейдона. Скамейку затеняло большое дерево, но я ничего не могла поделать с влажностью. Не обращая внимания на проходящих мимо людей, достала телефон и отправила Стоуну информацию о компании-владельце участка и свои извинения за то, что забыла сообщить ему об этом раньше. Я также спросила, нашли ли они что-нибудь в машине Бернадетт.

Подождала ответа, но через пять минут убрала телефон обратно в карман.

Прикрыв глаза рукой, я посмотрела на небо. Судя по положению солнца, сейчас только середина дня. До вечера оставалось несколько часов. Сегодняшний день казался мне самым длинным в моей жизни, и в то же время он еще даже не приблизился к завершению.

Я не удивилась, что Оливии потребовалось полчаса, чтобы закончить работу с Кемпом. Ее чувство времени всегда отличалось некоторой неточностью. Но когда она выскочила из офиса к «Хонде» и запрыгнула на водительское сиденье, я закатила глаза.

Все еще сидя на скамейке, я показала на нее, потом на дверь офиса, которая все еще оставалась открытой, и работающий вентилятор. Кроме того, я подозревала, что в офисе все еще горит весь свет.

Оливия выскочила из «Хонды» и побежала обратно к дверям.

— Упс. Забыла.

Я поднялась со скамейки и последовала за ней.

— Как только наведешь здесь порядок, не забудь запереть дверь.

— Я знаю. Знаю. — Оливия втащила вентилятор в комнату и выключила его из розетки. — В следующий раз не забуду.

— Иди проверь заднюю дверь. Убедись, что она заперта. И выключи весь свет!

Оливия убежала в задние комнаты, а я подошла к ее импровизированному столу, чтобы выключить компьютер. Вскоре подруга вернулась, и я последовала за ней к входной двери, указывая на выключатель.

— Выключи свет.

Оливия бросилась к выключателю и щелкнула всеми тремя кнопками. Поскольку передняя часть помещения в основном застеклена, полуденное солнце освещало пространство достаточно хорошо, чтобы мы могли спокойно выйти на улицу. Я ждала и наблюдала, как Оливия запирает дверь.

— Ну вот, все надежно заперто. Держи, — Оливия протянула мне ключ. — Это твой ключ. Ещё я дала по ключу Брейдону и Айзеку.

— А Айзеку зачем? — поинтересовалась я.

Оливия усмехнулась, подхватила меня под руку, и повела нас обратно к «Хонде».

— Несмотря на то, что стараюсь вести себя ответственно, мы обе знаем, что я немного рассеянна. А поскольку Айзек все равно постоянно патрулирует город, подумала, что ему не помешает иметь ключ на случай, если я снова забуду все выключить.

Я покачала головой, когда мы забирались в «Хонду».

— Как твой ожог? Все еще болит?

Оливия положила свой портфель на коврик рядом с моими ногами.

— Да, но не очень сильно. Просто жжет и ноет. Ноа все-таки оказался прав. Мне нужно быть сильнее. Особенно если я хочу стать частным детективом.

— Ноа оставил бинты и крем от ожогов у Бернадетт. Когда мы приедем, я поменяю тебе повязку. — Я потянула за кольцо с ключами, добавив к нему ключ от офиса.

— Спасибо, но давай я сначала попробую сделать это сама. Я не могу все время полагаться на то, что ты и Брейдон обо мне позаботитесь. Я уже взрослая.

— Хорошо. Тогда сейчас самое время сказать тебе, что ты потратила сегодня около четырех долларов на электричество, включив все лампы.

Отъехав от обочины, Оливия наморщила лоб, размышляя.

— Четыре доллара — это ведь неплохо, правда?

— Да, конечно, если ты заработала эти четыре доллара. Но так ли это?

— Нет, но как же я смогу наладить работу без света?

— Используй только то, что тебе необходимо. Вентилятор имеет смысл. Свет, где ты работаешь, имеет смысл. Компьютер, если не считать того, что ты его украла, имел смысл. Но у тебя свет горел везде.

Оливия остановилась перед перекрестком, но ее лицо по-прежнему выглядело напряженным.

Я знала этот взгляд. Виноватый взгляд Оливии.

— Ты опять оставила дома все лампы включенными?

Оливия криво усмехнулась.

— Ты невозможна.

— Но ты меня любишь, — промурлыкала Оливия, заводя «Хонду».

Прежде чем я успела прокомментировать ситуацию, зазвонил мой телефон. Я вытащила его и увидела, что звонит Эрик Додд.

— Привет, Эрик, — проговорила я.

— Привет, Давина. Айзек попросил меня позвонить тебе на обратном пути в город по поводу «Новы» Бернадетт. Кстати, отличная машина. Дай мне знать, если ей понадобится помощь в ее восстановлении.

— Почему Айзек просил тебя мне позвонить?

— Ну, видишь ли, Айзеку велели не звонить тебе, так что он обходит приказ, попросив это сделать вместо него.

— Почему? Бернадетт не было... Ну, знаешь...

— Нет, нет. В машине не было тела. Но ее сумочка и ключи лежали в «Нове». Бернадетт ищут по всей округе, включая дно пруда. Детектив Стоун опасается, что она могла утонуть или оступиться после аварии.

Я расслабилась в кресле, наблюдая, как Оливия маневрирует с улицы на улицу, пытаюсь выбраться из города.

— Бернадетт нет рядом с местом аварии, но в конце концов они это выяснят.

Эрик шумно выдохнул в трубку.

— Это радует. Плохо, что так получилось с Фрэнсисом, но чтобы еще и твоя бабушка... — В трубке послышался гудок клаксона и ругань Эрика.

— Эрик, ты был рядом с Айзеком и Стоуном, когда они открывали сумочку Бернадетт? Что там лежало? Ее бумажник и все остальное?

— Да, да. Бумажник, ключи, солнцезащитные очки и прочее оказались в сумочке. Стоун отметил, что у нее в кошельке находились деньги. Потом он замолчал, когда увидел, что я его слушаю.

— Ладно, хорошо... — Я задумалась, а потом резко оживилась. — Подожди, ты сказал, что ее ключи лежали в сумочке? Ключи от машины?

— Да, раз уж ты об этом упомянула, ключей в замке зажигания не было. Но Бернадетт могла быть в шоке. Я несколько раз видел, как люди совершают странные поступки. Например, в оцепенении она могла вытащить ключи из замка зажигания и положить их в сумочку.

— Если бы Бернадетт действовала на автопилоте, она бы вышла из машины и утащила с собой сумочку. Не говоря уже, что дверь машины оставалась закрытой. Я не думаю, что у нее хватило бы сил открыть и закрыть дверь, учитывая, что машина погрузилась в воду.

— Хорошие замечания, — согласился Эрик. — Хочешь, чтобы я передал их Айзеку?

— Не против? Стоун отнесется к ним с меньшим подозрением, если ты позвонишь.

— Не вопрос. Что-нибудь еще нужно?

— В общем-то, нет. Что будет с «Новой»?

— Полиция хочет еще раз осмотреть ее, когда машина высохнет. Я пока оставляю ее на стоянке, а когда они закончат, позвоню тебе.

— Звучит неплохо. Надеюсь, к тому времени я найду Бернадетт.

— До скорого, — попрощался Эрик, прежде чем отключиться.

Я подняла глаза, когда мы свернули на Пайпер, почти добравшись до дома Бернадетт.

— Что все это было? — спросила Оливия.

— Айзек нашел машину Бернадетт. «Нова» затонула в пруду на Беллботтом-роуд.

— Что Бернадетт там делала?

— Я не уверена. Стоун прочесывает местность в поисках ее тела. Ее там нет, но ты знаешь...

— Они никогда не слушают, да, я в курсе. А ее сумочка? Что с ней такое?

— По версии Стоуна, Бернадетт разбилась, выбралась и ушла или утонула. Но ключи от машины лежали в ее сумочке.

— Нет, — покачала головой Оливия. — Это не подходит. Берни даже не кладет ключи в сумочку. Она просто бросает их в подстаканник.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что даже я не настолько глупа, чтобы оставлять ключи от машины на виду, поэтому мне показалось забавным, когда я увидела, как Берни сделала это дважды на прошлой неделе. Словно она специально приглашала кого-нибудь угнать ее машину.

Я попыталась придумать сценарий, который соответствовал бы характеру Бернадетт.

— Может она инсценировала аварию?

— Это больше похоже на Берни, но для чего? В чем смысл такой игры?

— Может, она хотела уехать из города? Прикинуться мертвой на некоторое время?

— И покинуть свой дом на отшибе? Не верю. Берни устроила свою жизнь так, как ей нравится. Она не стала бы просто вставать и уходить. Она бы просто вернулась в свой дом и застрелила любого, кто пересечет границу ее собственности, если бы хотела, чтобы ее оставили в покое.

Оливия, вероятно, права.

— Ты нашла что-нибудь еще на видеозаписи?

— После утренней встречи с миссис Полсон я просмотрела видео, но не увидела никого, между тем как Берни ушла в субботу вечером, и тем, как мы приехали вчера днем.

Я провела рукой по лбу, когда Оливия свернула на Цикад-лейн, объезжая первую выбоину.

— Нам нужно обозначить выезд на асфальтированную дорогу, — пожаловалась Оливия. — Большие красные шары или гигантский знак со стрелкой, указывающей на съезд. Я никогда не могу найти это дурацкое место с Пайпер-роуд.

— Я тоже не могу его найти, но не думаю, что Бернадетт согласится на большой знак со стрелкой.

— Ну, она не имеет права голоса. Либо мы пометим дорогу, либо я обменяю «Хонду» твоего отца на одну из запасных машин Бернадетт. Хонда не выдержит долгой езды по этой дороге.

Хонда действительно с трудом и скрипом подпрыгивала на выбоинах, но в основном

потому, что Оливия ехала слишком быстро и постоянно наезжала на них. Я вцепилась в ручку пассажирской двери, когда мы выскочили из очередной колеи.

— Что будем делать дальше? — спросила Оливия.

— Мне нужно осмотреться в поисках двери, которую я видела в иллюзии недавно.

— Что за дверь?

— Маленькая дверь. Настолько небольшая, что даже мне пришлось бы пригнуться, чтобы пройти через нее. Дерево выглядело дешевым, и, возможно, это просто деревянная панель, а не настоящая дверь. Ручка тоже похожа на одну из этих нажимных ручек, как на шкафах, и она была потускневшей.

— Как чердачная дверь?

— Может быть. Я не уверена.

— И ты думаешь, что она где-то здесь? — спросила Оливия, припарковавшись рядом с моим грузовиком перед домом.

— Без понятия. Но осмотреться не помешает.

— Я не против. Шнырять по дому Берни — звучит забавно. — Оливия подхватила свою сумочку и портфель, который положила у моих ног, прежде чем открыть дверь. — Давай сделаем это.

Я вылезла и стала подниматься на крыльцо.

— Сначала стирка. Надо срочно включить машинку, пока моя одежда не пропахла плесенью.

— Хочешь, я сбегаяю и сделаю это?

— Нет, не надо, — ответила я, смеясь. Меньше всего мне хотелось, чтобы Оливия испортила одежду, которую я даже не успела надеть. — Но спасибо за предложение.

Оливия ждала меня внизу, пока я ходила на второй этаж, чтобы поменять белье. По пути назад я захватила с собой стопку одежды, предназначенную только для химчистки, и бросила ее перед Оливией на стол. Не спрашивая, Оливия начала сортировать одежду, вывалив примерно половину кучи на пол. Я достала мусорный пакет и забрала то, что она посчитала недостойными.

— Так, вот эти вещи стоят того, чтобы потратить деньги на химчистку, — решила Оливия, указывая на остатки на столе. — Ты ведь это и хотела узнать, верно?

— Да, — ответила я, неся упакованную одежду к панельной двери и ставя пакет на стол в прихожей. — Но я куплю какой-нибудь из этих наборов для химчистки дома, чтобы чистить самостоятельно.

Оливия наморщила нос, но ничего не сказала. Уверена, подруга впервые слышала о концепции химчистки одежды в домашних условиях.

Я собрала одежду, все еще лежавшую на столе, и перекинула ее через перила лестницы, затем снова посмотрела на Оливию.

— Готова?

— Готова, — подтвердила Оливия, вскочив и отдав мне честь.

— Ты случайно не слишком много кофе сегодня выпила?

Оливия усмехнулась, не ответив, и подскочила к панелям.

— Начнем с сарая.

К тому времени, как мы пересекли двор и обыскали переднюю половину сарая, я уже порядком утомилась от скачущей Оливии, которая бессвязно рассказывала обо всем на свете. Когда Оливия так заводилась, удержать ее внимание не представлялось возможным. Я надеялась, что ее кофеиновый кайф скоро закончится.

Я открыла металлический шкаф, расположенный в середине северной стены сарая, не ожидая обнаружить дверь, но желая узнать, что находится внутри. Он оказался забит автомобильными запчастями: фильтрами, уплотнительными кольцами, маленькими вентиляторами с моторчиками и так далее, причем каждая полка была завалена деталями и промаркирована, к какому автомобилю они относятся.

Никогда не предполагала, что Бернадетт — механик, но, опять же, я мало что о ней знала. Я закрыла шкаф и продолжила двигаться вдоль стены.

— Нашла что-нибудь с той стороны?

— Мне нравится этот «Бьюик Энклав». Он вместительный. Как думаешь, Берни не будет возражать, если я возьму его на несколько дней?

Оглянувшись через плечо, я увидела Оливию, сидящую внутри «Энклава» и осматривающуюся по сторонам.

— Думаю, когда Бернадетт узнает, что ее «Нова» утонула в грязной воде, она будет в ярости. Лучше не дразнить медведя.

— Ты права, — с тяжелым вздохом согласилась Оливия, выбираясь из машины и закрывая дверь. — Я связывала свои надежды на покупку новой машины с тем, что Брейдон будет переживать из-за того, что я езжу на машине без кондиционера. Но вчера вечером он заявил, что это пойдет мне на пользу, что-то о воспитании характера. — Она пробормотала несколько ругательств под нос. — Не понимаю, как потеющие подмышки способствуют воспитанию характера, а если и способствуют, то я не их поклонница.

— Я тоже, — согласилась с ней, выходя на середину сарая. — Что это? — спросила я, указывая под «Энклав».

— О чем ты? — уточнила Оливия, делая несколько шагов назад и заглядывая под машину. — Я не уверена. Что-то вроде подпола?

Я присела на корточки, чтобы сделать снимок телефоном, а затем выпрямилась и отправила фотографию Эрику Додду, спросив его, для чего нужна эта крупная яма.

Прошло несколько минут, но в конце концов он ответил, что она предназначена для замены масла и для того, чтобы человек мог залезть под машину, а не ставить ее на подъемник. Поблагодарив его, я сунула телефон обратно в карман, чувствуя себя немного глупо из-за своего вопроса. Если подумать, то для чего еще ее можно использовать? Да уж. Следовало догадаться.

Я поискала взглядом Оливию, но не увидела ее.

— Эрик сказал, что это масляная яма, — сообщила я. — Используется для того, чтобы человек мог залезть под машину и поработать с ней.

Из-под «Энклава» послышался громкий металлический лязг.

— Оливия? Ты там внизу? Ты в порядке?

— Я согласна с Эриком, — заявила Оливия, выползая из ямы позади «Энклава». — Это точно масляная яма.

Я рассмеялась, прикрыв рот рукой.

— О, боже.

Густая черная жижа покрывала одну сторону лица Оливии и руку. Ее одежда была пропитана насквозь, особенно брюки.

— Внизу было темно. Я случайно наступила на край емкости, наполненной маслом. Она перевернулась. — Оливия опустила взгляд на себя. — Я жутко испачкалась.

— Да, точно. Иди в дом, прими душ и переоденься. Я закончу здесь.

— Ладно. — Оливия надулась, идя к двери.

— Не трогай ничего в доме. А еще лучше — разденься до трусов на крыльце, включая обувь.

Низко опустив голову и ссутулив плечи, Оливия пробормотала «хорошо», выходя из сарая.

Я не переставала смеяться, продолжая обыскивать оставшуюся часть сарая. Закончив, я вернулась к дому и с радостью увидела на крыльце обувь и одежду Оливии. Она не ограничилась только одеждой, сняв еще лифчик и трусы, которые тоже были вымазаны в масле.

Я решила оставить все на крыльце, чтобы потом сжечь.

Войдя в дом с фальшивой стороны, я искала дверь, похожую на чердачную, но ничего не нашла. Переступив панельный дверной проем, я внимательно осмотрела стены без стекол, но потолок был А-образным, так что чердака, похоже, здесь нет.

Тогда я отправилась на кухню, заглянула в кладовку и тоже ничего не обнаружила.

Наверху я обыскала все комнаты и шкафы, но и там было пусто. Сдавшись, я отнесла корзину со свежесушеной одеждой в спальню, когда оттуда вышла Оливия в белых шортах, розовой блузке без рукавов и с волосами, собранными в высокий хвост.

— Симпатичный наряд, — отметила я.

— Правда? — произнесла Оливия, делая небольшой поворот. — Я нашла это в шкафу. Ты перепутала наши размеры, но я их снова поправила. — Она махнула рукой в дальний конец. — Это моя сторона. А это, — она провела руками от середины к другому концу, — твоя сторона.

— Рада, что у тебя есть система. Давай распределим эту одежду по местам. Я развешу оставшуюся одежду по вешалкам, а ты проверь размеры, чтобы убедиться, что они попали на нужную сторону шкафа. — Я протянула ей наряд, уже висевший на вешалке, и она проверила размер.

— Ты нашла дверь, которую искала? — спросила Оливия, беря следующий наряд.

— Нет. Даже близко ничего похожего.

— И что теперь?

— Закончу свои заметки о «Леджере Куэйдов». Я осилила примерно три четверти. Просто бегло просмотрела. Мне понадобятся годы, чтобы прочитать все от корки до корки.

— Пока ты этим занимаешься, я хочу распаковать твой ноутбук и начать настройку. Кемп сказал, что на загрузку основных параметров нового компьютера может уйти целый день. Как только запущу его, перейду на компьютер Берни, чтобы заняться поиском «Черной крови».

— Разве у тебя нет ноутбука? Я знаю, что у вас дома есть стационарный компьютер, но думала, и ноутбук у вас тоже есть.

— Есть. Но с ним произошел несчастный случай.

— Что за несчастный случай?

— Я оставила его под диванным пледом, а потом забыла о нем, пока не села сверху через несколько часов. — Оливия ухмыльнулась, проверяя размер на рубашке. — Корпус ноутбука разломился пополам.

Я не стала комментировать, отдав ей последнюю вешалку, а затем перешла к туалетному столику, чтобы разобраться в стопке сложенной одежды.

Оливия подскочила и встала рядом со мной, взяв одежду, которую я ей протянула.

— Брейдон читал мне лекции о том, как бережно нужно относиться к вещам. Это было унижительно.

— Но, зная Брейдона, после лекции он тебя простил. Тебе повезло. Он любит тебя достаточно, чтобы принять всю твою рассеянность, — улыбнулась я, поворачиваясь к ванной, чтобы взять полотенце, которое, как знала, будет лежать на полу, и выключить вентилятор и свет в помещении.

Когда я вернулась в комнату, Оливия смотрела на меня, ухмыляясь.

— Я снова так сделала?

— Я уже давно перестала обращать внимание на то, что ты не убираешь за собой, — со смехом ответила я, положив руку ей на плечо и ведя Оливию к двери. На выходе я щелкнула выключателем.

— Почему я несу эту одежду? — спросила Оливия, держа в руках вещи, которые я ей дала.

— Потому что тебе нужна старая одежда, чтобы завтра в ней красить, помнишь?

— А, ну да. — Оливия с усмешкой посмотрела на спортивные штаны и футболку. — Но нет ли у тебя какой-нибудь старой одежды, которая выглядела бы попримечнее? Эта какая-то унылая.

Я воздержалась от комментариев, пока мы шли обратно вниз по лестнице.

На первом этаже я отправилась на кухню, чтобы приготовить суп на обед в микроволновке, а Оливия заняла место по другую сторону столешницы, объясняя мне свой бизнес-план и бюджет. В целом я осталась под впечатлением. Под руководством миссис Полсон Оливия разработала реалистичный план, который должен начать приносить небольшую прибыль примерно через три месяца. Три месяца — не так уж и много для начинающего бизнеса, особенно если учесть, что Оливия поторопилась с арендой офисного помещения.

Конечно, Оливия могла спокойно прожить три месяца без дохода. А вот я — вряд ли.

— Я еще не добавила доход за поиск информации, но после разговора с Кемпом думаю, он начнет поступать уже на следующей неделе. Очень удачно получилось, что Кемп уже работает над тем, чтобы направить этот поток доходов в нашу сторону.

— Это хорошо. Правда. Но мы должны быть реалистами. Я лучше найду какую-нибудь работу по уборке в городе, чтобы оплачивать счета. Хотя бы несколько дней в неделю. А это значит, что ты будешь вести дела в одиночку.

— Я так и подумала. Не могу представить, чтобы ты сидела за компьютером по четыре-пять часов в день. Ты просто сойдешь с ума. — Оливия снова начала подпрыгивать. — И я позвонила хозяину. Выказала ему все, что думаю о состоянии офиса. Он согласился возместить нам двухмесячную арендную плату за все работы, которые мы выполняем, чтобы привести помещение в порядок. Я еще не включила это в бюджет.

— Предложение миссис Полсон?

— Да. У нее нашлось несколько убийственных аргументов. Утром, перед тем как позвонить хозяину офиса, она меня немного проинструктировала. Он сразу уступил, как она и предполагала. Она великолепна.

Я порадовалась, что Оливия и миссис Полсон так весело проводят время. Вынув суп из микроволновки, я разделила его на две порции.

— О, и Брейдон спрашивал, не могла бы ты как-нибудь прибраться в нашем доме?

Я мысленно подсчитала, сколько дней прошло с тех пор, как в последний раз была у них дома. Помимо еженедельной уборки, я обычно заглядывал к ним раз в несколько дней, чтобы быстро пробежаться по дому и убрать за Оливией. Но, если мне не изменяет память, я не появлялась там уже три или четыре дня — достаточно долго, чтобы ураган «Оливия» успел нанести серьезный ущерб.

— Да, все так плохо, — хихикнула Оливия.

Мы пообедали супом, а затем принялись за работу. Оливия распаковала мой новый ноутбук и начала загружать основные программы, затем, дождавшись запуска, она перешла к компьютеру Бернадетт, стоявшему в другом конце комнаты. Сидя за обеденным столом, я снова принялась читать «Леджер Куэйдов», делая пометки.

Спустя час я отложила ручку, вытянув руки над головой и выгнув спину. Я слишком долго сидела сгорбившись. Оливия права. Я сойду с ума, если буду целый день работать за экраном компьютера.

Окинув взглядом комнату, я увидела, что Оливия все еще погружена в свои исследования, приковав взгляд к монитору компьютера Бернадетт.

— Есть успехи с «Черной кровью»? — спросила я через всю комнату.

— Я все еще не могу найти владельцев этой компании, но уже написала Кемпу. Он сказал, что попробует. Но кое-что я все-таки обнаружила. Соглашение о переходе прав собственности.

— Что это? — спросила я, вставая и направляясь на кухню за стаканом холодного чая.

— Это договор о передаче собственности после смерти владельца. Если владельцы «Черной крови» умрут, право собственности на участок рядом с домом Остина перейдет обратно в семейный траст Куэйдов.

Я достала из шкафа два стакана, затем кувшин с холодным чаем.

— Это нормально?

— Ничуть. Подобные договоренности обычно оформляются пожизненной арендой, дающей разрешение кому-то жить в собственности до своей смерти, но не предполагают передачу фактического права собственности туда и обратно.

— Я поражена. Откуда ты все это знаешь?

— Я посещала несколько занятий по вещевому праву в колледже. — Оливия пожалала плечами, встала и потянулась. — В общем, может оказаться, что собственность, в зависимости от того, кто владеет «Черной кровью», уже готова вернуться в траст. Если она принадлежала твоей матери или твоей тете Перл, то... — Оливия замолчала, пересекая комнату и направляясь ко мне.

— Тогда, поскольку они обе умерли, право собственности переходит снова в траст. — Я протянула Оливии один из стаканов.

— Именно. — Оливия ткнула пальцем в кубик льда, плавающий в верхней части ее стакана, и втянула чай с кончика пальца. — Как бы там ни было, ты нашла в «Леджере» что-нибудь еще о том участке?

— Только несколько комментариев, написанных почерком Бернадетт, о том, что она ломает голову над передачей собственности. Она предположила, что ее мать оказалась не столь подкована в вопросах недвижимости, как в торговле на фондовом рынке. Моя прабабушка за версту чуяла хорошие инвестиции в акции. В свое время она даже вложила деньги в компанию «Амазон». К сожалению, она продала акции после того, как они выросли в три раза.

— Может быть, она проявила хитрость. Продала раньше времени, чтобы не вызвать подозрений в своих экстрасенсорных способностях.

— Прости, что ломаю твою теорию, но в «Леджере» нет ни одного упоминания, что

кто-то обладает способностью предсказывать будущее.

— Облом. — Оливия поставила свой стакан на стол и наклонилась вперед, чтобы заглянуть в мой блокнот.

Я поспешила за ней, забирая стакан и неся его обратно на кухню, пока она не залила все водой.

— Эй, что это за записи? — Оливия перелистывала страницу за страницей, держа блокнот в руках.

— Вопросы. Все, что не имеет смысла или требует поиска, я записываю, чтобы потом спросить об этом Бернадетт. — Я вернулась к столу, отодвинула одну из длинных скамеек, чтобы сесть напротив подруги. — Я все еще думаю, что наша лучшая зацепка — проследить за имуществом. Владелец, скорее всего, и есть наш злодей.

— Наш субъект, хочешь сказать, — уточнила Оливия, перелистывая очередную страницу моего блокнота. Она достала свой телефон и сфотографировала мои рукописные заметки. — Раз уж я уперлась в стену с этим участком, начну искать ответы на твои вопросы. Посмотрим, не найдется ли что-нибудь в интернете.

— Слушай, а как насчет маминой папки, которую я тебе отдала? Той, что она прятала в шкафу с записями по делу Райны? Там есть что-нибудь примечательное?

— Не особо. В основном это то, что мы уже знали, или странные заметки о ее видениях, которые совершенно бесполезны. Например, вот это, — Оливия открыла свой портфель и достала папку, раскрыв ее на странице, помеченной розовым стикером. — Твоя мама записала дату и время, затем описание, которое гласит: «Черный туман и громкий гром заглушили мои чувства. Я не смогла найти Райну».

Я усмехнулась вставая.

— Да, понятно, что это не поможет. — Я направилась к лестнице. — Мне нужно сменить стирку. Если хочешь порыться в моей семейной истории, я не против. Но по большей части я просто любопытствую, поскольку Бернадетт обо всем умалчивает. И все это не имеет отношения к делу Тауни, я просто не знала, что еще можно сделать, чтобы найти ее похитителя.

— Это звучит веселее, чем то, что я делала, так что попробую. Кроме того, я хочу проверить свою новую программу для поиска записей в архивах округа.

— Как увлекательно, — хмыкнула я, взбегая по лестнице.

Через десять минут, вернувшись на первый этаж, я ожидала застать Оливию все еще приклеенной к одному из экранов компьютера, но вместо этого она смотрела на задний двор через стеклянную стену.

Я встала рядом с ней, чтобы выглянуть на улицу, но не увидела ничего особенного.

— Что ты делаешь?

— Просто наслаждаюсь тем, какой сегодня хороший день.

— Может, ты бы оценила его больше, находясь по ту сторону стекла. Почему бы тебе не отправиться домой? Провести немного времени с близнецами?

— Брейдон повел мальчиков на бейсбол. Даже если бы хотела пойти, а я не хочу, меня не пригласили. Это их день общения с папой.

Я посмотрела на стеклянную стену.

— Давай прогуляемся. Подышим свежим воздухом.

— Свежий воздух — это хорошо. — Оливия подхватила меня под руку. — Но у меня есть идея получше, чем прогулка. — И она потянула меня к выходу.

«О, боже», — подумала я, идя за ней без всякого энтузиазма.

Но в итоге идея Оливии показалась мне забавной. Когда мы вышли во внутренний дворик, Оливия предложила спуститься к каналу на военном «муле» Бернадетт. «Мул» был примерно вдвое больше обычного четырехколесного вездехода и имел плоскую поверхность спереди и сзади. Он походил скорее на автомобиль, чем на квадрацикл, поскольку ноги ставились прямо перед водителем, чтобы нажимать на педали.

Бернадетт держала «мула» в огромном сарае на заднем дворе. Я не удивилась, обнаружив, что сарай не заперт. Меня поразило, что ключи от «мула» лежали на водительском сиденье. Мы с Оливией обменялись ухмылками, когда она запрыгнула на водительское место. Я забралась на пассажирское сиденье.

К тому моменту, когда она задним ходом вывела четырехколесного зверя с плоской платформой из сарая и на большой скорости помчалась зигзагами по болотной тропе, я уже перестала думать, что ее предложение забавно.

Я вскрикнула, когда дерево пролетело менее чем в футе от меня. Обеими руками я ухватилась за край сиденья.

— Тормози! — закричала я.

— Я не собираюсь разбиваться! Обещаю!

— Ты всегда так говоришь — прямо перед тем, как мы во что-нибудь врезаемся!

Оливия замедлилась, но ненадолго. Я продолжала сжимать сиденье до боли в костяшках пальцев. До тех пор, пока мы на большой скорости не понеслись по наезженной дорожке к каналу, я не подозревала, что при повороте руля у «мула» поворачиваются все четыре колеса. Это круто, если только за рулем не сидела Оливия. Тогда становилось откровенно страшно.

— Разве это не весело? — ухмыльнулась Оливия, взглянув на меня.

Я снова закричала, убрав одну руку с сиденья, чтобы показать на дерево прямо перед собой.

Оливия свернула в сторону от дерева. Когда она корректировала поворот, продираясь сквозь кустарник, чтобы вернуться на тропу, я начала заваливаться на бок. Сиденье

выскользнуло из-под меня, и Оливия ухватилась за мой пояс, притягивая к себе.

— Стой! — завопила я и тут же пожалела об этом, когда Оливия ударила по тормозам, и мул нырнул носом в грязь.

Мое тело сжалось, как гармошка, задница ударилась о лодыжки. От резкой остановки меня бросило вперед на пятидюймовый поручень, ограждающий платформу. Я ухватилась за верхнюю перекладину, чтобы не слететь. Куски грязи брызнули вверх от остановки мула, ударив меня в лицо и грудь, когда шины зарылись в землю.

Несколько долгих мгновений я покачивалась вперед-назад, пока снова не оказалась в кресле с вытянутыми перед собой ногами. Я смахнула с лица капли грязи. И я гневно посмотрела на Оливию. Она осталась сидеть на месте, пристегнутая ремнем безопасности на талии, что с пассажирской стороны не было предусмотрено.

Оливия вздрогнула, увидев, как я разозлилась.

— Прости? — слабым голосом произнесла Оливия.

Пошатываясь, я слезла с мула. Следуя по дорожке вниз, зашагала в сторону канала.

Через несколько минут услышала позади себя глухой гул мотора «мула».

Когда я добралась до причала, то заметила, что лодки Бернадетт нет. Я предложила ее Айзеку, но не знала, что он уже успел ее забрать. Отойдя на несколько футов от причала к кромке воды, я достала из заднего кармана телефон. Сделала селфи своего покрытого грязью лица и отправила его Брейдону с сообщением:

«Два балла. ВНИМАНИЕ! Никогда не садись на военного «мула», если за рулем Оливия».

Нажав кнопку «Отправить», я сунула телефон обратно в карман, а затем зачерпнула пригоршню воды из канала, чтобы вымыть лицо. Услышав сигнал телефона, я наскоро вытерла руки о шорты, оказавшиеся на удивление чистыми.

Прочитала ответ Брейдона.

«Ну, ты бы и сама могла догадаться. Только один балл».

Я напечатала свой ответ:

«Грязь. Внутри. Лифчика».

Последовала долгая пауза, прежде чем Брейдон написал:

«Ладно, ты победила. Или проиграла? Даже не знаю. Мальчики сказали, что они тоже хотят порезвиться в грязи».

Я услышала, как заглох двигатель мула, когда снова убирала телефон.

— Прости меня, — проговорила Оливия, с большого расстояния.

Я зачерпнула еще одну пригоршню воды из канала, чтобы ополоснуть шею. Я не обернулась, услышав, как Оливия обошла меня и вышла на причал. Я помыла руки, все еще не поднимая глаз, когда услышала, как она прыгает на причал. Передо мной появилась рябь на воде.

Оливия хихикала, развлекая себя. Но после еще нескольких ударов по причалу, от которых по воде пошла еще большая рябь, я услышала треск ломающихся досок.

И только я подняла голову, как улыбка Оливии сменилась выражением ужаса, и доски под ней затрещали. Она закричала, проваливаясь в воду, доски с одного конца прогнулись вниз, а с другого — вверх, обхватив ее. Я устремила к причалу, когда Оливия подалась вперед, пытаясь ухватиться за не сломанные доски.

Я запрыгнула на полусгнившие доски и приземлилась на живот перед ней, схватив за руку. В то время как паника Оливии нарастала, я крепко держала ее, пытаясь вытащить.

Вдалеке послышался шум лодки, но я не сводила глаз с Оливии.

— Ты ранена?

— Не знаю. Я не могу пошевелиться. Что-то упирается мне в ногу.

Осторожно, стараясь не отпустить ее, я поползла на животе вперед. Заглянула в щель сбоку. Одна из досок упиралась Оливии в бедро. Другой конец доски торчал в небо, а ее середина все еще была прикреплена к поперечной опоре большими шипастыми гвоздями.

Я посмотрела на Оливию.

— Мне нужно выбить эту доску. Ты сможешь держаться за доску достаточно долго, чтобы не упасть?

Я почувствовал, как она переместила руки под мой живот, продвигая их вперед.

— Держусь. Я зацепилась за следующую доску.

Я попробовала понемногу отпускать ее, чтобы убедиться, что Оливия может удержать свой вес, прежде чем перекатилась в сторону и встала на ноги.

Обойдя отверстие и встав на узкую опорную балку, я переместила ноги так, чтобы вертикальные доски оказались передо мной.

Ухватившись за конец доски, прижавшей подругу, я раскачивала ее из стороны в сторону, пока Оливия не вскрикнула.

— Стоп. Она слишком сильно прижата. Больно.

Я еще раз изучила отверстие со своей новой позиции. Доска передо мной, похоже, служила единственным препятствием для падения Оливии. Если я смогу оторвать доску от опорной балки, Оливия либо упадет в воду, либо выберется сама.

Наклонившись, насколько это возможно, и не теряя равновесия, я надавила плечом в доску. Как полузащитник, я уперлась своим телом в заднюю часть доски, надеясь, что другой конец сдвинется в сторону от тела Оливии.

Почувствовав, что доска чуть-чуть поддается, я усилила давление на нее. Когда услышала треск ломающейся доски, у меня уже не осталось времени ослабить давление. Как только доска оторвалась от опорной балки, я перелетела через отверстие, минуя причал, и вылетела в канал.

Берег канала был крутым, и я погрузилась головой вперед на добрых десять футов под воду, закрутившуюся вокруг меня. Прежде чем я успела развернуться, моя рука угодила в грязные сорняки. Я переместила ноги под себя, чувствуя, как сорняки обвивают мои лодыжки. Затем резко оттолкнулась от поверхности, но внезапно оказалась сбитой с ног чем-то темным и тяжелым.

Я перевернулась, подтянув ноги к телу, когда вода снова закружилась вокруг меня.

И вдруг обнаружила, что ничего не чувствую.

Я не ощущала холодной воды. Не видела и не слышала ничего. Единственное, что осознавала, — это нахлынувшие эмоции, пронизывающие меня насквозь. Страх. Печаль. Ненависть. Надежда.

Я открыла глаза. Вода была прозрачной. Передо мной плавала Эрика Натчен, подруга детства моей сестры. Она протянула ко мне руку, но я отпрянула в сторону. Рядом с ней появилась еще одна фигура. Эбби Фенн, девушка, которая исчезла в ту же ночь, что и Эрика. Третья фигура мерцала в черном свете позади них. Она была крупнее, но я не могла разобрать, кто это.

Все трое потянулись ко мне через воду, но я пронзительно закричала в ответ.

Я в видении, поняла интуитивно. Я тону. Быстро огляделась, но больше не ощущала ни

подъема, ни спуска. Я не видела солнечного света. Не видела и не чувствовала сорняков.

Я дёргалась во все стороны, пытаюсь найти выход. Поплыла прочь от девушек, но они неизменно появлялись рядом со мной, как будто я и не двигалась.

Почувствовав усталость, я поняла, что времени почти не осталось. Прекратив плыть, позволила своему телу расслабиться. Закрыла глаза, не желая, чтобы девушки стали последним, что я увижу.

Вдруг меня дернули за шею. Цепочка кулона заскрежетала по коже, потянула меня, а затем порвалась, и меня снова понесло назад.

Что-то коснулось моей макушки. Я боялась, что это девушки, но не решалась посмотреть. Затем чьи-то руки прошли по моему лицу до плеч, потом спустились под мышки.

И тут меня потянуло по воде. Я не сопротивлялась. Не понимала, куда меня тащат девушки, но у меня не осталось сил, чтобы их остановить.

В следующее мгновение я уже откашливалась водой. Остин Вандерсон склонился надо мной и обеими руками упирался в центр моей груди.

— О, слава богу, — облегченно выдохнул Остин, перевернув меня на бок и прислонив к своим бедрам.

Я снова закашлялась, практически выплевывая воду на джинсы Остина.

— С ней все в порядке? — услышала я голос Оливии. — Пожалуйста, Остин, она в порядке?

— Думаю, да, — отозвался Остин. — Просто дадим ей минутку. — Остин провел рукой по моей спине.

Я снова закашлялась, но на этот раз последовала целая серия приступов кашля. Мои легкие горели и хрипели, когда я выплевывала все больше воды.

— Вот так, — продолжал гладить меня по спине Остин. — Ты должна выпустить всю воду, Давина.

В перерыве между приступами кашля я глубоко вдохнула, наполняя легкие воздухом, чтобы выкашлять его обратно. Очередная волна неконтролируемого кашля накрыла меня, но на этот раз я почувствовала, как остатки воды выходят, а тяжесть в груди уменьшается.

— Давина, — позвала Оливия, потянув меня за плечи в другую сторону и приподняв верхнюю часть моего тела, чтобы прислонить к себе. — С тобой все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

— Оливия, — задыхаясь, проговорила я. — Ты душишь меня. Воздух. Нужен воздух.

— О, точно. — Оливия сместила меня еще выше, двигаясь за мной, чтобы поддержать. — Так лучше?

Я кивнула, снова закашлялась, но на этот раз смогла дышать между приступами кашля.

— Нормально — Оглядевшись, я поняла, что мы находимся на лодке. Понтон Остина. Я посмотрела на воду и увидела, что мы плывем посередине канала. До причала Бернадетт отсюда добрых тридцать с лишним футов. — Как мы оказались так далеко в воде?

— Ты исчезла, — объяснила Оливия. — Когда я провалилась сквозь причал, ты упала в воду в пяти футах от меня, но потом просто пропала.

Остин сдвинулся в сторону, сел на задницу, вытянул ноги и прислонился к перилам понтона.

— Я уже возвращался домой, когда услышал шум. Когда приплыл сюда, Оливия уже ныряла туда-сюда в поисках тебя. Я заглушил понтон и то же начал искать, двигаясь от центра канала назад к причалу Бернадетт. Только с третьего раза я как-то зацепился за твой кулон. Извини за это.

Я подняла руку к шее, затем похлопала себя по груди, в поисках кулона. Его не было. Я оглянулась на мутную воду, чувствуя, что он остался где-то на дне. Так не должно было случиться, подумала я и снова перевела взгляд на Остина.

— Ты спас меня. Снова. Это входит в привычку.

Остин усмехнулся, демонстрируя свою очаровательную ямочку.

— Похоже, мне просто больше нечем заниматься. Я взял выходной, чтобы порыбачить, но рыба не шла. Поймал только четырех. — Он кивнул в сторону ведра позади нас.

— О-о-о, — протянула Оливия, поднимаясь из-за моей спины.

Я подалась вперед и села сама, когда Остин протянул руку, чтобы поддержать меня.

— Что ты поймал? — спросила Оливия, споткнувшись.

Ведро с рыбой опрокинулось прямо мне на колени. Я завизжала, когда склизкие рыбки разлетелись по полу. Остин потянул меня вверх с палубы понтона, прислонив к капитанскому креслу. Рыба шлепнулась на нейлоновый ковер.

Я сузила глаза на Оливию, но она уже пригнула голову, не решаясь посмотреть на меня, когда поднимала ведро в вертикальное положение.

Остин взглянул на меня и покачал головой, после чего собрал рыбу и выбросил ее за борт.

— Похоже, у меня не самый удачный день, — заявила Оливия.

— Думаешь? Ты дважды чуть не убила меня за тридцать минут, а потом облила водой с рыбой?

Оливия надулась.

— Да, знаю, но я не хотела.

Я продолжала бурчать про себя, пока мой гнев не утих. Когда почувствовала себя менее злой, то снова посмотрела на Оливию.

— Ты пострадала? От того, что причал сломался? Какие-нибудь порезы или переломы?

— На мне ни царапины, — усмехнулась Оливия, раскидывая руки и медленно поворачиваясь по кругу. — Мой милый наряд уже не спасти, но все остальное в порядке. — Ее белые шорты теперь окрасились в коричневый цвет и покрылись разводами грязи. Блузка без рукавов была разорвана и заляпана. Но кроме наряда, Оливия не пострадала.

Остин подошел к задней части понтона. Опираясь на перила, он наклонился и ополоснул руки в канале. Затем перебрался в капитанское кресло и уселся за штурвал.

— Мне нужно пиво. А тебе? — спросил он меня.

— Мне требуется что-нибудь покрепче.

Повернув ключ зажигания, Остин сверкнул жемчужными зубами, и на его лице снова появилась ямочка. Остин развернул лодку и направил нас по каналу к своему причалу.

Я прислонилась к перилам, закрыв глаза и повернув лицо к солнцу. Почему-то, все вокруг мне казалось ярче, теплее даже несмотря на вонючую рыбью воду. Когда мы подошли к причалу, я открыла глаза и огляделась. Я могла чувствовать Остина и Оливию, не глядя на них.

Я бросила взгляд через канал в сторону Бернадетт, потянувшись к ней всеми своими органами чувств. В том направлении я ничего не почувствовала.

Инстинктивно я потянулась рукой к шее, ища свой кулон. Лодка замедлила ход, и я посмотрела вперед: Остин подводил понтон к своему причалу. Я перешла в центр понтона, медленно поворачиваясь по кругу, ощущая энергию вокруг себя. Изучая ее. Я не испытывала такого чувства осознанности с тех пор, как умер мой отец.

— Давина? — позвала Оливия. — Ты в порядке?

— Кулон, — произнесла я вслух.

— Извини, я его порвал, — с сожалением проговорил Остин, наклоняясь и привязывая лодку к причалу.

Я вспомнила, как на прошлой неделе пропал медальон. Именно после того, как я его потеряла, мне удалось найти Тауни. Даже Бернадетт заметила изменения, но из-за всего происходящего мы так и не обсудили, что именно.

— Он блокировал меня. Служил щитом, — сказала я, снова оглядываясь по сторонам.

— Давина, ты ведешь себя странно, — заметила Оливия. — Ты в порядке? Может, позвонить Ноа?

Остин повел меня за руку с понтона вниз к причалу. Когда я споткнулась, Остин поддержал меня, обхватив за талию.

— Думаю, позвонить Ноа будет хорошей идеей, — кивнул он Оливии.

— Нет, я в порядке. — Я прошла в траву и села, скрестив ноги под собой, лицом к воде. — Просто дайте мне минуту, чтобы проверить кое-что.

Я подняла лицо вверх, ощущая жар солнца на своих щеках, и закрыла глаза. Передо мной, не нуждаясь в вызове, появились мои экстрасенсорные двери. Сквозь стекло я видела, как солнце светит с другой стороны. Отпирая засов, я обрадовалась щелчку замка. Распахнула дверь и прошла сквозь нее.

— Бернадетт? Ты здесь? — позвала я.

Я подождала, но Бернадетт не ответила. Впрочем, я не расстроилась. Я чувствовала дуновение ветерка на своем лице и солнечный жар, сушащий мою одежду. Повернулась лицом к двери, но когда взялась за ручку, ощутила холод с левой стороны. Я оглянулась и увидела знакомый дом. Над ним нависли грозовые тучи, черный туман пересекал двор, подбираясь к входной двери.

Предупреждение. Далтоны в опасности.

Я вбежала обратно через французскую дверь, захлопнула ее и заперла на ключ. Открыв глаза, я посмотрела на Остина и Оливию, вскакивая с земли.

— Нам нужно идти. Тауни в беде. Нам необходимо срочно добраться до дома Далтонов. Оливия погладила меня по руке.

— Давина, Тауни в безопасности. Она с родителями. Мы спасли ее, помнишь?

Я огляделась, пытаюсь решить, в каком направлении будет быстрее всего. Если мы пересечем канал, то нам придется объезжать озера, чтобы добраться до Далтонов. Дом Остина ближе к городу.

Я схватила Остина за руку и потащила его в сторону дома.

— Нам позарез нужна машина. Необходимо срочно добраться до Далтонов.

— Мы можем взять мой джип, — предложил Остин и побежал впереди нас, свернув к своему гаражу.

Я слышала, как Оливия бежит за мной, но не стала дожидаться, пока она меня догонит. Когда Остин вывел свой джип из гаража, я схватилась за перекладину и перебралась на пассажирское сиденье, махнув Остину, чтобы он ехал.

— Может, нам подождать... — начал Остин.

— Вперед! Скорее! Нет времени! — крикнула я, пристегивая ремень безопасности.

Джип рванул вперед, набирая скорость, пока Остин мчался по своей длинной подъездной дорожке. Я достала телефон из заднего кармана джинсов, но он не работал, видимо, после купания в канале. Засунув его обратно в карман, я посмотрела на Остина.

— У тебя есть телефон?

— Нет. Он все еще в лодке. — Остин притормозил, чтобы свернуть на Догвуд-роуд, затем снова набрал скорость. — А в джипе нет функции экстренного вызова.

— Поторопись, Остин. Нам нужно туда успеть.

— Я соблюдаю скоростной режим.

— Гони быстрее. Это стоит штрафа. Времени мало.

Стрелка спидометра на джипе подскочила до восьмидесяти, а затем снова упала на

следующем повороте. Нам пришлось сбросить скорость еще на трех поворотах, прежде чем мы выехали на прямую, ведущую в город.

Проехав еще несколько миль, я показала на ближайший перекресток.

— Сверни направо! Так мы попадем в северную часть их района.

Остин затормозил достаточно для поворота, но когда джип выехал на другую полосу, приближающаяся машина ударила по тормозам, вылетев колесом на обочину.

Остин притормозил, оглядываясь в зеркало заднего вида.

— Он в порядке! Поехали! Поверните налево через две улицы!

Остин снова нажал на газ, превысив скорость в три раза, пока я помогала следить за пешеходами.

— Двухэтажный белый дом. — Я указала вперед. — Припаркуйся у обочины!

Не успел джип полностью остановиться, как я выскочила из него и побежала через газон.

Когда я поднялась на крыльцо, входная дверь открылась. Санни Далтон стояла в дверном проеме, сжимая руки, оглядываясь по сторонам, затем снова посмотрела на меня.

— Том на заднем дворе. Он будет дома с минуты на минуту.

— Где Тауни? — спросила я, протискиваясь в ее дом.

— В своей комнате. Она не хочет спускаться.

Я знала, что комната Тауни находится наверху и на северо-восточной стороне дома. Я чувствовала ее нервную энергию наверху, могла представить, как она мечется в своей комнате. Не дожидаясь разрешения, я направилась к лестнице.

Взбегая вверх и сворачивая в коридор, я знала, что Санни следует за мной, но не оглядывалась и не разговаривала с ней. Подойдя к двери, я отчетливо ощутила гул энергии по ту сторону. Я узнала его. Страх.

— Тауни, — позвала я. — Это Давина Рейвен. Ты меня не знаешь, но я думаю, что ты в опасности. Могу я войти?

Санни потянулась к дверной ручке, но я схватила ее за запястье, остановив.

— Я уйду, если ты не хочешь со мной разговаривать, — снова закричала я. — Тебе решать.

По ту сторону двери послышались звуки, похожие на передвижение мебели. Ручка двери повернулась, открыв ее достаточно, чтобы Тауни смогла выглянуть. Она посмотрела на меня, потом на мать. Когда ее взгляд снова переместился на меня, она спросила:

— Вы полицейский?

— Нет. — Я почувствовала холодный озноб. Обернулась к лестнице. О чем бы ни говорило предупреждение в моем видении, времени у нас совсем мало. Я снова посмотрела на Тауни. Ее глаза расширились от страха. Она не просто испугалась, Тауни была в ужасе.

— Что это? — спросила я. — Кто? Твоя мама?

Тауни посмотрела на меня и медленно покачала головой.

Я закрыла глаза, сосредоточившись на энергии внутри дома. Страх Тауни в сочетании с беспокойством Санни были сильны, но темнота, холодный импульс, который я ощутила, находился в задней части дома.

Я услышала, как на заднем дворе выключилась газонокосилка. Открыв глаза, я прошла в спальню на другой стороне коридора.

Подойдя к окну, как оказалось, гостевой спальни, я посмотрела вниз, и увидела газонокосилку на заднем дворе. В нескольких футах от нее Том Далтон вышагивал по двору.

Его кулаки были сжаты. Плечи напряжены. Он напомнил мне отца.

— Санни? Как давно Том так себя ведет?

— С тех пор, как мы привезли Тауни домой из больницы, — ответила Санни, глядя в окно вместе со мной. — Но сейчас он выглядит хуже, чем раньше. Намного хуже.

— Тауни, — позвала я, поспешно выходя из комнаты и возвращаясь в коридор. Тауни открыла дверь своей спальни шире, сделав один шаг в коридор. — Ты боишься своего отца?

Тауни посмотрела на меня, потом на окно в гостевой комнате.

— Очень важно, чтобы ты сказала правду. У тебя есть ощущение, что он изменился? Что он сейчас не в себе?

Тауни подняла на меня глаза и медленно кивнула.

— Санни, нам нужно срочно увести Тауни из дома. С территории.

Я услышала шаги и, обернувшись, увидела Джеки Джонс, взбегающую по лестнице.

— Что происходит? Что случилось?

— Я не знаю, — пролепетала Санни, сжимая руки. — Я не понимаю, что происходит.

— Джеки, мы должны увести их с территории. Здесь им небезопасно!

Джеки смотрела на меня с шокированным выражением лица меньше миллисекунды, затем схватила Санни за руку и побежала с ней к лестнице. Я последовала за ней, увлекая за собой Тауни. «Просто уходи с территории, — скомандовала я себе. — Отойди от границы участка».

Тауни вырвалась из моей руки и побежала быстрее вниз, чтобы догнать свою мать и Джеки. Пытаясь успеть за ними, я хваталась за перила.

Как только я спустилась вниз, в комнату влетел Том. Он бросился прямо на меня, обхватил руками шею и навалился на меня всем телом.

Я почувствовала, что остальные остановились возле двери.

— Бегите! Выходите из дома!

Я уставилась на Тома и обнаружила, что монстр смотрит на меня в ответ. «Как? Почему?» — подумала я, поднимая руки, чтобы отбиться от него.

Остин подлетел к нам и врезался в Тома, чтобы отбросить его от меня. Я перекатилась в другую сторону, вскочила на ноги и бросилась за дверь. Я не оглядывалась, пока мои ноги не коснулись асфальта. Санни, Тауни и Джеки стояли на улице, прижавшись друг к другу. Остин выбежал из дома, за рекордно короткое время пересек двор и остановился рядом со мной. На щеке у него появилась кровавая царапина, но в остальном он выглядел целым и невредимым.

Я оглянулась на дом. Том выскочил на крыльцо, расхаживая взад-вперед. Он оскалил зубы и зарычал.

В конце улицы зазвучали серены. Ситуация становилась все более ужасной. Если полицейские увидят Тома в таком состоянии, они попытаются вмешаться. Возможно, они даже арестуют Тома, решив, что это он похитил Тауни. Но это не так. Это не его вина.

Я повернулась к Санни, притянула ее к себе и встряхнула, чтобы привлечь внимание.

— Слушай внимательно. Ты не должна ничего говорить полиции. Если хочешь спасти мужа, они не должны знать, что он сейчас опасен.

— Я не понимаю. Что происходит? — с рыданием спросила Санни. — Почему мой муж рычит на нас?

Санни вряд ли удастся взять себя в руки до приезда полиции. Я повернулась к Остину, подталкивая его, а затем Санни к джипу.

— Остин, отвези их к Бернадетт. Я разберусь здесь. Забери их отсюда.

— Оставить тебя? С ним? — воскликнул Остин, кивнув в сторону дома Далтонов.

— Поверь мне. Он застрял. Он не может пересечь двор. Увози их отсюда. Давай!

Мне не пришлось уговаривать Тауни сесть в джип. Она сама запрыгнула на заднее сиденье, потянув за собой мать. Джеки бросила взгляд на дом, затем на меня, после чего повернулась и села на пассажирское сиденье.

Остин бросил на меня еще один обеспокоенный взгляд, затем вздохнул и забрался в машину. Через несколько секунд он уже огибал угол в конце квартала. Полицейская сирена приближалась с другой стороны, становясь все ближе.

— Том, послушай! — крикнула я через весь двор. — Ты слышишь их? Это полиция, Том. Если они тебя увидят, то заберут. Иди в дом. Смотри телевизор, пока Тауни не вернется домой.

Том зарычал в мою сторону, но его взгляд переместился в конец улицы. Все громче и громче редела сирена.

— Иди в дом! — снова крикнула я.

Еще раз бросив быстрый взгляд, Том скрылся в доме.

Я сделала два шага в сторону улицы и села на бордюр, тяжело вздохнув. Все мое тело дрожало, пока я пыталась успокоиться.

Неудивительно, что офицер Гейбл не поверил моему рассказу, что Далтоны разыгрывали сцену конфликта в домашней обстановке в рамках терапии Тауни.

Я имею в виду, насколько ненормальным должен быть психотерапевт, чтобы подвергнуть бедную девочку такому испытанию?

Конечно, не самая лучшая ложь, но, черт, у меня было всего несколько секунд, придумать что-нибудь, пока офицер Гейбл не припарковался у дома.

Еще больше подозрений у него вызвал тот факт, что Санни и Тауни сбежали из дома вместе с Джеки и Остином. Но, с другой стороны, офицер Гейбл не был новичком. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы прислушаться к предупреждению не допрашивать Тома. Он даже сделал шаг назад на тротуар, прежде чем достать телефон, чтобы позвонить.

Я внимательно слушала его разговор с Айзеком. Когда Гейбл закончил переговоры, он выключил мигающие фары патрульного автомобиля и встал рядом со мной.

Мы молчали, наблюдая за тем, как жители района возвращаются домой после рабочего дня. Только половина из них смотрела в нашу сторону с любопытством в глазах. Другая половина тянулась прямиком к своим домам с опущенными плечами, как зомби.

Айзек подъехал к обочине на минивэне своей жены. Он опустил окно со стороны пассажира, обращаясь ко мне:

— Я даже не хочу знать. Просто садись.

Я покосилась в сторону офицера Гейбла и ухмыльнулась. Он рассмеялся, направляясь к своему автомобилю.

Так что я встала и подошла к минивэну.

— Спасибо, что согласился подвезти.

— Куда едем? К Бернадетт? — спросил Айзек, отъезжая от обочины.

— Да, пожалуйста.

Айзек прибавил громкость на своем радио, включив бодрую мелодию в стиле кантри. К тому времени, когда он проехал окраину города и направился на северо-запад, мы оба громко и не в такт подпевали радио. А когда он обогнул джип Остина, стоявший в конце частной дороги Бернадетт, мы с Айзеком уже с трудом попевали за быстрым темпом Чарли Дэниелса, исполнявшего *«Devil Went Down to Georgia»*.

Мы оба закончили песню примерно на три секунды позже последней строчки Чарли, и, в отличие от него, успели выдохнуться.

— Неплохо. Я удивлен, что ты знаешь эту песню, — рассмеялся Айзек, припарковавшись перед домом Бернадетт и заглушив микроавтобус.

— Папа слушал ее на старом кассетнике, когда работал в гараже. Это была одна из его любимых песен. — Я огляделась, отстегивая ремень безопасности. — Я бы хотела, чтобы больше людей помнили. Помнили, каким он был раньше.

— Многие из нас помнят. — Айзек протянул руку и похлопал меня по колену. — Он был хорошим человеком, пока не заболел. Жаль, что мы ничем не смогли ему помочь.

Я посмотрела на остальных. Лицо Санни было в слезах, глаза опухли. Джеки пыталась утешить Санни и успокоить Тауни.

Остин, казалось, не знал как помочь.

— Айзек, мне понадобится твоя помощь. Я не могу смотреть, как Санни и Тауни

переживают то, что пришлось пережить мне.

— О чем ты говоришь, дорогая? Что случилось?

— Тома Далтона контролируют, как моего отца. Он проявляет все признаки, но если шеф Адамс узнает о чем-нибудь...

Айзек протяжно свистнул.

— Он обвинит Тома в похищении Тауни. — Айзек надолго замолчал, прежде чем спросить: — Как? Как это вообще возможно?

— Отличный вопрос, но я не знаю ответа. — Я открыла дверь фургона и вышла. Встретившись взглядом с Тауни, я кивнула в сторону входной двери.

Она подняла бровь, внимательно осмотрела полуразрушенный дом, затем пожала плечами и начала подниматься по ступенькам крыльца. Я услышала, как Айзек подталкивает Санни и Джеки за нами.

Открыв дверь, я уловила звук подъезжающей машины. Обернувшись, увидела «БМВ» Остина, который на скорости приближался к нам. За рулем сидела Оливия, она припарковалась перед домом, а затем вышла из машины и захлопнула за собой дверь.

— Ты серьезно поехала на моем «Бумере»? — спросил Остин, проводя рукой по волосам. — Ты вся провоняла вонючей рыбой.

— Считаю, что тебе повезло, — заявила Оливия, проходя мимо него. — Я уже думала столкнуть его в озеро, когда вы двое уехали без меня.

— Оливия, мы вроде как торопились, — объяснила я ей. — Остин не виноват.

Она хмыкнула и направилась к дому.

Айзек хихикнул.

— С каждым днем она все больше и больше становится похожа на свою мать.

Я рассмеялась.

— О, пожалуйста, не говори так. — Вслед за Оливией я прошла в дом. Остальные последовали за мной. Айзек направился на кухню и принялся варить кофе. Я наблюдала за Тауни, когда она вошла в комнату. На ее лице отразилось любопытство, когда Тауни подошла сначала к стеклянной стене, выглядывая наружу, затем к лестнице на другой стороне комнаты, заглядывая через перила наверх.

Когда вернулась в центр комнаты, Тауни уже улыбалась.

— Классное место.

— Я обязательно передам твои слова Бернадетт.

Джеки подвела растерянную и дрожащую Санни к дивану и заставила ее сесть.

Я достала телефон из заднего кармана и протянула его Тауни.

— Не поищешь на кухне рис? Может быть, получится его высушить?

Тауни взяла телефон, пожала плечами и двинулась на кухню.

— Завидую, — простонала Оливия. — Я потеряла свой телефон в канале. Уже второй за месяц.

Остин вошел через панельную дверь, ткнув пальцем в Оливию.

— Тебе не на что жаловаться. Лучше сменить телефон, чем получить свой любимый «Бумер», воняющий дохлой рыбой.

Я поморщилась. В «Бумере» Остина были кожаные сиденья. Я снова посмотрела на Оливию.

— В багажнике моего грузовика лежит оранжевая бутылка без этикетки. Нанеси небольшое количество средства на чистое полотенце, затем протри сиденья, приборную

панель и руль.

— Сейчас? — спросила Оливия. — Разве это не может подождать?

— Оливия Бриджес-Холт, — строго сказала я. — Иди.

Оливия вскинула руки вверх.

— Ладно, ладно. Иду.

Я смотрела, как она уходит, а потом повернулась к Остину.

— Возможно, ты захочешь пойти и проконтролировать. Убедись, что она понимает, что такое небольшое количество, прежде чем Оливия начнет протирать твои кожаные сиденья.

— Что в бутылке? — спросил Остин.

— Что-то вроде смеси «*Armor All*» с апельсиновой коркой и дезинфицирующим средством для интенсивного очищения. Это домашнее снадобье, которое я использую для очистки самых зловонных мест. Но если использовать слишком много, можно задохнуться от запаха апельсинов.

Остин повернулся и поспешно вышел за дверь.

Я схватила с дивана плед и накинула его на кресло, прежде чем сесть. Мой столик необходимый душ придется немного отложить. Сначала нужно поговорить со всеми о Томе.

Айзек подошел и облокотился на край стола Бернадетт. Мы оба ждали, пока Джеки успокоит Санни.

— Я не понимаю, — плача, твердила Санни. — Почему Том стал таким? Он не злой человек.

— Я знаю, как это расстраивает, — поделилась я с ней. — Это пугает. Дезориентирует.

— Я просто не понимаю, — призналась Санни. — Что с ним не так?

Я оглянулась на Айзека, но его напряженное выражение лица не принесло мне успокоения.

— Давина, — обняв Санни за плечи, обратилась Джеки. — Ты знаешь, что с Томом? Ты знаешь, что с ним случилось?

Я сцепила руки вместе.

— Кто-нибудь из вас знал моего отца? Знает, что он стал жестоким после смерти моей матери?

— Жестоким? — испуганно пролепетала Санни. — Ты хочешь сказать, что Том теперь сумасшедший? Как твой отец?

— Не думаю, что он сумасшедший, — покачала я головой. — Но его поведение, то, как он вышагивает и сжимает руки в кулаки, напоминает поведение моего отца.

— Разве твой отец не умер? — спросила Тауни, подойдя к дивану.

— Да, но мой отец очень долго болел. Я думаю, что Том изменился недавно. Я права?

Тауни кивнула.

— Вчера в больнице он был в порядке. Когда мы вернулись домой, он задремал. А как проснулся, я это сразу почувствовала. Мне стало страшно находиться рядом с ним, но совсем чуть-чуть. Не так, как сейчас.

— Тауни права, — согласилась Санни. — Когда мы вернулись домой, он сказал, что слишком устал, чтобы разгружать машину. Это было на него не похоже, но я не волновалась. Пока он не проснулся и не стал выглядеть по-другому.

— Я поняла. Хорошо, что прошло полтора дня, а не десять лет.

— Значит, еще не поздно? — спросила Тауни.

— Может быть. На прошлой неделе моя бабушка Бернадетт предположила, что если мы

сможем отдалить моего отца от того, кто его контролирует, то у нас появится шанс разорвать связь. Но поскольку отец так долго болел, мы не знали, сможет ли его разум вернуться.

Санни вскочила с дивана.

— Если ты не смогла спасти собственного отца, почему я должна верить, что тебе удастся помочь Тому?

Джеки раздосадовано поджала губы и посмотрела на меня.

— Согласится Санни или нет, но я доверяю тебе. Я готова попробовать все, что ты предложишь. Том — хороший человек. Он этого не заслуживает.

— Согласен, — кивнул Айзек. — Я помогу Джеки со всем, что нужно сделать.

— Даже если это означает переход в серую зону закона? — спросила я Айзека.

Айзек пожал плечами.

— Если это поможет Тому, не причинив вреда другим, я готов.

Я встала и подошла к сумочке, лежавшей на столике у входа. Покопавшись в ней, я нашла успокоительные таблетки Фрэнсиса и отнесла их Джеки.

— Сначала нужно дать Тому таблетки, чтобы он отрубился. Но если кто-то спросит, ты не получала их от меня.

Тауни облокотилась на плечо Джеки, читая этикетку на бутылочке с таблетками.

— Как нам подобраться к нему достаточно близко, а потом дать таблетки? Как мы заставим его их принять?

Оливия впорхнула в комнату, переполненная энергией.

— Что я пропустила?

Остин вошел следом за ней, и заметил Айзека. Он направился к нему и встал рядом, прислонившись к столу. Остин выглядел менее раздраженным, и я надеялась, что мое самодельное чистящее средство избавило его «БМВ» от запаха.

Я не обратила внимания на Оливию и сосредоточилась на Джеки.

— Санни должна пойти в дом, притвориться, что все в порядке, и подмешать две таблетки во что-нибудь, что Том съест или выпьет. На самом деле, лучше купить в магазине что-нибудь уже приготовленное, а потом подмешать в еду перед тем, как идти в дом.

— А это не опасно? — спросил Айзек. — Для Санни заходить внутрь?

— Это риск, но я думаю, что Том зациклен на Тауни, а не на Санни.

— А если ты ошибаешься? — спросила Джеки, настороженно глядя на Санни. — Что, если он на нее нападет?

— Возможно. И если вы, друзья, не хотите пробовать, я пойму. Это опасно. — Я вернулась к креслу и села. — В отличие от моего дома, твой дом не избавлен от предметов, которые можно использовать в качестве оружия. Если Том нападет на Санни, то ранит ее. Как минимум, у нее будут сильные ушибы.

Они посмотрели друг на друга. После долгой паузы Санни уставилась на меня.

— Вот как это было? Жизнь с твоим отцом все эти годы?

Я пожалала плечами.

— Со временем стало легче. Я научилась баррикадироваться в своей комнате по ночам и запирает все, что можно задействовать в качестве оружия. Айзек очень помог. Но я также научилась читать язык тела отца. Обычно я знала, когда будет нападение. Но, да, это то, с чем я жила. Он перестал быть моим отцом. Он превратился в чудовище, которое хотело меня убить.

— Как ты читала его язык тела? — спросила Санни.

— Напряженные мышцы. Руки сжаты в кулаки. Шаги. Тяжелое дыхание. Пристальный взгляд на меня.

Свежие слезы потекли по лицу Санни, когда она посмотрела на Джеки.

— Я могу это сделать. Я могу сделать это для Тома. Я никогда не прощу себе, если не попробую.

— Ты убила своего отца? — спросила Тауни, наблюдая за моей реакцией.

— Нет.

Тауни некоторое время изучала меня, затем ее плечи расслабились, и она оглядела всех остальных, как будто получила ответ, который требовался.

Я откинулась на кресле, наблюдая за ней.

— Откуда ты знаешь, что я говорю правду?

Тауни пожала плечами.

— Просто знаю.

Я взглянула на Оливию, которая с недоумением смотрела на нас.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на энергии внутри дома. Есть. Легкий намек на экстрасенсорную энергию. Удивленная, я открыла глаза и посмотрела на Санни.

— В вашей семье есть кто-нибудь, обладающий экстрасенсорными способностями?

Санни заметно вздрогнула от этого вопроса и сделала шаг назад.

— Экстрасенс? Нет. Никто. С чего такой вопрос?

Оливия подошла ближе к Санни.

— А может, есть кто-то немного эксцентричный? — Оливия наклонила голову в сторону. — Кто-то, кого можно назвать странным?

Санни и Джеки посмотрели друг на друга, затем Джеки ухмыльнулась Оливии.

— Мать Санни. Она очень странная. Не любит находиться среди людей. В основном сидит дома. Никаких социальных навыков.

— Я не понимаю, — расстроено произнесла Санни, вскидывая руки вверх. — Какое отношение моя мать имеет к Тому?

— Вообще никакого. Извини, я отклонилась от темы, — ответила я Санни и повернулась к Тауни. — Тауни, ты чувствуешь себя в безопасности здесь, со мной и Оливией? Если нет, мы придумаем что-нибудь другое.

Тауни посмотрела мимо меня на стеклянную стену, не отвечая несколько мгновений.

— В доме я в безопасности.

— Но не снаружи? — уточнила я, указывая на окно.

Тауни нахмурила брови, отчего на ее лбу образовались морщины.

— Я не уверена. Там как-то по-другому. Не страшно, но, может быть, грустно?

— Да, я понимаю, — ответила я Тауни и снова посмотрела на Санни. — Тогда решено. Можешь взять мой грузовик. Две таблетки должны отключить его на несколько часов.

— А что потом? Когда он уснет, что мы будем делать? — спросила Джеки.

— Ну, это зависит от обстоятельств.

— В каком смысле? — спросила Оливия.

— Не нарушат ли они пару законов.

Айзек усмехнулся.

Тауни хихикнула.

Санни и Джеки расширили глаза, уставившись на Тауни, удивленные ее реакцией, затем

нервно посмотрели друг на друга.

— Возможно, тебе стоит рассказать нам больше, — предложил Айзек.

— Подождите, пока на улице стемнеет, чтобы не привлекать внимание соседей, и перетащите Тома через дорогу к дому Джеки. Как только он окажется там, вам нужно будет либо связать его, либо запереть в комнате, где Том не сможет причинить вред никому или себе.

— А потом? — спросила Санни. — Ты же не предлагаешь держать его в доме Джеки вечно?

— Нет. Вовсе нет. Через день-два мы узнаем, удалось ли ему избавиться от того, что его контролирует. Но если это не сработает, нам придется держать его под замком, пока я не найду Бернадетт.

— Но если он освободится от этого? Тогда он снова будет в порядке? — спросил Санни.

— Пока не вернется домой, наверное, он останется нормальным. По крайней мере, до тех пор, пока тот, кто за этим стоит, не перестроится и не нападет с другой стороны. Но чтобы обезопасить Тауни от Тома, его нужно вывезти из города.

— Надолго? — спросила Тауни.

— Пока мы не поймаем того, кто за этим стоит. Пока не остановим его атаки.

— Но я не знаю, кто меня похитил, — заметила Тауни.

— Я в курсе. Мы это выясним.

— А мы не можем просто привести Тома сюда? — спросила Санни.

— Нет! — одновременно воскликнули мы с Тауни.

Тауни сидела на диване, опустив голову и уставившись в пол.

— Мама, он хочет сделать мне больно.

— Хорошо, хорошо, — подняла руки Санни. — Мы не будем приводить его сюда.

Тауни посмотрела на мать.

— Не говори ему, где я, мама. Пожалуйста.

— Не скажу, милая. Но если я это сделаю, нам с тетей Джеки придется оставить тебя здесь одну.

Тауни посмотрела на меня, снова изучая, затем вновь перевела взгляд на мать.

— Я в безопасности с Давиной. Со мной все будет в порядке. Ты должна помочь папе.

Санни кивнула, но новая порция слез потекла по ее щекам, когда она посмотрела на меня.

— Почему это происходит? Почему моя семья?

У меня не было ответа. Я задавала себе тот же вопрос годами.

— Хорошо, — решила Оливия, вставая. — Похоже, у нас есть план.

Я бросила взгляд на Айзека.

— Им будет нужна твоя помощь. Как только они переведут Тома на другую сторону улицы, им понадобится кто-то с твоим опытом. Тот, кто знает, что искать, когда речь идет о бытовых предметах, которые могут быть использованы в качестве оружия. Тот, кто знает, как охранять человека или комнату.

Настала очередь Айзека замолчать. Мы оба знали, что то, о чем я прошу, делает его соучастником. Но все же были сомнения, в чем именно он может оказаться соучастником. Если Тома признают сумасшедшим, то Санни, как его жена, имеет право принимать за него решения. Я была уверена, что Брейдон сможет защитить всех от тюрьмы, но не могла предсказать, как это отразится на карьере Айзека в правоохранительных органах.

— На мой взгляд, Далтоны и так уже достаточно натерпелись, — рассудил Айзек. — Я не буду стоять в стороне и смотреть, как Том причиняет боль Тауни, как это делал твой отец. — Айзек оттолкнулся от стола и встал. — Я помогу им все подготовить.

— Ты собираешься помочь нам? — удивленно спросила Санни. — Но ты же коп. Айзек пожал плечами.

— Да, но я предпочитаю, чтобы мои решения принимались на основе здравого смысла. Остин скрестил руки на груди.

— Я не вижу необходимости рисковать работой Айзека. Я могу поехать с ними. Таким образом, Айзек останется чист.

— Спасибо за предложение, но я поеду, — заявил Айзек. — Я приму твою помощь в подготовке дома Джеки, но не уйду, пока не удостоверюсь, что Том больше не представляет опасности для женщин. Иначе меня не устраивает.

Джеки встала и повернулась лицом к Санни.

— Ты уверена?

— Я не могу просто его бросить. Только не Тома, — ответила Санни. — Но ты не обязана помогать.

Джеки прислонилась лбом к лбу Санни.

— Только попробуй меня остановить.

Я посмотрела на Оливию. На какие только безумства мы не идем ради лучших друзей, подумала я, покачав головой.

После того как остальные ушли, я пошла в душ и снова переделалась. С такой скоростью, с которой я перебирала одежду, стирка никогда не закончится. Пока загружала стиральную машину, мои мысли то и дело возвращались к Бернадетт, и я гадала, где она может быть. Интересно, почему она прислала мне изображение маленькой двери, и почему ее машина оказалась в дренажном пруду.

Я решила еще раз попытаться установить с Бернадетт связь и прошла через коридор в ее комнату. Заметив на прикроватной тумбочке очки для чтения, взяла их и села на кровать. Расслабив тело, я медленно вдыхала и выдыхала.

Закрыв глаза, я обнаружила, что нахожусь в своей спальне, а передо мной парят французские двери. Я внимательно осмотрела другую сторону стекла, но, кроме легкого ветра, шевелящего ветви деревьев, ничего зловещего там не увидела. Открыв дверь, я прошла внутрь и закрыла ее за собой.

— Бернадетт? — позвала я. — Ты здесь?

Я прошла дальше на задний двор, оглядываясь по сторонам. Ветер растрепал мне волосы. Я посмотрела на небо, но там светило солнце. Никаких облаков не видно.

— Выходи, выходи где ты ни была, — громко пропела я.

Ничего. Никакого ответа. Стоило мне развернуться в ее поисках, как все вокруг померкло. Я больше не стояла на заднем дворе Бернадетт. А оказалась у дома Остина.

Уже стемнело, вдоль подъездной дорожки были припаркованы машины, еще больше машин находились на траве. Я услышала смех и повернулась на звук. Шелли Брайт, мой заклятый враг со школьных времен, смеялась над какими-то словами Остина, когда он вел ее, придерживая рукой за спину, к входной двери. Они оба были элегантно одеты: Остин — в черном костюме, а Шелли — в зеленом коктейльном платье. Я вспомнила платье Шелли.

Ежегодный сбор средств. Это происходило в прошлую субботу вечером.

Я снова осмотрелась, но никого не увидела, так как все опять померкло.

Я вернулась на задний двор дома Бернадетт. Передо мной стояли французские двери. В последний раз огляделась, затем вышла из видения, закрыв за собой двери.

Открыв глаза, я вспомнила субботнюю вечеринку. Бернадетт пришла туда, но ненадолго. Она удалилась сразу после своего эффектного появления, даже не попрощавшись. Значит, Бернадетт исчезла именно тогда? Поэтому у меня появилось видение о вечеринке? Это случилось два дня назад.

Я слезла с кровати и вышла из спальни, направляясь вниз.

— Тауни, мой телефон выжил после купания? — спросила я, добравшись до первого этажа.

— Я его еще не проверяла, — Тауни подошла к обеденному столу и взяла пластиковый контейнер для хранения, наполненный рисом. — Посмотрим.

Я наблюдала за тем, как она соединяет детали и собирает телефон воедино. Защелкнув заднюю крышку, Тауни нажала на боковую кнопку, чтобы включить телефон.

Когда он пискнул, я поняла, что всё сработало.

Она протянула мне телефон, но не успела я найти Остина в списке контактов, как на экране появилось несколько сообщений и оповещений о голосовой почте. Открыв их, я обнаружила, что Брейдон пытается связаться с Оливией, и выяснить, где она находится.

Написала ему что она потеряла телефон, и я попрошу позвонить ее в ближайшее время.

Не дожидаясь ответа Брейдона, я нашла в телефоне имя Остина. Поскольку я не знала, на какой стадии находится наш план спасения Тома, то решила, что сообщение будет менее тревожным. Я набрала: «Ты видел, как Бернадетт уходила в субботу вечером?», после чего нажала кнопку «Отправить».

— Кому ты пишешь? — Спросила Оливия.

— Остину.

— Тебе придется немного подождать. Когда мы чистили «Бумер», он обмолвился, что забыл свой телефон на понтоне.

— Блин, совсем забыла. Не знаешь, у него дома есть камеры наблюдения?

— Не думаю. По-моему, у него даже охранной сигнализации нет.

Размышляя над видением, я передала свой телефон Оливии.

— Брейдон пытается связаться с тобой.

Оливия схватила телефон и поскакала в другой конец комнаты, чтобы позвонить мужу.

Я села за стол, заметив, что Тауни колеблется, прежде чем сесть на скамейку напротив меня.

— Могу я спросить кое о чем?

— Все что угодно.

— Зачем я понадобилась этому злодею? Я сделала что-то не так?

Я догадывалась, почему ее выбрали, но не хотела говорить, пока не выясню точно.

Сосредоточившись, я направила к ней иллюзию.

Тауни повернула голову в сторону кухни. Она встала и подошла к ящику со столовыми приборами, взяв все необходимое. На полпути к столу Тауни замерла, посмотрела на столовое серебро в своей руке, а затем перевела взгляд на меня.

— Это ты сделала?

— Да, но я сомневалась, что получится. Чтобы принять иллюзию, нужно быть экстрасенсом. И, по словам Бернадетт, мы должны быть кровными родственниками, но я полагаю, в этой части ее теория неверна.

— Ты думаешь, он выбрал меня, потому что я экстрасенс? — недоуменно спросила Тауни.

Я не ответила. Просто продолжала смотреть, давая ей время подумать.

— Но если я не знала, что обладаю экстрасенсорными способностями, то как он узнал?

— Помнишь, как ты осмотрела дом, потом выглянула в окна, чтобы решить, в безопасности ли здесь?

Тауни посмотрела на окно.

— Да.

— То, что ты делала, даже если не осознавала до конца, это поиск энергии, излучаемой другими людьми. Иногда это хорошая энергия, иногда плохая. Но порой это экстрасенсорная активность.

Я поднялась и подошла к Тауни. Взяв столовое серебро, я положила его на стол и протянула к ней свои руки.

— Закрой глаза. Ощути комнату своим сознанием. Попробуй почувствовать Оливию или меня.

— Но я уже знаю, где вы обе.

— Да, но посмотри, сможешь ли ты уловить нашу энергию.

Я смотрела, как Тауни закрывает глаза, насупив брови.

— Расслабься. Медленно вдыхай и выдыхай. Позволь своему разуму успокоиться.

Оливия закончила разговор и подошла к нам поближе. Я кивнула ей, чтобы она отошла на кухню, но продолжала следить за Тауни.

— Поищи Оливию. Можешь ее найти?

Уголки губ Тауни приподнялись.

— Она на кухне. Это страшно, потому что никто из нас за ней не следит. На кухне она опасна.

— Да, я согласна, но сосредоточься на ее энергии. На что это похоже? Как она выражается?

— Пастельные тона, как сахарная вата. Розовый и голубой. Сладко. — Тауни хихикнула, опустив руки и открыв глаза. — Это так странно. Снова иллюзия?

Я улыбнулась.

— Нет. Это просто Оливия.

Тауни засмеялась, двигаясь обратно на кухню.

— Надеюсь, ты голодна. Мы готовим запеканку на ужин.

— А ты внимательно следишь за Оливией, да? — усмехаясь спросила я.

— Да, мэм, — отозвалась Тауни, вытянув руку, чтобы не дать Оливии обжечься о сковороду.

Пока они готовили, я прибралась в гостиной, затем сходила в фальшивую часть дома и вычистила паутину, вытерла пыль и подмела полы. Здесь требовалось все хорошенько вымыть, но на улице уже темнело, а с освещением на этой стороне не очень хорошо.

Когда я вошла в гостиную через панель, то не удивилась, увидев посвежевшую после душа Оливию, сидящую на диване и подпиливающую ногти. На ней был новый брючный костюм цвета слоновой кости и туфли на каблуках.

Тауни накрывала на стол в другой части комнаты.

Не успела я убрать веник и совок в шкаф, как зазвонил телефон. Я поспешила к столику у входа и ответила.

— Алло.

— Привет, Давина. Это Айзек.

— Привет, как у вас там дела?

— Ну, все началось не очень хорошо. Они не стали дожидаться темноты, как ты советовала, и Мириам Роллинз увидела, как мы тащили Тома через дорогу, — усмехнулся Айзек.

— О, нет...

— Все обошлось. Остин сказал Мириам, что они решили разыграть Тома, потому что он напился и вырубился. Мириам купилась на это. Даже предложила принести перманентный маркер, если он нам понадобится.

— Понятно. Что-нибудь еще?

— Ну... Можешь отругать меня за недоверие, но твой безумный план сработал. Том немного пришел в себя. Он не совсем отошел, но, похоже, в его мозгу снова зашевелились все нужные шестеренки. К счастью, для нас, он все помнил. После письменного разрешения удерживать его против воли, Том согласился, чтобы я надел на него наручники на всю ночь. Кроме того, он принял еще одну таблетку. До раннего утра он будет в отключке.

— Рада слышать, что у Тома все хорошо. Это отличная новость.

— Да, это так. Только... Как бы это сказать... — Айзек замолчал и грустно вздохнул.

Я догадалась, что он думает о Фрэнсисе.

— Айзек, я не могу сейчас говорить о своем отце. Мне тяжело.

— Да, да, извини. В любом случае мы уже собираем вещи. Джеки останется посидеть с Томом. Мы с Санни едем к тебе. Я приеду на твоём грузовике, а Элис меня заберет. Остин тоже собирается домой.

— Остин уже уехал?

— Еще нет. Что-нибудь нужно?

— Я отправила ему сообщение, забыв, что он оставил телефон на понтоне. Можешь спросить, видел ли он, как Бернадетт уходила с вечеринки в субботу вечером?

— Секунду, — проговорил Айзек, прежде чем я услышала приглушенные голоса. Через минуту Айзек снова заговорил в трубку: — Нет. Он не помнит, чтобы видел, как она уходила. И прежде чем ты спросишь, нет, у него нет камер наблюдения, как у Бернадетт. Почему ты спрашиваешь о субботнем вечере?

— У меня такое чувство, что все случившееся с Бернадетт началось, когда она покинула вечеринку.

— Хм... — Наступила долгая пауза, во время которой я представила, как Айзек чешет затылок, размышляя. — Это объясняет, почему мы не видели, как она вернулась домой, но не дает ответа о ее машине.

— Похоже на то. Ты нашел машину Бернадетт всего в миле или двух от дома Остина. А могла машина стоять там с вечера субботы?

— Вполне возможно. Я обнаружил «Нову» только потому, что трава на обочине оказалась примятой в том месте, где машина съехала с дороги. Не уверен, что кто-то, кроме копа, заметил бы это.

— Что-нибудь выяснилось в результате поисков Стоуна?

— Нет. Ничего.

— Ладно, я буду и дальше пробовать с ней связаться, но мне кажется, времени остается мало.

— А ты можешь ощутить ее страх или боль? — спросил Айзек.

— Может быть, боль, но Бернадетт не из тех, кого легко напугать, знаешь ведь? Кроме того, у меня такое чувство, что она постоянно исчезает, может быть, много спит.

— Без сознания?

— Травма головы имеет смысл, но и многое другое. Она может лежать где-нибудь в больнице под морфием, например. Это объяснило бы тот странный образ двери, который она мне прислала.

— Снова было видение? — уточнил Айзек.

— Ничего существенного. Я позже объясню. — Услышав, как открывается дверца духовки, я повернулась в сторону кухни. Тауни отодвинула Оливию в сторону, а затем с помощью щипцов для посуды достала блюдо с запеканкой. Донесла его до стола и только поставила, как ее внимание переключилось на стеклянную стену. Тауни оглянулась через плечо и посмотрела на меня испуганными глазами.

— Мне пора, Айзек. Увидимся, когда приедешь. — Я отключилась, пересекая комнату. Положив руку на плечо Тауни, я сразу спросила: — Что ты чувствуешь? Какие ощущения?

— Гнев. Но это странно, правда? Ведь там нет ничего, кроме деревьев.

Я подошла к стеклу и посмотрела вниз. На улице было темно, ветер усилился и

раскачивал ветви деревьев. Надвигалась гроза.

Я не могла почувствовать то, что чувствовала Тауни.

Подойдя к шкафу рядом с панельной дверью, я достала фонарик и дробовик Бернадетт. Передав дробовик Оливии, направилась к лестнице.

— Осторожно, ружье заряжено. Держи его направленным в потолок и не отходи от Тауни. Я вернусь через несколько минут.

— Это разумно? — спросила Оливия.

— Мне не удастся почувствовать то, что чувствует Тауни. Попробую подойти поближе.

— Спрошу еще раз, это разумно?

Я остановилась, оглянувшись на подругу.

— Я не буду подходить близко. И не стану его преследовать. Я просто хочу проверить.

— Хорошо, но если ты не вернешься через пять минут, мы пойдем за тобой.

Тауни встала позади Оливии, прижавшись спиной к стене. «Умная девочка», — подумала я, поспешно спускаясь по лестнице.

Оказавшись внизу, я миновала зону отдыха и вышла через раздвижную дверь во внутренний дворик. Шаг за шагом я приближалась к заднему двору, пытаюсь и чувствами, и глазами найти источник страха Тауни.

Только ступив с бетона на траву, я его почувствовала. Взглянула налево и увидела его в глубине деревьев. Не думаю, что он мог меня видеть, но точно знала, чувствует. Удивительно, как Тауни смогла обнаружить его раньше меня. Может быть, потому, что она проводила с ним время, как до, так и во время своего плена. А может, ее экстрасенсорные способности сильнее моих или усилились из-за недавней травмы. Я не понимала. Просто порадовалась, что ее экстрасенсорная система предупреждения сработала.

Стоя на месте, я ощутила, как он удаляется вглубь леса.

— Трус, — выругалась я, не понимая, о ком говорю: о нем или о себе. Будь я посмелее, может быть, и побежала бы за ним. Но без поддержки разумнее оставаться здесь, чтобы защитить Тауни. Впрочем, мысль об Оливии наверху с дробовиком пугала меня больше, чем перспектива бежать ночью по лесу.

Я оставалась возле дома, продолжая следить за его энергией, пока не перестала ее чувствовать.

Судя по тому, что он пришел сюда, рискуя быть пойманным, он не только знал, что Тауни здесь, но и хотел ее вернуть. Но почему? Зачем ему рисковать? Почему он хотел именно ее? Почему ему так важно, что она экстрасенс?

В одном я не сомневалась: больше никому не позволю похитить Тауни. Только не под моим присмотром.

Я пересекла внутренний дворик и вошла в дом, закрыв за собой дверь. Поднимаясь по лестнице, я крикнула:

— Я одна.

— Мы знаем, — отозвалась Оливия. — Я положила дробовик на журнальный столик. Тауни сказала, что кто бы там ни был, он ушел.

Я поставила фонарик на кухонную столешницу и вернула оружие в шкаф.

— Я умираю от голода. Что там у нас? У меня слюнки текут.

Тауни сняла стеклянную крышку.

— Запеканка с курицей альфредо. Надеюсь, тебе понравится.

— Звучит вкусно. Можно уже есть?

— Да, — отозвалась Тауни, ставя стаканы на стол. — Хочешь чай со льдом?

— С удовольствием, — ответила я. — Но почему бы мне не наполнить стаканы, пока ты раскладываешь еду?

— Другими словами, она не хочет, чтобы я занималась сервировкой, — усмехнулась Оливия, неся на стол тарелку с чесночным хлебом.

Я подмигнула Тауни и достала из холодильника чай со льдом.

— Примерно так.

Быстро накрыв на стол, мы все принялись за еду. Я поделилась с ними хорошими новостями о Томе, пока мы ели. Закончив, мы вместе убрали и вымыли посуду, но убрали еду на случай, если Санни или Айзек проголодаются.

Услышав писк сигнализации, я вышла на крыльцо, чтобы впустить всех в дом, и

предложила Айзеку провести экскурсию для его жены Элис, пользуясь тем, что Бернадетт отсутствует.

После того как Айзек и Элис уехали, я попросила Тауни пройтись со мной по дому, запереть все двери и окна. Я надеялась, что, участвуя в этом процессе, она почувствует себя в большей безопасности. Санни шла за нами, не говоря ни слова.

Когда мы закончили, Тауни показала мне, какую спальню выбрала для них с матерью. Я не удивилась, что она предпочла комнату рядом с моей, но необходимо чтобы Тауни научилась сама себя защищать. Я все еще оставалась подозреваемой в смерти отца. Если меня арестуют, не хотелось, чтобы она упала духом.

Оглядев комнату, я помогла ей донести наверх все необходимое. Стаканы мы поставили на дорожку у окна ее спальни. На полу по одну сторону кровати разместили сковородку, по другую — бейсбольную битку. Их обувь и куртки, а также сумочка и телефон Санни перекочевали в спальню. Из комнаты Бернадетт я перетащила деревянный стул, показав Тауни, как подставлять его под дверную ручку.

Когда мы закончили, Тауни усмехнулась, оглядывая комнату.

— Это довольно забавно. Странно, но весело. — Когда сушилка просигналила, Тауни выбежала из комнаты в коридор.

— Она такая другая, — прокомментировала Санни, сидя в кресле в углу комнаты. — Я не помню, когда она в последний раз была так счастлива. Даже до... Ну, ты понимаешь.

— Скорее всего, она чувствовала свои способности еще до похищения, — осторожно пояснила я Санни. — У нее потрясающая интуиция.

— Что значит «интуиция»? — удивленно спросила Санни.

— Она имеет в виду, что Тауни экстрасенс, — промурлыкала Оливия, надевая новые наволочки на подушки.

Санни рассмеялась, покачав головой.

— Тауни не...

— Да, так и есть, — дернув рукой, прервала я Санни. Я оглянулась на дверной проем, но не увидела Тауни. — И тебе, наверное, стоит воздержаться от каких-либо комментариев по поводу твоей матери. Тауни может подумать, что к ней ты тоже так отнесешься, если она расскажет о своих способностях.

— О, нет, — бросив взгляд на дверь, воскликнула Санни. — Она так думает? Тауни решила, что я не буду любить ее, если она экстрасенс?

— Я не знаю точно, — проговорила я. — Но она вряд ли расскажет что-то, если не будет уверена в твоей реакции.

— Тауни знает, что ты ее любишь, — заметила Оливия, меняя простыни на кровати. — Но, согласно исследованиям, дети, у которых проявляются признаки шестого чувства, часто становятся изгоями. На них навешивают ярлыки и высмеивают. Возможно, именно поэтому Тауни так много времени проводила в одиночестве. — Оливия вернула одеяла на кровать. Улыбаясь, она отступила назад, довольная своим достижением.

Я удержалась от смеха.

Санни уставилась в пол.

— Просто мне никогда не приходило в голову, что Тауни что-то скрывает.

— Теперь ты знаешь, — пожала я плечами. — Все хорошо. Тауни любит тебя. И она замечательный ребенок. — Я посмотрела на Оливию, не в силах удержаться от того, чтобы не поддразнить ее. — И в отличие от некоторых людей, я уверена, Тауни знает, как

заправлять постель.

Оливия скрестила руки на груди и высунула язык.

Выйдя в коридор, я подмигнула Тауни, которая ждала меня за углом. Я забрала у нее корзину с одеждой.

— Спасибо.

— Это была последняя загрузка. И стиральная машина, и сушилка пустые. — Тауни кивнула в сторону свободной комнаты. — Она в порядке? После того как ну, знаешь, услышала то, что ты сказала?

Я оглянулась на комнату, потом кивнула.

— С ней все будет в порядке. А ты?

Тауни улыбнулась краешком губ.

— Я чувствую себя лучше, наверное. Как будто не так одиноко.

— Мне тоже, — согласилась я и понесла одежду в свою комнату.

Через минуту в дверь впорхнула Оливия, передавая мне вешалки из шкафа.

— Тебе пора домой, — заявила я ей, перевешивая блузку на вешалку.

— Пойду. Скоро. — Оливия взяла блузку, проверила размер и надулась, повесив ее на мою сторону шкафа. — Я просто хочу сначала убедиться, что вы все устроились.

Я повесила еще две блузки на вешалки и передала их Оливии, а затем убрала сложенную одежду в ящики комода. Схватив пустую корзину, я прошла в ванную, подобрала с пола мокрое полотенце и бросила его внутрь, после чего выключила свет и вентилятор в ванной.

Услышав за спиной хихиканье Оливии, я промолчала и понесла корзину по коридору, оставив ее на полу рядом с сушилкой, а затем отправилась вниз. Как только я свернула в сторону кухни, Оливия пересекла комнату и подошла к компьютеру Бернадетт, включив его.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я.

— Просто проверяю сигнализацию на подъезде. Хочу убедиться, что все настроено правильно.

Я пристроилась позади Оливии, наблюдая за тем, как она щелкает по экранам. Подруга нажала на кнопку с надписью «Камеры», и на экране появились восемь маленьких квадратиков.

Оливия по очереди щелкала по каждому квадратику, увеличивая их размер, чтобы показать, что фиксирует камера, но по ту сторону объектива ничего не шевелилось. Когда она щелкнула предпоследний квадратик с надписью «Сосед», я немного занервничала. Ближайшим соседом Бернадетт был Остин.

Оливия увеличила изображение.

— Это так неправильно, — заявила я, наклоняясь ближе, чтобы посмотреть. Я мысленно приказала себе отвернуться, но как тут устоять? Это же Остин Вандерсон. Я была влюблена в него почти всю свою жизнь.

— О-ла-ла, — хихикнула Оливия, увеличивая картинку на окнах верхнего этажа. Она повернула камеру вправо и поймала момент, когда Остин вышел из комнаты, уходя из поля зрения камеры. В следующей комнате зажегся свет, и она переместилась еще правее, затем снова увеличила масштаб.

Я поразились тому, насколько четким выглядело изображение, поскольку знала, что камера установлена где-то на стороне канала Бернадетт. Как замороженная, я наблюдала за тем, как Остин босиком и без рубашки ходит по своей спальне, расстегнув верхнюю пуговицу джинсов. Было видно каждую деталь — от рельефного пресса Остина до тонких

волосков, тянущихся вниз.

Я затаила дыхание, когда Остин повернулся спиной к камере и, открыв ящик комода, начал спускать джинсы.

— А что вы делаете?

От неожиданности мы с Оливией подскочили и отпрянули от компьютера, уставившись на Тауни, которая стояла по другую сторону стола.

— Ничего, — одновременно ответили мы.

Я заслонила экран рукой, а Оливия начала щелкать мышкой, как сумасшедшая, чтобы выйти из программы.

Я старалась не краснеть, но чувствовала, как горит мое лицо.

— Не хочешь спать пока? — спросила я высоким голосом.

Тауни пожала плечами.

— Еще рано. Да и вообще, мне кажется, в последнее время я только и делаю, что сплю.

Я направилась к зоне отдыха.

— Возможно, в шкафу есть телевизор. Хочешь, я посмотрю, работает ли он?

— На самом деле, я хотела спросить, — Тауни застенчиво уставилась в пол. — Есть ли способ, ну, знаешь, использовать экстрасенсорные штуки, чтобы найти того типа, который меня похитил? Помочь мне вспомнить?

— Я не уверена, Тауни. Я не очень хорошо разбираюсь в этих экстрасенсорных делах. Половину времени я плутаю в тумане, надеясь, что не заблужусь. А если мы и пойдем, то это может быть пугающим для тебя.

— Мне кажется, я больше боюсь не знать, кто он такой. Может, хотя бы попробуем?

Я не знала, как взять Тауни с собой в видение. В тех случаях, когда мы с Бернадетт объединялись, она обычно контролировала ситуацию. Я сомневалась, что смогу затащить нас с Тауни в одно и то же видение и выйти оттуда невредимыми. Безопаснее будет подождать, пока мы найдем Бернадетт. И все же... Если бы похитили меня, я бы тоже хотела сделать все возможное, чтобы опознать этого человека.

— А как же твоя мама? Может, сначала поговорим с ней?

Тауни посмотрела в сторону лестницы и покачала головой.

— Она позвонила бабушке, и они поговорили об экстрасенсорике. Я думаю, мама сейчас немного подавлена.

Я внимательно посмотрела на Тауни. Она не выглядела испуганной. Скорее, наоборот, решительной.

— Хорошо, давай попробуем. Но если нам удастся проникнуть в видение вместе, ты должна держаться рядом со мной. Поняла?

— Ага, — отозвалась Тауни, улыбнувшись.

Я придвинула журнальный столик к дивану и села, скрестив ноги, на толстый ковер.

Тауни подражая мне, уселась напротив.

— Важно, как сидеть?

— Я сажусь на пол или на землю, потому что не хочу упасть и пораниться, когда нахожусь в видении. И я скрещиваю ноги, потому что это удобно.

— А, хорошо. — Тауни вытянула одну ногу в сторону, а вторую оставила подтянутой под себя. — И что теперь?

— Что последнее ты помнишь?

— Немного. Например, я помню, как ходила в лес рядом с домом, но потом все

обрывается.

— Тогда давай начнем с этого. — Я протянула руку и взяла ее за плечи. — У меня было видение, как ты идешь по тропинке, встречаешь кого-то. Попробуем переключить видение на то, что ты видела.

— У тебя было видение обо мне?

— Несколько. — Я подмигнула Тауни и закрыла глаза. — Хорошо, мы воспользуемся моими дверями, чтобы войти в видение, но сначала тебе нужно меня найти. Представь, что я стою рядом с тобой в твоей голове.

Я ждала несколько минут, пока не увидела рядом с собой мерцание. Затем появилась Тауни, с улыбкой оглядываясь по сторонам.

— Мы в твоей спальне наверху.

Мы обе посмотрели на стены: трафаретный плющ ожил и начал расти, расправляя свои лианы.

— Круто, — восхитилась Тауни, наблюдая за плющом. — Как ты это делаешь?

— Понятия не имею. Я многого еще не знаю об этих экстрасенсорных штуках. — Я показала на французские двери. — Вот через них я получаю доступ к видениям. Моя мать пользовалась выключателем. Бернадетт применяет большой рычаг.

Тауни изучила двери, затем пожала плечами.

— Когда мы войдем, ты должна оставаться рядом. Но если по какой-то причине мы потеряем друг друга, представь себе эти двери, приблизь их к себе. Потом вернись на эту сторону, чтобы выйти из видения.

Тауни снова посмотрела на двери.

— А что будет, если я не смогу их найти?

— Я не знаю и не хочу знать.

Тауни протянула ладонь и взяла меня за руку.

— Я просто буду держаться поблизости.

Свободной рукой я открыла дверь и провела нас внутрь, закрыв ее за собой. Когда мы ступили на траву, над землей на несколько футов повис белесый туман. Я остановилась, все еще сжимая руку Тауни, и подумала о лесе, где ее похитили. Туман вокруг нас становился все выше и гуще, затем рассеялся. Теперь мы стояли на пешеходной дорожке, а не далее чем в десяти шагах от нас находилась видение-версия Тауни.

— Странно, — пробормотала Тауни себе под нос.

Я продолжила прокручивать в памяти все, что могла вспомнить. Тауни из видения услышала треск ветки и подняла голову, испугалась, но тут же расслабилась, увидев того, кого ждала.

— Ты помнишь, с кем ты встречалась?

— Я помню, что это был он, но не помню кто. Это имеет смысл?

— Ты помнишь, как с ним познакомилась?

— Нет. Каждый раз, когда я думаю о нем, мой разум пустеет.

Мы смотрели, как Тауни из видения расстегивает свой рюкзак, болтая с тем, кто находился за пределами нашего поля зрения. Я попыталась пройти вперед, встать позади Тауни-видения, чтобы рассмотреть человека, но толстый слой тумана скрыл его от меня.

— Тауни, — прошептала я, потянув ее за руку. — Попробуй ты.

Густой белый туман надвигался, затем снова рассеялся. Мы все еще стояли на тропинке, но теперь рядом с Тауни-видением, лицом к тропинке, а навстречу нам шел мужчина. Когда

он подошел ближе, я заметила, что его лицо размыто, как на расфокусированной фотографии. Вокруг него клубился туман.

Я внимательно разглядывала мужчину, стараясь не упустить ни одной детали. Он был среднего роста, среднего телосложения. Единственную вещь, которую я смогла выделить, — это его коричневые ботинки. Ботинки, как у строителя.

— Сосредоточься на его лице, — прошептала я.

— Я пытаюсь, но не могу его разглядеть. Все расплывается.

Туман сгустился настолько, что я едва могла видеть свою руку, когда держала ее перед собой.

— Мы теряем связь, — предупредила я Тауни. — Не отпускай мою руку.

Я почувствовала, как она крепко зажмурилась, когда представила себе французские двери. Но туман был таким густым, что мне не удавалось их разглядеть. Воздух вокруг нас стал холодным, когда туман сменил цвет с белого на серый, а затем на черный.

— Что такое? Что происходит? — в панике спросила Тауни.

Доверяя своим инстинктам, я вслепую потянулась к двери, ухватилась за ручку, открыла ее и потащила за собой Тауни. Толкнув дверь плечом, я почувствовала, как с другой стороны на нее давит какая-то сила, пытаюсь проникнуть внутрь.

— Помоги мне! — крикнула я Тауни, наваливаясь всем телом на дверь.

Тауни прижалась спиной к двери, упираясь ногами в деревянный пол.

С той стороны сквозь черный туман донесся циничный смех. Я узнала этот смех. Человек в церкви. Человек, который насмеялся надо мной.

С силой толкнув дверь, я ее закрыла. Продолжая удерживать дверь, я повернула замок. Мы с Тауни тяжело дышали, глядя на двери, и попятились назад, когда черный туман ударился о стекла.

— Смотри, — показала Тауни на внутреннюю стену.

Зеленый плющ на трафарете перестал расти. Несколько листьев почернели и осыпались со стены.

— Это плохо.

— Что это значит?

— Это значит, что мы успели вовремя. Давай выбираться отсюда. Сконцентрируйся на своем реальном теле. Почувствуй, как сидишь на полу, как воздух входит и выходит из твоих легких. Когда сольешься со своим телом, открой глаза на другой стороне.

Я подождала пока Тауни несколько раз мелькнула в моей комнате-видение, а затем исчезла. Я открыла глаза. Мы снова находились в гостиной, сидели на полу. Ничего не говоря, мы уставились друг на друга.

— Что случилось? — спросила Оливия, сидевшая на полу в нескольких футах от нас.

Я посмотрела в сторону стеклянной стены.

— Мы не смогли разглядеть лицо. Он как-то может загораживать обзор. И он оказался у нас в видении.

— Как такое вообще возможно? — удивилась Оливия.

Я пожала плечами.

— Технически, это и его память тоже, так что, может быть, получается отследить ее или что-то в этом роде. Я не знаю.

— У меня голова кружится, — пробурчала Тауни, вставая. — Это нормально?

— Бывает, — ответила я, тоже поднимаясь. — Бернадетт хочет есть после видений. Не

стесняясь, если нужно, порыться в холодильнике. — Я протянула руку, чтобы помочь Оливии.

— Я не голодна, — отмахнулась Тауни. — Просто голова кружится. Я пойду прилягу. Спокойной ночи.

— Тауни, — окликнула я ее, когда она уже подошла к лестнице. — Не входи в видение одна. Только не тогда, когда он где-то там разгуливает.

— Кажется, с видениями на какое-то время покончено. Это было немного страшнее, чем я думала.

— Добро пожаловать в мой мир, — усмехнулась я.

Оливия подождала, пока Тауни исчезнет на лестничной площадке, и спросила шепотом:

— И что? Ты не видела ничего, что помогло бы его опознать?

— Видела человека с размытым лицом. Больше я ничего не могу сказать, кроме того, что он носит уродливые коричневые ботинки.

— Ну, это не слишком помогает.

— Знаю. Жаль, что здесь нет Бернадетт. Может быть, она бы подсказала, как он закрывает нам доступ к своему лицу.

Оливия сидела на диване, оглядываясь по сторонам.

— Так что же нам теперь делать?

— Сейчас я провожу тебя до машины, и ты поедешь домой.

Оливия вскочила, довольно улыбаясь.

— Ой, я забыла тебе сказать! Остин оставил мне ключи от своего джипа. Я теперь отдохну от вождения «Хонды» Фрэнсиса. Ура!

— Это не похоже на Остина, — заметила я, подняв бровь. — Он сказал, что ты можешь водить его джип?

— Ну, он сказал, что в нем лежат ключи, если кому-то понадобится его отогнать. Почти то же самое.

Только в сознании Оливии эти две вещи равнозначны. Я последовала за ней на крыльцо и ждала, пока она садилась в джип и поворачивала за угол сарая.

Вернувшись в дом, я снова закрыла двери и выключила свет, направляясь наверх, в свою спальню. Я устала, но решила еще раз попробовать связаться с Бернадетт.

Сев на пол в спальне, лицом к заднему двору, я закрыла глаза и вошла в видение. Перейдя на другую сторону, я увидела лишь белый туман. Он клубился и растекался вокруг меня, мешая видеть больше, чем на фут или два вперед, но угрозы в нем не чувствовалось.

Я звала Бернадетт, но она не отвечала. Все же я подождала, пока не почувствовала, что у меня болит задница от сидения на деревянном полу. Я призвала свои экстрасенсорные двери, возвращаясь к реальности.

Оглядев спальню, я решила, что пора спать. Переделась в штаны для йоги и футболку, желая быть полностью одетой на случай, если придется подниматься посреди ночи. Откинув одеяло, я забралась под него. Поправила подушку и только устроилась поудобнее, как на тумбочке рядом со мной зазвонил телефон. Я потянулась к нему, взглянула на дисплей, прежде чем ответить.

— Привет, Остин.

— Привет, красавица, — раздался на другом конце провода веселый голос Остина. — Я тебя разбудил?

— Нет. Я только забралась в постель. Тебе что-нибудь нужно?

— Да, вообще-то. Я тоже лег спать, но вспомнил, что оставил телефон в понтоне. Я спустился за ним. Но помнишь опрокинутое Оливией ведро с рыбой?

— Да, — со смехом ответила я.

— Так вот, моя лодка теперь воняет. Поскольку у тебя нашлось волшебное зелье для моей машины, я подумал, не можешь ли ты порекомендовать что-нибудь для моей лодки?

— У понтона нейлоновое ковровое покрытие, верно?

— Да. Ковролин сделан так, чтобы не пропускать воду и быстро сохнуть.

— Хорошо, да, у меня есть чистящее средство, которое можно использовать. Во сколько ты собираешься утром на работу?

— Я не пойду. До конца недели взял отпуск. У меня вчера закончилась большая проект, и я решил отдохнуть дома. Конечно, я совершил ошибку, сказав об этом Оливии, и она каким-то образом убедила меня помочь с покраской завтра.

— Насколько я слышала, многие вызвались добровольцами, так что не волнуйся. Оливия сегодня оставила военного «мула» Бернадетт у канала. Давай я оставлю чистящий раствор на причале Бернадетт, когда пойду за «мулом» утром? Тогда ты сможешь переплыть канал и почистить ковер, пока мухи не начали рассматривать твой понтон в качестве своего нового дома.

Наступила долгая пауза, затем Остин признался:

— Я даже не подумал о мухах. Да, у Оливии будет на одного маляра меньше.

— Если она будет жаловаться, просто напхни, что это она вылила ведро со склизкой рыбой.

— Так я и сделаю, — усмехнулся Остин. — Это приятно.

— Что? Ловить рыбу на своей лодке?

— Нет, вот так разговаривать с тобой по телефону. Мне кажется, что когда бы я тебя ни увидел, один из нас всегда куда-то спешит.

Я улыбнулась, глядя на потолок спальни.

— И правда приятно.

— Знаешь... Я все еще должен тебе ужин. Я пригласил тебя на прошлой неделе, но ты не смогла вписать меня в свой график.

Моя улыбка померкла, когда я подумала обо всем, что сейчас происходит в моей жизни. Смерть отца. Бернадетт исчезла. Тауни в опасности.

— Просто сейчас не лучшее время, Остин.

Остин снова замолчал, но я услышала легкий вздох.

— Я понимаю. Ладно, не буду мешать. Спокойной ночи, Давина.

— Спокойной ночи, Остин. — Я положила телефон обратно на тумбочку и уставилась в потолок, пытаюсь понять, правильно ли поступила, отказавшись от приглашения Остина.

Я спала урывками. Каждый раз, просыпаясь, искала в окружающей обстановке причину своего беспокойства, но ничего подозрительного не находила. Скорее всего, я реагировала на Тауни. По всей видимости, ее мучили кошмары, что вполне объяснимо, учитывая все, что ей пришлось пережить.

Когда часы показали шесть утра, я, спотыкаясь, направилась в ванную, чтобы принять душ. Через двадцать минут спустилась по лестнице. Тауни и Санни готовили завтрак на кухне. Они обе выглядели такими же измотанными, как и я.

После еды мы сидели, как зомби, до семи, прежде чем Санни и Тауни решили, что им пора отправляться. Они ехали в Индиану навестить мать Санни, оставив Джеки сегодня сидеть с Томом. Джеки пообещала, что свяжется со мной, если поведение Тома снова станет неадекватным.

Я убрала посуду с завтрака, навела порядок в гостиной и поправила лежащие на дальнем конце стола бумаги. Заметив те самые документы, которые лежали под ковром в шкафу в комнате наверху, я бегло просмотрела заголовки, впервые обратив на них внимание. Первыми двумя оказались свидетельства о смерти моей тети Перл и ее новорожденного сына. Следующий длинный документ — юридическая муть о перераспределении собственности. И последний документ не имел названия. К тому же он содержал столько юридической терминологии, что я даже не пыталась его прочесть.

Я сделала фотографии каждой страницы и отправила Оливии. Она могла взглянуть на них позже. Если не сможет разобраться, то попросит Брейдона их проверить.

Положив телефон в карман, я взяла из грузовика чистящее средство, необходимое Остину, и отправилась к причалу.

Следуя по двухколейной дорожке, я потратила добрых пятнадцать минут, чтобы добраться до канала, где оставила бутылку с чистящим средством для Остина. Я отправил ему сообщение, после чего вернулась на «муле» к дому. Заперев «мул» в сарае, я спрятала ключ от него под коврик у входной двери, чтобы Оливия не смогла взять его снова.

Прошла через все комнаты, выключая свет, пока не оказалась на крыльце. Спустившись со ступенек, остановилась, чтобы оглядеться. Я вдруг почувствовала, что здесь что-то не так, что-то необычное, но не опасное.

Подойдя ближе к грузовику, я медленно повернулась по кругу. Я не ощущала его. Но кого-то точно чуяла. Кто бы это ни был, не думаю, что он еще здесь. Остался лишь небольшой шлейф энергии, как от духов после того, как человек покинул комнату.

Мой телефон пикинул, заставив меня подпрыгнуть. Я вытащила его и прочитала сообщение. Остин благодарил за чистящий раствор, который он только что забрал из дока Бернадетт.

Убрав телефон, я в последний раз оглянулась по сторонам, прежде чем забраться в машину. Потянувшись с ключами к замку зажигания, я прикинула, насколько безопасно вести машину из-за неразрешенной проблемы со статическим облаком, но решила, что кулон, который я носила, скорее всего, как-то влиял на эту статическую штуку. Взвесив все шансы, я завела грузовик и поехала в сторону города, слушая по радио рок девяностых до самого офиса Оливии.

Несмотря на раннее время, все места на обочине перед офисом Оливии оказались

заняты. Я проехала мимо, развернулась и припарковалась на другой стороне улицы. Оставив в машине все, кроме ключей и телефона, я закрыла ее и перешла через дорогу.

Не дойдя пяти метров до входной двери, я улыбнулась, заметив Бритт и Ноа, спорящих посреди тротуара. Бритт отчитывала Ноа.

Я не стала задерживаться, чтобы послушать, но, протискиваясь мимо работающего вентилятора в дверном проеме, услышала, как Бритт говорит:

— Если бы ты перестал вести себя как ребенок и отвечал на звонки, может быть, и узнал бы, что я попросила поменяться напарником!

Пройдя внутрь, я остановилась у окна, где стояла миссис Полсон и шпионила.

— Она мне нравится, — заявила я миссис Полсон, глядя в окно.

— Мне тоже. Она энергичная, — согласилась миссис Полсон. — Ноа нужен кто-то с ее характером. Кто-то, кто не даст ему заскучать.

Я отвернулась, оглядывая комнату. Банки с краской стояли по всему помещению. Вокруг суетились десяток-другой людей, которые что-то чистили, красили или ремонтировали.

Оливия ходила взад-вперед, размазывая бледно-желтую краску по стене валиком. Она оглянулась через плечо и спросила:

— Правда, отличный цвет?

Поскольку во время разговора она частично повернулась в мою сторону, то не заметила, что валик опустился слишком низко, заляпав белую обшивку пола желтой краской.

Майкл Бриджес, отец Оливии, сидел в нескольких футах от места, где Оливия красила. Он наклонился и, прислонив к стене валик Оливии, протер влажной тряпкой обшивку.

— Красиво, — одобрила я. — Осветляет помещение.

Оливия улыбнулась, снова сосредоточившись на покраске стены.

Миссис Полсон наклонилась ко мне и негромко сказала.

— Когда она не смотрела, я попросила Ноа налить в банку ярко-желтой краски. Оливия сначала выбрала грязно-серый цвет.

— Спасибо. А то бы она впала в уныние и наняла дизайнера интерьеров, чтобы он все переделал. — Я показала на восемь банок у двери. — В мусорку?

— Да. В них только затвердевшая слизь, — подтвердила миссис Полсон, усаживаясь за стоящий у окна карточный столик.

— Понятно, — я взяла две банки и понесла их к своему грузовику. Мне потребовалось три ходки, но когда я все погрузила, то обратилась к миссис Полсон за следующим заданием. Она предложила мне покрасить ванную комнату и сказала, какую краску лучше использовать.

В юности мне не раз приходилось участвовать в малярных проектах миссис Полсон, поэтому я знала, что к чему. Открыв и размешав светло-голубую краску для ванной, я приступила к окантовке стен и светильников. Появился Ноа и начал наносить голубую краску на большие участки. Мы почти не разговаривали, просто работали бок о бок в привычной тишине. Я знала, что Ноа размышляет о Бритт, но он поговорит со мной, когда будет готов.

Закончив с голубым цветом, я перешла к покраске белой краской двери и наличников. Нам не потребовалось много времени, чтобы закончить ванную комнату.

Пока Ноа ходил уточнять у мамы, в какой цвет покрасить задний кабинет, я вышла в главную комнату, вытянув руки над головой. Брейдон и Айзек только что закончили замену

использованной, но гораздо более красивой потолочной плитки в главной комнате. Оливия наносила краску на третью стену. Бритт кистью подкрашивала переднюю стену, окантовывая большое окно. Майкл Бриджес, опережая Оливию, продолжал красить желтой краской стены над обшивочной доской. А Джеки Джонс и Том Далтон следовали за Оливией, покрывая белой краской плинтус.

Я некоторое время изучал Тома, пытаясь понять его настроение. Он казался вполне нормальным, когда я наблюдала за тем, как он шутит с Джеки.

Том, видимо, почувствовал, что я смотрю на него. Он оглянулся через плечо, удивленно глядя на меня.

— Привет.

— Привет.

— Насчет вчерашнего дня, когда я... ну, ты понимаешь... В общем, я хотел извиниться, — произнес Том, обводя взглядом комнату и, кажется смущаясь.

— Не переживай. Но признаюсь, я удивлена, увидев тебя в городе.

Том кивнул.

— Благодаря тебе я сегодня чувствую себя хорошо. Как будто самим собой.

— Я напортачила? — спросила Джеки. — Подумала, что с Томом все будет в порядке, если он не пойдет домой или не встретится с Тауни.

Я продолжала наблюдать за Томом. Он правда казался нормальным.

Подошел Ноа и остановился рядом со мной.

— Все в порядке?

— Да, но держись поближе. Я хочу кое-что проверить.

— Хорошо, — пожал плечами Ноа.

Я двинулась к Тому, следя за реакцией. В его глазах мелькнуло любопытство. Он повернулся ко мне лицом, когда я подошла. Я протянула руку, чтобы коснуться его предплечья, но он просто ждал, наблюдая за мной. Его мышцы оставались расслабленными. Руки свободно висели по бокам. В глазах не отражалось ни малейшего признака враждебности.

— Ну что ж, хорошо, — заключила я. — Полагаю, ты в порядке.

Том и Джеки обменялись довольными взглядами и вернулись к своей работе.

— Это было странно, даже для тебя, — прошептал Ноа, следуя за мной в подсобку и прихватывая по пути две банки с краской.

Оглянувшись на дверь, я убедилась, что за ней никого нет и тихо объяснила:

— Вчера Тома пришлось накачать снотворным и вытащить из дома. Он вел себя как Фрэнсис. Я видела это в его глазах. Того самого монстра.

— Что? — шепотом воскликнул Ноа. Он посмотрел в коридор. — Но теперь он нормальный?

— Похоже, да. Но я хотела предупредить тебя, в случае моего отъезда постарайся присматривать за ним. Айзек в курсе, и Оливия тоже, но еще один глаз никогда не помешает.

— Ладно, хорошо. — Ноа провел рукой по волосам. — Этот город с каждым днем становится все более странным. — Он поставил краску, которую принес, на пол. — Пойду возьму кисти и валики.

Я открыла обе банки и принялась их смешивать. Кабинет был больше, чем ванная, но здесь и меньше объектов для покраски, поэтому мне не потребовалось много времени, чтобы

нанести краску сверху, снизу и по углам, а затем переключиться на основную отделку, пока Ноа валиком красил стену.

Светло-серая краска хорошо сочеталась с белой отделкой, но я решила, что синяя для бетона не будет смотреться в этой комнате так же хорошо. Пока я занималась делом, мои мысли вернулись к Тауни. Я попыталась прикинуть, что знаем. Мы выяснили, что Тауни была не единственной жертвой. Похитили не только мою сестру, но и ее подругу Эрику Натчен и подругу Эрики Эбби Фенн. Три девушки, имена которых мы точно можем назвать.

Стоп... В мозгу что-то щелкнуло. Три. Ровно столько плавало в озере, когда я туда упала.

Я вспомнила видение, посетившее меня при падении в канал. Три фигуры плыли рядом со мной, протягивая ко мне руки. Они чего-то хотели, но я не понимала, что именно.

Ощущения оказались почти такими же, как и в тот раз, когда Оливия разбила машину на озере Эдгар, только тогда, при встрече с их образами, они выглядели обеспокоенными за меня. Как будто пытались помочь. Но вчера мне показалось, что они намного реальнее — настолько, как могут быть реальны призрачные фигуры, плавающие в воде.

Я застыла на месте, пораженная собственной догадкой. Почувствовав, как краска капает на кроссовки, я уставилась вперед, не видя ничего, пока мои мысли неслись вскачь. Плавающие призраки. Вода. Они были в воде.

— Айзек! Айзек, я знаю, где тела! — Я бросилась в переднюю комнату, швырнула кисть с краской на газету на полу и, перебежав через комнату, схватила ключи с карточного столика. — Девушки в озере! Они были в озере все это время!

Я поняла, что все прекратили работу. Они провожали меня взглядами, когда я выбегала из офиса. И Оливия, и Айзек последовали за мной. Как только я ступила на тротуар, мой желудок забурлил, угрожая выплеснуть утренний кофе.

— Что значит, девушки в озере? — спросил Айзек, прижав руку к моей спине.

— Думаю, они на дне озера. Я не уверена, в каком именно. Это может быть озеро Эдгар, но скорее всего, Найтшейд. На самом деле, я все-таки думаю, это Верхнее озеро Найтшейд.

— Ты уверена? — переспросил Айзек.

— Нет, но у меня было видение о них, когда я упала в озеро вчера. Оно совпало с тем, которое случилось, когда Оливия разбила свою машину в озере Эдгар. Они были под водой. Мне кажется, именно там он их и оставил. В озере.

— В этих краях много озер, — заметил Айзек. — Мы не можем обыскать их все.

— Я не думаю, что нам придется это делать. Наверное, если я прикоснусь к воде, то смогу их почувствовать.

— Но ты же ненавидишь воду, — проворчала Оливия.

— Но почему? — спросила я Оливию. — Почему я ненавижу воду? Не помню, чтобы я ненавидела ее, когда была маленькой. Папа постоянно водил меня плавать. Мне это нравилось. И только когда я стала подростком, то начала бояться озер.

— Ты имеешь в виду... — начала Оливия.

— Да. Что, если мой страх перед водой появился после того, как наш субъект начал выбрасывать туда тела? Что если часть меня всегда знала, что они там?

— О, святые угодники, — воскликнула Оливия, перекинув свою руку через мою и потащив к джипу Остина. — Мы поедem к Остину. Возьмем его понтон. Так будет быстрее. Начнем с Верхнего Найтшейд и пойдem вниз.

— Я тоже еду, — решил Айзек. — Но давай пока не будем рассказывать об этом Стоуну.

— Договорились, — кивнула я, когда мы вдвоем забрались в джип Остина.

С Оливией за рулем дорога до дома Остина не заняла много времени. Мы нашли ключи от лодки в тайнике под приборной панелью, и Айзек завел понтон и повел его по каналу в сторону Верхнего озера Найтшейд. Несмотря на вольную трактовку Оливией всего, что можно одолжить у Остина, я отправила ему сообщение.

В ответ он только спросил, все ли со мной в порядке. Я не знала, как ответить. Сомневалась, что все происходящее нормально. Понятия не имела, как буду себя чувствовать, если все получится, а мы найдем тела. Потом я осознала, что одно из этих тел, скорее всего, принадлежит моей сестре.

Я решила ответить просто: «Айзек с нами». Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы Остин не волновался.

Когда Айзек вышел из длинного канала на Верхнее озеро Найтшейд, я взглянула на воду. На озере находились несколько рыбацких лодок и один катер для катания на лыжах. Я перебралась в заднюю часть понтона, когда Айзек заглушил двигатель.

Перегнувшись через перила высотой по пояс, я заметила ступеньки платформы на другой стороне. При мысли о прикосновении к воде у меня свело живот. Я не хотела их видеть. Я не хотела чувствовать их эмоции.

Я уже собиралась перелезть через перила, когда Оливия остановила меня и развернула за плечи к себе лицом.

— Знаю, тебе страшно, — заявила она, накидывая на меня спасательный жилет и затягивая ремни. — Но мы рядом. И не позволим, чтобы с тобой что-то случилось.

— Чертовски верно, — подтвердил Айзек, поднимая конец нейлоновой веревки. — Мы тебя держим. — Он продел нейлоновую веревку через один из грудных ремней спасательного жилета.

Я положила телефон в стоящий рядом подстаканник.

— Я могу это сделать. Я справлюсь.

— Верю в тебя, — только и сказала Оливия.

Я вдохнула, потом выдохнула. Мне было страшно. Я не хотела быть собой сейчас. Я мечтала оказаться кем-то другим, кем угодно.

— Готова? — спросил Айзек.

Я кивнула, повернувшись к перилам. Айзек взял меня за руку, поддерживая, и я перебралась через них, ступив на платформу. Вода перелилась через край, намочив мои кроссовки и носки. Я устояла на воду, обеими руками держась за перила.

— Еще не поздно передумать, — заметил Айзек, почувствовав мою нерешительность. — Это не твоя работа — искать их тела. Мы можем придумать что-нибудь другое.

Я не могла оставить их там, внизу. И если моя теория верна, то прикосновения к воде хватит, чтобы их обнаружить. Проблема заключалась в том, что я должна впустить их в свою голову. Раскрыться перед ними.

Я продолжала смотреть на воду, и тут меня пробрала дрожь. Я не знала, от чего это происходит: от холодной воды, омывающей мои ноги, или от страха, пронизывающего меня насквозь.

Сделав еще один глубокий вдох, я присела на корточки, держась одной рукой за

поручень позади себя. Другую руку я протянула к воде, держась немного выше поверхности. Медленно выдохнув, я погрузила пальцы в воду и закрыла глаза.

Появились французские двери, но вид с другой стороны поразил меня. Темная коричневато-зеленая вода колыхалась, толкая вздувшиеся тела Эрики и Эбби взад-вперед и ударяя их о стекло. Каждый раз, касаясь двери, их тела глухо стучались, и этот звук эхом отражался от стен моей комнаты.

Я испуганно отступила назад. Боялась, что утону. Испугалась, что девочки утащат меня. — Ты справишься, Давина, — услышала я голос Оливии.

Я была почти уверена, что она ошибалась, что у меня никогда не хватит духу.

Я еще несколько секунд смотрела на тела, пытаюсь набраться смелости и войти в видение. Еще можно было передумать. Я могла сказать Оливии и Айзеку, что это не сработало. Мы могли бы найти другой способ проверить озера.

Рука Эрики плавала в воде, упираясь в стекло, как будто ее туда специально приставили. Ее кожа набухла и прогнила.

Я не могла оставить их здесь. Они заслуживали достойного погребения. Их семьи заслуживали ответов.

Надеясь, что Айзек и Оливия спасут меня в случае необходимости, я шагнула вперед.

Дрожащей рукой я нащупала холодное серебро на ручке. Сделав еще один глубокий вдох, я на нее надавила.

Вода рванулась вперед, сбивая меня с ног и швыряя по комнате. Когда меня перестало крутить, я попыталась оглядеться, чтобы сориентироваться, но вода была слишком темной, почти черной. Я била ногами и гребла руками, плывя вслепую, пока не коснулась чего-то рукой. Я осмотрелась, пытаюсь определить, что передо мной. Комод. Это был мой комод.

Я изменила курс, сместившись вправо и поплыв изо всех сил. Нашупав дверную коробку, протиснулась через двери.

Вдруг вода затихла и стала светлее, когда сверху хлынул солнечный свет. Я оглянулась и заметила Эрику и Эбби, плывущих в полудюжине метров впереди. Поплыла к ним, но по мере приближения их тела смещались дальше по озеру. Я последовала за ними, но они продолжали удаляться все дальше и дальше.

К тому времени, когда их тела остановились, мои легкие горели. Я смотрела, как они медленно опускаются вниз. Из ниоткуда появились цепи и веревки, обмотанные вокруг тел, утяжеляя их. Я наблюдала, как они оседают в глубокие заросли сорняков и грязи на дне озера.

Еще одна фигура, мутная и неясная, опустилась на дно в двадцати метрах впереди. Я не могла разобрать, кто это был, но очертания казались женскими.

Я услышала шум над собой и посмотрела вверх. Слева от меня промчалась лыжная лодка, а через секунду — лыжи.

Я сосредоточилась на своем теле вне видения. Почувствовала чью-то руку, лежащую поверх моей на поручне. Сконцентрировалась на тепле поручня и на своих влажных холодных ногах, по которым плескалась вода.

— Оливия, Айзек, вы меня слышите? — спросила я, не открывая рта в видении.

— Да, да! — крикнула в ответ Оливия. — Давина! Я слышу тебя!

— Лыжная лодка. Она прошла мимо всего несколько секунд назад.

— Я вижу лодку, — отозвался Айзек. — Она на другой стороне озера.

— Следи за ней. Запомни место, где она будет проходить.

— Давина, тебе нужно дышать, — настойчиво сказала Оливия. — Ты слишком долго задерживаешь дыхание. Тебе нужно вдохнуть.

Я не отрывала глаз от воды, но ощущала свое реальное тело на понтоне. Медленно втянула воздух, затем выдохнула, повторяя несколько раз, концентрируясь на обоих мирах. Это было трудно. Один промах, один вдох на стороне видения, и можно захлебнуться.

Я снова услышала звук приближающейся лодки.

— Приготовься. Она возвращается.

— Мы видим ее, — заверил Айзек.

Я дождалась, когда лодка окажется ближе всего ко мне, точно слева.

— Там! Лодка. — Когда катер проплыл мимо, я снова подождала лыжника. — И здесь — лыжи.

— Понял, — сказал Айзек. — Возвращайся к нам, Давина. Ты пугаешь меня до смерти.

Я хотела ответить, но потеряла концентрацию на том, какое из моих тел какое, вдыхая воду в мире видений. Легкие обожгло, когда я пыталась выгнать воду, металась взад-вперед, в результате чего вдыхала только больше воды.

Мой мозг запаниковал, когда я почувствовала легкое головокружение. Я посмотрела вниз, на все еще гниющие тела в воде, затем отвернулась и поплыла в другую сторону.

Мне пришлось проплыть около десяти футов, прежде чем мой разум успокоился настолько, что я сосредоточилась на своих французских дверях, призывая их к себе. Когда они появились, я проплыла сквозь них, ухватившись за край двери и крутанувшись на месте. Я изо всех сил ударила ногами, пока не смогла закрыть дверь на защелку. Только я закрыла дверь, как вода покинула мою спальню-видение, опустив меня на деревянный пол.

Я лежала, выкашливая воду и задыхаясь. До меня доносились крики Оливии и Айзека, но я сосредоточилась на своем дыхании, пытаюсь взять себя в руки. После нескольких спокойных вдохов я открыла глаза. С удивлением обнаружила, что сижу в центре понтона, а не у заднего борта.

Снова закашлялась, легкие все еще горели, хотя я даже не погружалась в воду.

— Давина, посмотри на меня, — приказала Оливия, схватив меня за лицо. — Дыши, Давина. Просто дыши.

Я кивнула, откинулась назад и легла на пол понтона, глядя на солнце. Его тепло казалось таким приятным, но холод от видения все еще пронизывал меня, заставляя дрожать и стучать зубами. Я взглянула на обеспокоенного Айзека.

— Ты запомнил место?

— Да, дорогая. Мы запомнили.

— Тела лежат в двадцати футах справа от того места, где находилась лыжная лодка.

Они привязаны веревками и цепями к грузу.

— Я подвезу нас поближе, — решил Айзек, прежде чем послышался звук включившегося двигателя лодки.

Я снова закрыла глаза, сосредоточившись на ощущении солнца над головой.

— Ты в порядке? — прошептала Оливия.

— Нет, Оливия. Я не в порядке.

— Айзек, ты не можешь спуститься туда. Они на самом дне, — предупредила я, когда он заглянул за борт лодки. — Ты даже не разглядишь, что там внизу.

Айзек оглянулся на меня.

— Но мне нужны доказательства. Я не могу требовать водолазов без доказательств.

— Ты, может быть, и не вправе запрашивать водолазов, а я запросто, — воскликнула Оливия, поднимаясь с пола рядом со мной и доставая из заднего кармана свой телефон. — Разве Тедди Биклтон не занимается дайвингом? Он живет на Среднем озере Найтшейд. Я могу ему позвонить.

— Сейчас середина дня, — почесал голову Айзек. — Он, наверное, на работе.

— Тогда ему придется уйти с работы, — пожал плечами, заявила Оливия, пролистывая свой телефон.

— Думала, ты потеряла телефон в канале? — обратилась я к Оливии.

— Да, но на прошлой неделе, после нашей небольшой аварии с кабриолетом, я купила два запасных телефона и спрятала их у Брейдона. Кроме того, мой телефон поддерживает резервное копирование данных на облачный сервер, так что вчера вечером я легко перешла на новый телефон.

— Звучит сложно.

— Ничего подобного. Я подключу твой телефон позже, — пообещала Оливия, поднося телефон к уху.

Мы с Айзеком слушали разговор Оливии с Тедди Биклтоном, судя по всему, его легко удалось убедить сорваться с работы и приехать к нам на помощь. Когда Оливия закончила разговор, то объяснила, что он вызывает на помощь второго водолаза, но они будут минут через двадцать-тридцать, после того, как заедут домой и заберут свое снаряжение.

Понтон раскачивался взад-вперед добрых полчаса, в ожидании, но мы все поднялись, когда услышали приближение еще одной лодки. К нам вплотную подошел катер, и Айзек перекинул через борт лодочный отбойник, прежде чем связать лодки вместе.

Я устроилась на одной из длинных мягких скамеек, чувствуя себя слишком замерзшей и слабой, чтобы быть полезной. В другой лодке я разглядела Тедди Биклтона и другого мужчину, Скотта Морроу, но женщина, которая оказалась рядом с ними, повернулась ко мне спиной.

Айзек и Тедди быстро зашептались, затем Тедди Биклтон взобрался на понтон и присел передо мной на корточки. На нем был черный гидрокостюм, закрывавший его от щиколоток до шеи. Я знала Тедди, но не очень хорошо. Он иногда ходил пить пиво с Ноа.

— Привет, Давина, — поздоровался Тедди, слегка наклоняя голову и изучая меня. — Мне сказали, ты думаешь, там есть тело.

— Нет, — покачала я головой. Взглянув в сторону задней части лодки, добавила. — Я ничего не думаю. Я знаю. Два тела здесь, а третье — еще в пятнадцати-двадцати футах вон там. — Я посмотрела на Тедди.

Тот помрачнел.

— Ты уверена?

— Хотела бы я, чтобы это было не так.

Тедди сдержанно кивнул, похлопав меня по колену, когда вставал. Он пересек понтон и

вернулся к остальным.

— Скотт, Давина говорит, что у нас там три тела. Давай снаряжаться.

Женщина с катера перелезла через перила и перебралась на понтон. Она развернула принесенную с собой полиэтиленовую пленку.

— Я захватила пленку, пакеты для улик и перчатки.

Я разглядывала ее, пока она раскладывала пленку на ковре лодки. Она показалась мне знакомой, но я не знала, почему.

Должно быть, она почувствовала, что я смотрю на нее. Она оглянулась и представилась:

— Помощник шерифа Синда Кайрон. Я занималась упаковкой вашей одежды в воскресенье. Сожалею о вашем отце.

Теперь я вспомнила. Она была в доме миссис Полсон. Забирала мою одежду.

— Я работаю в окружном управлении шерифа, но меня вызывают сюда, когда речь идет о женщине-жертве. — Бросив полиэтиленовый лист на пол, она зажала один из его углов спасательным жилетом. — Почему местная полиция не нанимает женщину-офицера — ума не приложу.

— Потому что шеф Адамс — женоненавистник, — пробормотала Оливия.

— Возможно. У большинства начальников в маленьких городках есть те или иные предубеждения, — не стала спорить помощник Кайрон.

— Почему вы здесь? — спросила я, глядя между ней и Айзеком. — Кто вас вызвал?

— Меня никто не вызывал, — сообщила помощник шерифа Кайрон, обходя пластик, чтобы заправить очередной уголок под подушку сиденья. — Я встречаюсь со Скоттом уже несколько месяцев. — Она кивнула в сторону Скотта, который помогал Тедди с его кислородным баллоном. — Когда он сказал, что местный экстрасенс утверждает, будто на дне озера лежат трупы, — пожалала плечами Кайрон, — ну, скажем так, мое любопытство взяло верх. Я подумала, что если это правда, то Айзеку понадобится инвентарь, чтобы зафиксировать улики.

— А если они ничего не найдут? — спросил Айзек, усмехаясь помощнику шерифа Кайрон, когда та закончила работу.

— Ну что ж, тогда я проведу свой день на озере. Жаль только, что я не надела купальник.

— Вы будете рады, что без купальника, — пробурчала я, прежде чем повернуться и посмотреть, как Тедди и Скотт слезают с катера и опускаются в воду.

— Возможно, и так, — отозвалась помощник шерифа Кайрон, наблюдая за тем, как они исчезают под водой.

Прошло совсем немного времени, и оба аквалангиста вернулись на поверхность, поднимая первое тело. Я подошла к перилам понтона. Пока они поднимали труп девушки и переваливали его через заднюю часть лодки на пластик, я стояла спиной к остальным.

Я перестала прислушиваться к разговору, когда услышала, что Айзек звонит Стоуну.

Оливия придвинулась ко мне, также оставаясь спиной к происходящему.

— Это жутко. — Она положила свою руку поверх моей. — Мне так жаль. Я иногда забываю, что ты видишь такие ужасные вещи. Наверное, это тяжело.

Я отдернула руку. Я не обижалась на Оливию, но и утешать ее мне не хотелось. Кроме желания оказаться где-нибудь в другом месте, я ничего не чувствовала и не думала. Хотелось побыстрее покинуть лодку, чтобы не слышать, как аквалангисты сообщают о возвращении под воду, чтобы поднять следующее тело.

Я вздрогнула, глядя налево, оценивая расстояние, которое нужно проплыть до берега. До него было недалеко, но мне придется залезть в воду. И плыть в той же воде, в которой годами медленно разлагались девушки.

— Мне нужен телефон, — объявила я Оливии.

— Ладно, — отозвалась Оливия, посмотрев назад. Я уставилась на воду, слыша, как Оливия просит помощника шерифа Кайрона передать мой телефон, находящийся, неподалеку от заднего борта в одном из подстаканников. Я снова задрожала, стуча зубами, и потеряла ладонями бицепсы.

Когда Оливия протянула мне телефон, я с трудом нажимала на нужные кнопки, чтобы найти имя Остина.

— Привет, красавица, — ответил Остин. Его слова прозвучали привычно, успокаивающе, но в голосе чувствовалось напряжение. — Я думал о тебе.

У меня задрожала нижняя губа. С трудом выговаривая слова, я произнесла:

— Остин, мне нужна помощь. Прошу отвези меня. — Я сжала губы, пытаюсь остановить слезы, которые начали течь. — Мне нужно добраться до берега.

— Давина, что случилось? Где ты? Ты ранена?

— Я на Верхнем Найтшейд. С Оливией. Они... Они вытаскивают... — Я не могла этого сказать. Не могла произнести вслух. Я не в силах думать, что происходит позади меня. Все это слишком ужасно.

Когда мои колени подкосились, Оливия обхватила меня за талию. Она забрала у меня телефон, быстро и настойчиво объясняясь с Остином. Закончив разговор, она убрала телефон в задний карман, а затем погладила меня по спине.

— Он едет. Остин уже в пути. И Ноа с ним. Они скоро будут здесь.

Я прижалась к ее плечу и заплакала, давая волю своим эмоциям.

К тому времени, когда появился Остин, Стоун уже бросил якорь неподалеку. Он привез еще двух водолазов, хотя я знала, что они не понадобятся. Позади нас только что подняли на поверхность третье тело.

Остин обогнул лодку Стоуна и прошел в нескольких сантиметрах от ее борта, прежде чем проскочить мимо, к нам с Оливией, стоявшим в передней части понтона. Остин и Ноа переместились на острый конец катера, протягивая руки, чтобы помочь перебраться сначала мне, а затем Оливии.

Заняв одно из пассажирских мест, я увидела, что Ноа и Остин смотрят на понтон. Они обменялись обеспокоенными взглядами, посмотрев на Оливию и на меня. Я отвернулась, когда они перебрались обратно за лобовое стекло.

Когда Остин дал задний ход, он ударил по лодке Стоуна, прежде чем смог разъехаться с остальными, развернув нас в сторону канала. Я взглянула на Стоуна, ожидая криков о столкновении лодок, но он лишь молча смотрел на меня, пока мы удалялись все дальше и дальше. Я не могла разобрать его выражение лица. Печаль? Беспокойство? Сомнение? Считает ли он, что я виновата в гибели этих девушек? Неужели он подумал, что я все эти годы знала, где их искать?

Я отвернулась, разрывая контакт между нами, когда Остин сделал поворот, замедляя ход, чтобы войти в канал.

Ноа подошел и сел рядом со мной, укутав одеялом.

— Мы почти на месте. Через минуту ты будешь на суше.

— Ноа, я так замерзла. Вода там внизу была такая холодная. Темная и холодная.

— Все позади, — успокоил Ноа, крепче прижимая меня к себе. — Сейчас солнечно. Ты чувствуешь? Сосредоточься на солнце, Ди. Оно поможет тебе согреться.

Остин заглушил двигатель лодки и повернул штурвал так, чтобы мы подошли к его причалу. Когда он привязал лодку, Ноа поддержал меня, и я шагнула на причал и направилась на задний двор.

Я слышала, как Остин шепнул Оливии позади нас, когда мы пересекали двор:

— Это Давина нашла тела?

— Можно и так сказать, — ответила Оливия. — Давина использовала свои экстрасенсорные способности. Она установила с ними мысленную связь. Там, на дне озера.

— Ох, черт, — выругался Остин.

Я почувствовала, как Ноа, который все еще обнимал меня, оглянулся назад, вероятно, чтобы заставить их замолчать. Обернувшись, он спросил:

— Что тебе нужно, Ди?

— Отвлечься. Моему разуму нужен перерыв.

— Согласна, — воскликнула Оливия, проскочив мимо нас в сторону бара во внутреннем дворике. — Мне нужна выпивка. Лучше пойду домой пьяная, чем вся эта жуть будет торчать у меня в голове, когда я вернусь к своим прекрасным мальчикам.

— Ну, если нужно отвлечься, Оливия может приготовить напитки, а я разожгу гриль, — предложил Остин. — У меня в холодильнике есть несколько стейков, которые можно приготовить. Вы, ребята, можете присоединиться ко мне на обед.

— Я останусь выпить, но после мне нужно вернуться в офис, — решила Оливия, копясь

в бутылках со спиртным. — Я оставила всех заканчивать покраску и уборку. — Оливия усмехнулась. — Но если ты позволишь снова взять твой джип, Давина может остаться на обед. Уверена, она будет благодарна, если ты развлечешь ее на несколько часов.

— Я приехал сюда на грузовике Давины, — заметил Ноа. — Могу отвезти ее домой, когда она будет готова.

— Так мне можно взять джип или нет? — уточнила Оливия, косясь на Остина.

— На какой срок? И в каком состоянии он будет, когда ты его вернешь? Очень часто твои машины разбиваются.

— Очень смешно, — заявила Оливия и показала Остину язык. — Я разбила только две машины, и в первом случае это произошло не из-за меня. Что касается второго, то это просто стечение обстоятельств. Была грязь, и мы застряли... — Она пренебрежительно махнула рукой. — А где же хорошая выпивка? Я вижу только дешевку. — На моих глазах Оливия снова вернулась к своей жизнерадостной натуре. Их непринужденная болтовня успокаивала.

Остин показал в сторону дома.

— Хорошие вещи я храню в своей комнате. Угощайся.

— А джип? — спросила Оливия, проходя через внутренний дворик.

Остин фыркнул.

— Если скажу «нет», ты будешь преследовать меня до тех пор, пока я не передумаю. Забирай его на сегодня, но завтра я ожидаю увидеть джип на своей дороге целым и невредимым. И либо подними верх, либо поставь его в гараж, чтобы не испортить обивку.

— Да, да, да, — отмахнулась Оливия и пошла в дом.

Положив одеяло на стул в патио, я осмотрелась. Затем подошла к краю бассейна и уставилась на дно. Бассейн был чистым. Нигде ни пятнышка грязи.

— У меня есть свободные купальники в домике у бассейна, — сообщил Остин, подойдя ко мне. — Я держу бассейн теплее, чем большинство. Сейчас в нем тридцать три градуса.

Я присела на корточки, проводя кончиками пальцев по воде. Ничего страшного в голову не приходило, и Остин прав: вода была теплой.

Я устроилась на бетон, чтобы снять промокшие кроссовки и носки и опустить ноги в воду. Не отрываясь, я сидела и смотрела на воду, раскачивая ногами взад-вперед.

— Что думаешь, Ди? Может, искупаемся? — спросил Ноа, садясь рядом со мной и снимая свои сандалии.

Я ему не ответила. Слишком увлеклась теплом воды. Мне хотелось еще. Больше тепла. Переместив руки на бортик бассейна, я приподнялась с бетона и толкнулась вперед, погружаясь в бассейн.

Я долго оставалась под водой, просто чувствуя, как вода согревает мою спину и руки. Но когда три обеспокоенных мерцающих лица уставились на меня с террасы, я вынырнула.

Всплыв на поверхность, отвела волосы с лица.

— Я в порядке.

— Уверена? — уточнила Оливия, опираясь рукой на бедро. — Потому что я буду любить тебя, несмотря ни на что, но сейчас ты ведешь себя не как обычно. — Она махнула другой рукой в мою сторону. — Ты плаваешь в своей одежде. А мы только что с водоема..., — она опустила глаза, глядя в сторону Верхнего Найтшейда.

— Это другое, Оливия, — ответила я. — Бассейн чистый. Здесь нет ничего плохого. И вода теплая, как в ванной. Я так мерзла с тех пор, как... — Я покачала головой. — Просто тут все иначе.

— Уговорила, — широко ухмыляясь, сказал Ноа, повернувшись к Остину. — Где я могу найти запасные плавки?

— В домике у бассейна, — ответил Остин. — В ванной комнате есть шкаф, полный купальных принадлежностей. Я сбегая внутрь и переоденусь. Скоро вернусь.

— Я собираюсь приготовить нам несколько убойных коктейлей, а потом, думаю, тоже искупаюсь. — Оливия достала из заднего кармана телефон и положила его на столик в патио. — Хорошо, что твой телефон у меня. Я еще не сделала резервную копию данных в облако.

Мне было наплевать на телефон. Единственное, что меня волновало, — как согреться. Я проплыла несколько кругов, пока Ноа не вернулся и не бросил в бассейн два надувных шезлонга, прежде чем нырнуть в глубину. Оливия поставила у края бассейна несколько бокалов, наполненных разноцветными жидкостями, и ушла в домик у бассейна.

Остин вернулся в темно-синих шортах. По дороге к бассейну он остановился у бара и достал из полупустого холодильника две бутылки пива. Откупорив их, он обратился к Ноа.

— Тебе пиво или один из коктейлей Оливии?

— Пиво, пожалуйста. Последний раз, когда я пил ее коктейли, очнулся лицом вниз на мамином заднем дворе.

Я подплыла к ступенькам и вылезла наружу. Вода стекала с моей одежды, заливая бетон, пока я добиралась до домика у бассейна. Открыв дверь, я заметила, что пол застелен ковром.

— Не волнуйся, — крикнул Остин. — Это специальный ковер. Вода из бассейна ему не повредит.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Когда я пересекала комнату, из ванной вышла Оливия.

— О, как хорошо, я нашла для тебя купальник. Это единственный подходящий для тебя по размеру. — Оливия протянула мне два кусочка материала.

Я приподняла бровь, взяла эти лоскутки и понесла в ванную, закрыв дверь. С трудом стянув с себя мокрую одежду, я покопалась в шкафу и рассмеялась, когда нашла еще три купальника моего размера, два из которых были сплошными. Я схватила тигрово-голубой и натянула его на свою мокрую кожу. Запихнув скудный раздельный купальник обратно в шкаф, я прихватила стопку полотенец для бассейна и вернулась в патио.

— Черт возьми, — пробормотала Оливия, плавая на лежаке в бассейне. — Думала, у меня все получится.

— Я знаю тебя, Оливия Бриджес-Холт, — проворчала я, кладя стопку полотенец на столик в патио.

Остин посмеивался с бортика бассейна, свесив ноги в воду.

— Ты голодна? Не пора заняться грилем?

— Пока нет, — ответила я. Подойдя, я села рядом с ним. — Спасибо, что приехал за нами. Я не могла оставаться там. Это было слишком.

— Это было бы слишком для любого, — заметил Остин, положив свою ладонь на мою руку. — Даже Айзек казался готовым сбежать.

— Наверное. Только...

Остин подождал, но когда я не закончила, спросил:

— Только что, Давина?

Мои глаза наполнились слезами. Я быстро моргнула, пытаюсь прогнать их, и подняла голову.

— Я чувствовала их, — прошептала я. — Я чувствовала их одиночество. Их потерянность. Я чувствовала, как они плавают там, в холодной воде.

Остин ничего не сказал, он просто кивнул, сжав мою руку.

— Эй, вы двое, — позвал Ноа. — Хотите, чтобы я принес еще пару этих плавающих кресел?

— Я сам. — Остин встал.

— Давина, ты еще не попробовала ни одного коктейля, — заявила Оливия. — Не заставляй меня пить их все в одиночку, поскольку мальчишки трусили.

— Пожалуй рискну, — я потянулась к бокалам. Схватила голубой, так как он подходил к моему костюму. Меня не волновал вкус. Все коктейли Оливии походили на не разбавленный самогон. У нее была привычка наливать слишком много алкоголя.

Я сделала осторожный глоток, но закашлялась, когда напиток обжег мне горло. Глотнув еще несколько раз, я поставила бокал на место.

— Вот это девушка, — воскликнула Оливия, когда Остин вернулся с плавающими креслами.

Остин и Ноа рассмеялись, когда я скривилась. Недолго думая, я вылила половину коктейля в траву, а затем разбавила остатки клюквенным соком. Поставив бокал у края бассейна, я прыгнула в воду и забралась на один из плавающих шезлонгов. А потом поплыла за своим напитком.

«Так-то лучше», — подумала я, подставляя лицо солнцу. Тепло.

Я остановилась после одного разбавленного коктейля, но Оливия выпила три полных бокала. Она не только не могла сесть за руль, но и едва держалась на ногах, когда Ноа запахнул ее в джип Остина, чтобы отвезти обратно в офис.

К тому времени, когда обед оказался готов, только Остин и я остались наслаждаться едой. К счастью, Остин поддерживал легкий разговор, болтая о старых добрых временах и безобидных сплетнях, пока мы ели стейк, приготовленный на гриле, картофель и жареную спаржу. Все было мило. Вполне по-дружески. Приятное отвлечение от реального мира похитителей, трупов и пропавшей бабушки.

— Чем дальше займемся? — спросил Остин, протягивая руку через столик, чтобы небрежно накрыть мою. — Может, сходим в кино после обеда? Или поиграем в гольф? — Улыбка Остина стала ярче, появилась очаровательная ямочка.

— Боже, нет, — рассмеялась я. — Ужасно играю в гольф, даже в путт-путт. К тому же, думаю, мне пора домой.

— Домой? — спросил Остин, откинувшись в кресле. Его улыбка померкла.

— Я имела в виду дом Бернадетт. Я все еще живу там, хотя не видела ее с вечеринки в субботу вечером. — Я наблюдала за реакцией Остина. — Знаю, Айзек спрашивал тебя, но ты уверен, что не заметил, как Бернадетт уходила?

— Нет, не видел. Извини. Я помогал полицейским направлять гостей от бассейна обратно в дом для допроса.

Он лгал. И не только потому, что отвернулся при ответе, но еще я отчетливо разглядела его в видении стоящим у входа в дом с Шелли. Но почему Остин соврал? Что он скрывал?

Мне вдруг стало не по себе, оттого что я осталась с ним наедине. Хотя я знакома с Остином всю жизнь, наше общение всегда происходило на людях и обычно сводилось к быстрым приветствиям. Что на самом деле я про него знаю?

Я изучала его, наблюдая за лицом, и наконец сказала:

— Я должна идти. Нужно заняться поисками Бернадетт.

Остин нахмурился.

— Как? Искать ее, я имею в виду. У тебя есть какая-то зацепка?

Я задумалась. Могу ли я ему доверять?

Прежде чем я решила, что ответить, открылась дверь заднего дворика. Родители Остина, Барретт и Белинда Вандерсон, вышли из дома на террасу. За ними стояла Шелли Брайт заклятый враг моего детства.

Я расслышала, как Остин пробормотал «О, черт», встал и, улыбаясь, повернулся в их сторону.

— Мама, папа, Шелли, вы все помните Давину? — Остин нежно положил руку мне на плечо.

Все трое остановились и уставились на нас.

Оттолкнув стул, чтобы встать, я почувствовала себя слишком раздетой. На щеках появился розовый румянец, и я обрадовалась, что на мне цельный купальник, а не обрывки ткани, в которые меня пыталась запахнуть Оливия, а потом заставила себя улыбнуться.

Все трое изобразили подобие улыбки. И Шелли, и Белинда были одеты в свободные блузки светлых тонов, свежеевыглаженные льняные брюки и модные кожаные сандалии.

Барретт был в шортах цвета хаки и поло для гольфа, он подошел и протянул мне руку.

— Конечно, мы помним. Я очень сожалею о смерти твоего отца, Давина.

— Спасибо, — просто сказала я, порывисто пожав ему руку, а затем сцепила руки перед собой.

Шелли и Белинда остались возле стеклянной двери и молча смотрели.

— Как жаль, что я не могу остаться, — заявила я, отодвигая стул. — Как раз объясняла Остину, что мне пора уходить. — Я взяла со стола телефон и подошла к ограждению, где сушилась моя одежда. Смущаясь, я засунула лифчик и трусы в мокрую футболку и спрятала сверток под мышкой, потянувшись за кроссовками.

— Давай я провожу тебя, — предложил Остин, взяв сначала мою обувь. Он положил руку мне на спину, и повел по выложенной камнем дорожке, огибавшей дом. — Я скоро вернусь, — сообщил он остальным.

Я оглянулась, желая убедиться, что за нами не следят.

— Ты знал, что твои родители приедут сегодня днем?

— Нет. Но понятия не имею, где мой телефон. Они могли звонить.

— Ты видел лицо своей мамы? Она недовольна.

Остин оглянулся на дорожку.

— Она редко бывает довольной. А насчет Шелли... Прости, Давина, просто...

— Ты не должен ничего объяснять, — перебила я его. — Это не мое дело. И еще раз хочу сказать спасибо за то, что ты приехал за нами сегодня. Я очень благодарна. — Я открыла заднюю дверь грузовика, складывая внутрь мокрую одежду и пытаюсь сдержать свои эмоции. Мне было неловко, но еще сильнее я ревновала. Очевидно, между Остином и Шелли что-то было. И даже если бы надеялась, что между мной и Остином возможно что-то большее, его родители никогда бы этого не допустили.

Я закрыла заднюю дверь и взяла у Остина кроссовок, развязав шнурок, прежде чем натянуть его.

Остин распустил шнурок на другом и протянул его мне.

— Я не хочу, чтобы ты думала, что...

— Остин, пожалуйста, — опять остановила я его. — Я взрослая женщина. Моя вражда с Шелли — не более чем детская история, о которой я предпочитаю не вспоминать. У меня уже давно нет с ней никаких проблем.

У Остина снова появилась ямочка, когда он посмотрел на дом через плечо.

— Давно? Разве не на прошлой неделе Шелли оставила вас с Оливией на обочине дороги?

— Да, но у нее хорошая машина, — пожала я плечами. — Мы были в грязи. Я не могу ее винить.

— Она выложила фотографию на Фейсбуке.

Я поджала губы, пылая от ярости при воспоминании, но отвернулась, чтобы он не видел моего раздражения.

— Это все в прошлом. — Я открыла водительскую дверь.

И уже собиралась забраться в машину, когда Остин обхватил меня за талию и притянул к себе. Я подняла голову и посмотрела на него, оказавшись в нескольких дюймах от лица.

— Я по-прежнему считаю, что должен тебе свидание. Что скажешь? — Когда Остин взглянул на мои губы, я поняла, что он собирается меня поцеловать.

Я положила руку ему на грудь, отстраняясь, чтобы увеличить расстояние между нами.

— Ты хороший друг, Остин Вандерсон. Спасибо, что забрал нас сегодня.

Остин опустил руку.

— Э-э, да, конечно. Рад, что смог помочь. — Его голос показался удивленным, но затем похолодел. — До свидания, Давина.

Когда я забралась в машину и закрыла дверь, мои глаза не отрывались от спины Остина. Как только он обогнул дом и скрылся из виду, я прошептала «До свидания, Остин», прежде чем завести машину.

Я не знала, почему отказалась от приглашения Остина. Может быть, потому, что он не сказал мне правду о субботнем вечере. Или, потому, что моя ревность к Шелли накладывалась на все остальные проблемы. А может, дело в том, что его мать смотрела на меня как на мусор.

А может просто Остин нравился мне настолько, что я не хотела втягивать его в свои проблемы.

В конце концов, вероятность, что меня арестуют за убийство, все еще велика. Не говоря уже о том, что, мое имя обязательно попадет в заголовок, когда в «Вестнике Дейбрейк-Фоллс» появится информация о трупах в озере.

Все знали, что Вандерсоны — одна из старейших и самых престижных семей в Дейбрик-Фоллс — превыше всего ценили благоразумие. Они бы не обрадовались, окажись их имя втянутым в какой-нибудь очередной скандал.

Не прошло и нескольких минут, как меня настиг очередной скандал. Когда я возвращалась в город, мимо меня в обратном направлении пронесся полицейский автомобиль с мигалками. Я прижалась к обочине, ожидая, пока он проедет.

Собираясь выехать обратно на дорогу, я с ужасом наблюдала в зеркале, как полицейский внедорожник резко развернулся. Я замерла, когда внедорожник подъехал к моему грузовику сзади и припарковался.

Черт. Шеф Адамс. Меня вот-вот увезут в тюрьму в одних туфлях и купальнике. Прекрасно.

Я заглушила двигатель. Не сводя глаз с шефа Адамса, который с трудом выбирался из машины, схватила телефон, быстро нажала на кнопки и включила громкую связь. Когда звонок прошел, я переместила руки обратно в положение «десять и два» на руле.

— Привет, Давина, — ответил Брейдон. — Если ты звонишь Оливии, то она потеряла сознание на полу своего офиса.

Шеф Адамс захлопнул дверь полицейского внедорожника бедром. Подтянул обеими руками брюки и направился ко мне.

— Брейдон, через пять секунд шеф Адамс меня арестует. Я на Догвуд-роуд.

— Хорошо, я встречу тебя в полицейском участке. Ничего не говори, пока я не появлюсь.

Шеф Адамс подергал ручку моей двери, но она оставалась запертой.

— Брейдон, найди мне какую-нибудь одежду. Принеси ее в участок.

— Что?

— На мне купальник! — Я потянулась к дверной панели, нажимая на кнопку разблокировки.

Шеф Адамс рванул дверь, и яростно дернул меня за руку, чтобы вытащить из грузовика.

— Ой, осторожнее. Мой ремень безопасности. — Ремень впился мне в плечо, и я схватилась за пряжку.

— Думала, это сойдет тебе с рук, да? — прорычал шеф Адамс, снова дергая меня. — От вас, Рейвенов, одни неприятности.

Я напарила пряжку и нажала на кнопку. Он выдернул меня из грузовика и толкнул на землю, не давая возможности выпутаться из ремня. Одной рукой шеф Адамс впечатал меня лицом в асфальт. Другой вывернул за спину мою руку.

Когда он надевал на меня наручники, я старалась не сопротивляться и оставаться неподвижной, несмотря на боль. После того как защелкнулся второй наручник, шеф Адамс рывком поднял меня на ноги.

Я страдальчески морщилась, слезы катились по щекам от боли в плече, пока он толкал меня к машине. Открыв дверь, он грубо впихнул меня на заднее сиденье. Я оказалась лежащей поперек сиденья на животе, ноги свесились на пол, но когда дверь закрылась, я почувствовала облегчение.

Дождалась, пока он снова усядется за руль. Я не стала спрашивать про телефон или сумочку. Или напоминать ему, что дверь моей машины все еще открыта, а ключи остались в замке зажигания. Шеф Адамс был слишком разъярен, чтобы придавать этому значение.

— Я уже несколько десятилетий жду, чтобы посадить одну из вас, ведьм Рейвен, —

процедил шеф Адамс, глядя на меня через зеркало заднего вида. — Это должна была быть твоя мать, но подойдет и ее любимая дочурка.

Я с трудом заставила себя сесть

— Это единственная причина, по которой вы меня ненавидите? Потому что я дочь своей матери?

— Ты зло, как и она. Нашему городу станет гораздо лучше, если все Рейвены будут стерты с лица земли.

— Вы хотите моей смерти? Так сильно меня ненавидите?

— Чертовски верно, хочу.

— Что я вам сделала?

— Прямо как мать, — проворчал шеф Адамс, качая головой. — Изображаешь невинность.

— Я невиновна! Я не убивала своего отца!

— Оставь это для присяжных. На меня ваше колдовство не действует.

Я откинула голову назад, сцепив челюсти, чтобы сохранять молчание, пока шеф ехал по дороге.

Щека и колено болели от удара о тротуар. Левое плечо ныло от того, что меня дергали сначала в ремне безопасности, а потом еще и еще.

Шеф Адамс был вне себя от радости. Я лишь надеялась, что он отвезет меня в участок, а не в какой-нибудь уединенный лесок, чтобы пристрелить. Он еще не зачитал мне права Миранды, так что возможен любой вариант.

По крайней мере, Брейдон в курсе, что я с ним. Я не сомневалась, он слышал, как шеф вытаскивал меня из грузовика. Зная Брейдона, он наверняка записал это на диктофон.

Минут через десять я почувствовала, что машина замедлила ход. Выглянув в лобовое стекло, я с облегчением увидела, что мы въезжаем в город.

Затем я посмотрела вниз на свой купальник. Будет неловко.

Шеф Адамс припарковался у обочины перед участком. Выбравшись из машины, он открыл заднюю дверь, чтобы выволочь меня наружу. Я повернулась к зданию, но шеф Адамс рывком вернул назад, поворачивая в разные стороны, чтобы все, кто стоял на тротуаре, проезжал мимо или находился во дворе на противоположной стороне улицы, могли хорошо меня рассмотреть.

Я попыталась спрятать лицо, но он схватил меня за волосы и дернул голову вверх.

Не желая видеть, как все смотрят и показывают на меня, я закрыла глаза. Был поздний вечер — время, когда многие местные жители спуют по городу, завершая дела.

Меня снова дернули за руку, на этот раз в сторону дверей участка, когда шеф Адамс с гордой улыбкой и выпяченной грудью демонстрировал свою пойманную добычу.

Я услышала визг шин — кто-то ударил по тормозам. Оглянувшись в сторону, я увидела Ланса Додда, перебегающего улицу.

— Что вы творите, шеф? Вы с ума сошли? — Ланс снял с себя рубашку, надетую поверх простой белой футболки и накинул ее мне на плечи.

Шеф Адамс схватил рубашку и швырнул ее на землю.

— Будешь мешать моему аресту — тоже окажешься в тюремной камере.

Я споткнулась, когда меня снова потащили к двери. Бросив взгляд назад, увидела, что Ланс подобрал рубашку и держит ее за моей спиной, пытаясь прикрыть от глаз посторонних.

Когда мы вошли в участок, офицер Напьер и дежурная Пэтти Томсон замерли на месте,

опустив челюсти, так как шеф Адамс провел меня через главную комнату в зал заседаний.

Когда он толкнул меня к столу, я снова оступилась, на этот раз упав на одно колено. Опираясь на бок, поднялась и повернулась лицом к шефу Адамсу.

— Может быть, я никогда не узнаю, почему вы ненавидели мою мать, но не сделала ничего, чтобы заслужить такое обращение.

— Заткнись и сядь, ведьма, пока я не засунул тебе в рот кляп, — прошипел шеф Адамс с порога.

— Неужели? — из-за его спины раздался голос Брейдона. — Хорошая запись для суда.

Шеф Адамс обернулся и увидел, что Брейдон стоит позади него, держа в руках телефон. Он записывал видео.

За Брейдоном с налитыми кровью глазами и взглядом, готовым убивать, пристроилась моя лучшая подруга. Я покачала головой, безмолвно умоляя ее не делать глупостей. Когда Оливия сморщила нос, я поняла, что она решила прислушаться к моему предупреждению, но это ее не обрадовало.

— У вас будет время поговорить с заключенной после того, как ее оформят, — заявил шеф Адамс, с силой отталкивая Брейдона и Оливию от двери, чтобы ее закрыть.

Я осталась одна. В безопасности, напомнила я себе, глядя на большое окно, выходящее в главную комнату. Даже шеф Адамс, обуреваемый гневом, не посмел бы причинить мне серьезный вред в стенах полицейского участка.

Я направилась к одному из кресел, стоящих у дальнего края стола в конференц-зале. Мне хотелось размяться, выплеснуть обиду и разочарование, но устраивать лишнее представление зрителям все-таки не стоило. По крайней мере, сидя за столом, я прятала половину своего тела.

Наклонившись вперед, я уперлась лбом в стол, стараясь не расплакаться, в то время как по ту сторону двери крики становились все громче и громче.

Примерно через двадцать минут раздался возглас, который превзошел все остальные.

— Хватит! Все заткнулись! — Голос Стоуна.

Дверь распахнулась. Стоун смотрел на меня с другого конца комнаты, держа руку на дверной ручке. Он сделал шаг вперед, разглядывая мое плечо и щеку.

— Ты не ранена?

— Только ссадины и синяки. Но если наручники не ослабят в ближайшее время, я могу потерять возможность пользоваться руками.

— Встань, — велел Стоун, пересекая комнату и доставая ключи из пояса.

Я поднялась и повернулась к нему спиной, отвернув лицо к стене, чтобы не видеть людей по ту сторону окна.

Снимая наручники, Стоун пробормотал несколько ругательств себе под нос.

— Я вызову парамедика, чтобы он осмотрел тебя. И мы найдем, что тебе надеть.

— Спасибо, — еле слышно поблагодарила я.

— Детектив, мне нужно задокументировать ее травмы, — крикнул Брейдон в дверной проем мимо шефа Адамса.

— У вас будет шанс, а пока всем нужно отойти. Давайте.

— Вы что, серьезно? — завопила Оливия. — Вы оставляете ее у себя? Она никому не причинила вреда.

— Она убийца! — заорал шеф Адамс, начав новую перепалку, когда Стоун снова закрыл дверь.

Я потеряла запястья, радуясь ощущению шипов и иголок по сравнению с холодным онемением, которое вызывали наручники. Откинулась в кресле. Почувствовав вновь свои руки, я стала растирать ушибленное плечо. Между левым плечом и шеей виднелся кровоподтек, где ремень безопасности врезался в кожу. Я потянулась, чтобы потрогать щеку. Шероховатый участок кожи покрывала засохшая кровь.

Отодвинув кресло, я осмотрела колено. Царапина напомнила мне о том, как отец учил меня кататься на велосипеде. Тогда я завалилась набок и приземлилась на колено.

Я улыбнулся, с удовольствием вспоминая тот день. Погода была солнечная. Смех отца раздавался на весь квартал, когда он смотрел, как я вскакиваю с земли и снова сажусь на велосипед. Я твердо решила научиться ездить, чтобы потом, как Ноа и другие дети, разъезжать по кварталу.

Дверь открылась, и вошла помощник шерифа Синда Кайрон, по-прежнему одетая в повседневную одежду.

— И снова мы встретились. — Она закрыла за собой дверь и села в кресло напротив меня.

— Насколько там все плохо? — спросила я, кивнув в сторону двери. До меня по-прежнему доносились голоса по крайней мере десятка людей.

— Скажем так, они очень заняты, крича друг на друга, что единственный человек, который заметил, как я прощмыгнула в комнату, это детектив Стоун. — Помощник Кайрон пожала плечами. — Ничто не проходит мимо него.

Я сузила глаза, изучая помощника Кайрон.

— Вы здесь, чтобы допросить меня?

— Нет, черт возьми, — отозвалась она, положив на стол красный тюремный комбинезон. — Я здесь, чтобы предложить это, хотя, возможно, ты и не захочешь его надеть.

Я развернула комбинезон. Внутри лежала упаковка новых трусов и дешевый спортивный бюстгальтер.

— Понимаю, ты надеялся на обычную одежду, но у Стоуна и так дел по горло. Это лучшее, что я могла придумать на данный момент. Но если предпочитаешь остаться в купальнике...

— Нет, нет, я согласна. Можно сходить в туалет, чтобы переодеться?

— Боюсь, что нет. Я могу принести одеяло или что-нибудь еще, чтобы ты могла переодеться, но ты останешься здесь, пока Стоун не решит, что делать дальше. Думаю, следующая комната будет камерой.

— Ладно, — проворчала я, разворачивая комбинезон. — Я просто надену его поверх купальника. — Я просунула обе ноги в штанины и уже собиралась натянуть комбинезон, когда появилась Бритт, за которой следовал офицер Гейбл.

— Погоди минутку, — пересекая комнату, скомандовала Бритт, натягивая пару латексных перчаток. — Сначала я задокументирую повреждения, а затем промою ссадины. — Бритт опустила свою медицинскую сумку на пол рядом со мной и достала телефон. Она сфотографировала мою щеку, плечо, запястья и колено. — Вот ведь придурок.

— Можешь сделать мне одолжение? — спросила я Бритт. — Когда будешь отправлять эти фотографии Брейдону, сообщи ему, что я как раз уехала от Остина. Родители Остина и Шелли Брайт тоже меня видели. Они все могут подтвердить, что у меня не было этих травм, когда я уходила.

— Поняла, — сказала Бритт, очищая царапину на моей коленке. Закончив, она кивнула,

чтобы я натягивала комбинезон, и указала на помощника шерифа Кайрон. — Кто это?

Я поспешно натянула комбинезон, застегивая каждую пуговицу.

— Помощник шерифа Синда Кайрон. Она работает в офисе шерифа. Странно, что вы раньше не встречались.

— Я выезжала в основном на вызовы городской полиции, а потом переехала в маленький городок, — пояснила Бритт, повернувшись и посмотрев на помощника Кайрона. — Нам она по душе? Или она на стороне ненавистников Давины? — спросила меня Бритт.

— Она все делает по правилам, но честно. Будь паинькой, — попросила я Бритт, откинувшись в кресле и толкнув ее в плечо.

Бритт повернулась к помощнику шерифа Кайрон.

— Дам ей время, прежде чем вынести вердикт, но ничего не обещаю. — Она села в кресло рядом со мной, осмотрела мои запястья и приказала пошевелить пальцами. — У меня в сумке есть охлаждающие пакеты. Прикладывай лед к запястьям минут на десять. Это поможет снять отек. — Бритт покопалась в своей медицинской сумке.

Я взглянула на офицера Гейбла, который стоял на другом конце конференц-зала и смотрел в окно. Он повернулся ко мне спиной, вероятно, чтобы дать немного личного пространства.

— Я оделась, Роберт. Можешь повернуться.

— Почему ты называешь его по имени, а нас со Стоуном — только по фамилии? — спросил помощник шерифа Кайрон.

Я обменялась ухмылкой с Робертом, прежде чем ответить на вопрос.

— Роберт и Айзек не арестовывают меня. А вот Стоун — да. Вы... я пока не уверена.

Она усмехнулась, взглянув через плечо на Роберта.

— Значит, ты думаешь, что она невиновна?

Роберт скрестил руки на груди, глядя на помощника шерифа Кайрон.

— Да.

Бритт активировала охлаждающий пакет и протянула его мне.

— Твой приятель Ноа брызжет там слюной. Есть предложения, как заставить его успокоиться, прежде чем его арестуют?

Я на мгновение уставилась на дверь, затем снова посмотрела на Бритт.

— Ноа становится спокойнее, когда у него есть задание. Работа. Попроси его забрать мой грузовик. Ключи в замке зажигания. Моя сумочка и телефон тоже в машине. Насколько я знаю, водительская дверь все еще открыта.

— Шеф Адамс не запер твой грузовик? — спросила помощник Кайрон.

Я покачала головой.

— Он плохо соображал. Вытащил меня, прежде чем я успела отстегнуть ремень безопасности, а потом бросил на землю.

Ее челюсть сжалась, но она ничего не сказала.

Бритт, напротив, выругалась вполголоса, прежде чем снова посмотреть на меня.

— Хорошо, я велю Ноа забрать твой грузовик. А сама передам эти фотографии Брейдону и прослежу, чтобы он был в курсе о свидетелях, которые должны задокументировать отсутствие у тебя травм перед арестом. Что-нибудь еще нужно? Еда? Вода?

— Сейчас нет. Я рано поужинала у Остина. — По крайней мере, я съела хороший стейк

с гриля перед тем, как меня упекли за решетку, подумала я. Последняя трапеза заключенного.

— Я даже не хочу знать, почему ты улыбаешься, — сказала помощник шерифа Кайрон, покачивая головой. — Все это безумие. Мы должны заниматься изучением тел, а не играть в поклоны с шефом полиции.

— Улики или нет, но шеф Адамс собирался меня арестовать. Удивительно, что он так долго держался.

— Ну, я не могу обсуждать дело, но замечу, что доказательств становится все больше. И не в твою пользу.

— Улики и раньше выглядели плачевно. Я была дома одна с отцом, когда он умер. Это плохо. Тут уж ничего не поделаешь.

Помощник шерифа Кайрон долго изучала меня. Я поняла, что она хочет меня о чем-то спросить.

Роберт прочистил горло, чтобы привлечь наше внимание.

— Нам пора расходится. — Он посмотрел в угол комнаты. В какой-то момент свет камеры наблюдения сменился с красного на зеленый.

Я посмотрела на Роберта, приподняв бровь.

— Я хочу поговорить со своим адвокатом. Без его присутствия я отказываюсь от допроса.

Роберт, зная, что я специально сделала это заявление так, чтобы оно было записано, ухмыльнулся, выводя Бритт и Кайрон за дверь.

Прошел еще час, прежде чем в комнату вошел Брейдон. Он нахмурился, сел напротив меня, уставившись в стол.

— Все в порядке, Брейдон, — успокоила я его. — Мы знали, что это произойдет.

— Если бы это был только шеф Адамс, я бы не волновался. Но даже Айзек и детектив Стоун ведут себя осторожно. Как будто знают что-то, чего не знаю я.

Я откинулась в кресле, затем посмотрела на дверь

— Нам нужен крот.

— Ты говоришь как Оливия, — покачав головой, проворчал Брейдон. — Мне повезет, если она не попытается вызволить тебя отсюда. Она сошла с ума.

— Вот оно, — сказала я, указывая на Брейдона.

— Только не говори, что хочешь, чтобы она организовала побег. Давина, я думаю, мы сможем разобраться с обвинениями, просто это займет некоторое время. А если ты сбежишь, то игра закончится.

— Нет, я имею в виду, использовать Оливию, чтобы подобраться к помощнику шерифа Кайрон. Помощник что-то знает. Она хотела сказать об этом, но не стала. — Я кивнула на камеру наблюдения, которая теперь снова мигала красным светом, значит, ее выключили.

Брейдон взглянул на камеру и спросил:

— Но зачем использовать Кайрон? Разве Айзек не лучше?

— Все знают, что Айзек на нашей стороне. За ним будут следить. Он станет первым, кого обвинят, если обнаружат утечку, так что нам нужно держаться от него подальше.

— Верное замечание. Я уже слышал, как Стоун пожурил Айзека за использование гражданских лиц для извлечения тел из озера.

— Тогда Айзек будет держать язык за зубами, — кивнула я. — А другие офицеры всегда следуют примеру Айзека. Они не знают Стоуна настолько хорошо, чтобы верить ему, и совсем не доверяют шефу Адамсу.

Брейдон откинулся назад, скрестив руки на груди.

— Что? — спросила я.

— Оливия была права.

— Это страшно. В чем?

— Насчет тебя. Знаешь, ты могла бы стать отличным следователем.

Я закатила глаза.

— Хоть ты не начинай нести эту ерунду. Мы оба знаем, что Оливии рано или поздно станет скучно. У нее короткая концентрация внимания.

— На этот раз я не уверен. Учитывая, что она не спит полночи, читая эти книги по бизнесу, и выходит из дома на рассвете, чтобы добраться до офиса, этот ее маленький план может затянуться.

— Я пока не могу определиться в своих чувствах по этому поводу. — Я поджала губы. — Как продвигается ремонт офиса?

— Без понятия. После того как сегодня утром повесили потолочную плитку, я забрал свой компьютер и офисные принадлежности, а потом заперся у себя в кабинете. Думаю, для нашего брака будет лучше, если мы с Оливией останемся по разные стороны офисной стены в том, что касается бизнеса.

— Разве ее бизнес не твое дочернее предприятие?

— Формально да, но... — Брейдон улыбнулся. — Ты ведь еще не успела прочитать договор?

— В глаза его не видела. А что? Что смешного?

— В договоре вы обе записаны как равноправные партнеры, но за тобой остается последнее слово во всех решениях. Ты можешь наложить вето на все, что захочет сделать Оливия.

— Но это ее бизнес. Она финансирует запуск. И именно она выполняет всю работу. Я даже почти не присутствовала при этом.

— Формально счета оплачивает трастовый фонд, созданный ее бабушкой и дедушкой. Поэтому, чтобы защитить их деньги, заработанные тяжелым трудом, я наделил тебя правом вето.

— Но почему?

— Потому что ты вела свой собственный бизнес еще со школы. Ты знаешь правила игры. И, по правде говоря, мы с Оливией достаточно часто ссоримся из-за наших личных финансов. Не уверен, что наш брак выдержит, если я буду следить за каждым ее шагом с этой детективной затеей.

— Значит, ты переложил это бремя на меня? Какой ты хороший друг.

Ухмылка Брейдона стала шире.

Дверь открылась, и вошел Стоун, а за ним шеф Адамс. Лицо шефа было рубиново-красным, а нижняя губа потрескалась и распухла. Он протиснулся мимо Стоуна, схватил меня за руку и грубо потащил из кресла так, что оно перевернулось, а стол сдвинулся в сторону окна.

Я вздрогнула, почувствовав, как защемило мышцу на плече.

— Эй! — крикнул Брейдон, вскакивая из-за стола, когда я в ужасе отпрянула от шефа Адамса.

Прежде чем поняла, что произошло, рука шефа Адамса исчезла.

Оглянувшись, я с удивлением обнаружила, что Стоун прижал шефа к стене и держит его за воротник рубашки. Он пристально смотрел на шефа, находясь в нескольких дюймах от его носа.

— Еще раз тронете ее, и у нас с вами, — прорычал Стоун с яростью на лице, — возникнут серьезные проблемы. — Это ясно? Еще раз перейдете мне дорогу, и я сделаю все, чтобы лишить вас значка.

Дверь открылась, и в комнату заглянула помощник шерифа Кайрон, вытаращив глаза.

— Здесь все в порядке?

Стоун отпустил шефа Адамса, но остался стоять на месте, держась между шефом и мной.

— Помощник Кайрон, вы можете начать процесс оформления?

— Обвинение? — с поднятой бровью уточнила помощник Кайрон.

Стоун вздохнул, часть его гнева улетучилась, когда он посмотрел на меня сбоку, отвечая на вопрос помощника Кайрон.

— Убийство первой степени.

Помощник Кайрон прошла к дальнему краю стола, подальше от шефа Адамса, чтобы надеть на меня еще один комплект наручников. По крайней мере, на этот раз мои руки были вытянуты вперед, а наручники застегнуты свободно.

Когда мы проходили мимо Брейдона, я кивнула ему, давая понять, что со мной все будет в порядке.

Помощник Кайрон провела меня по коридору в комнату из белого шлакоблока, где сняла наручники с одной руки, чтобы закрепить ее на металлической перекладине, вмонтированной в стену.

— Полагаю, ты знаешь порядок действий? — спросила она.

Я положила свободную руку на сканер отпечатков пальцев. Закончив сканирование, я отступила назад, чтобы она могла переместить наручник на стену для фотографирования. Я дождалась первого снимка, затем повернулась в сторону для следующего.

Мы прошли процедуру упаковки личных вещей. Поскольку моя сумочка, телефон и одежда оставались в грузовике, в пакет положили только фитнес-трекер.

После того как она отстегнула меня от стены, то повела по другому коридору к тюремным камерам. Я обомлела, когда увидела Ланса Додда, сидящего в одной из камер.

— Ты не... — начала я, но запнулась.

— Не сомневайся, — проворчал Ланс. — Шефу Адамсу так и надо.

Помощник Кайрон подтолкнула меня к камере напротив камеры Ланса.

— Не могу дождаться, когда увижу видеозапись с камер наблюдения. Я слышала, это был великолепный хук справа в лицо шефу Адамсу.

— Не поощряйте Ланса, — посоветовала я ей, заходя в открытую камеру и ожидая, пока она закроет дверь. — Как долго он будет здесь сидеть?

— Надеюсь, недолго, — отозвалась помощник шерифа Кайрон, закрывая дверь и приглашая меня пройти вперед, чтобы она могла снять наручники. — Стоун пытается убедить шефа Адамса отказаться от обвинений. Брейдон утверждает, что Ланс действовал, защищая интересы другого, так как шеф набросился на тебя.

— А в суде это примут?

— Скорее всего, нет, но если об этом узнают СМИ, шеф может лишиться своего значка. Держу пари, что Ланса отпустят, как только шеф успокоится.

— А если я откажусь уходить? — спросил Ланс.

— Ланс, — проворчала я, — не делай этого. Ты не сможешь. Не отказывайся уходить, если они могут вытащить тебя отсюда.

Ланс пожал плечами.

— Все равно мне больше нечем заняться.

— А как же похороны моего отца? Со дня на день выдадут его тело. Я обо всем договорилась, но если нас обоих посадят, кто будет на похоронах?

Ланс опустил голову.

Помощник шерифа Кайрон посмотрела на меня сбоку, уголок ее рта дернулся вверх, и она склонила голову в знак уважения. Ничего не сказав, она повернула по коридору и вышла за дверь.

Я оглядела камеру. У каждой из трех стен стояла мягкая скамья. У задней стены, в конце скамьи, находился прикрепленный к стене унитаз из нержавеющей стали. Я пересела на ближайшую скамью и с ужасом почувствовала, что мои ботинки прилипли к полу. Ногой я сбила мягкую накладку и пнула ее под скамейку, после чего села. Стараясь не думать о том, насколько все грязно, я придвинулась как можно ближе к переднему краю скамейки.

Ланс хихикнул.

— Не соответствует твоим стандартам, да?

— Мисси Прюитт получила контракт на уборку в участке. Она достаточно эффективно управляет пылесосом, но не умеет работать руками. Увы, несмотря на то, что я обошла ее по цене, город не стал нанимать меня из-за моей привычки ходить в наручниках.

— Хотя ты никогда этого не заслуживала, — пробормотал Ланс.

— Что есть, то есть, но самое главное, я не уверена, что смогу заснуть сегодня, сидя вот так.

Ланс фыркнул.

— Ты ведь испытываешь сильное желание, да? Навязчивая потребность вычистить это место.

Я рассмеялась.

— Чего бы я сейчас не отдала за ведро горячей мыльной воды и щетку.

Ланс расхохотался во весь голос, достаточно громко, чтобы Айзек заглянул к нам в коридор.

— Вот это неожиданно. — Он посмотрел на нас и увидел, что мы оба улыбаемся. — Я так понимаю, у нас здесь все в порядке?

— Давина хочет прибраться, — усмехаясь сказал Ланс. — Может, кто-нибудь принесет ей ведро горячей мыльной воды?

Айзек поднял бровь

— Ты меня разыгрываешь.

— Я не могу здесь спать. Здесь отвратительно. — Я указала на стену. — Это что, козявка?

Ланс смотрел в пол, все еще смеясь.

— Я посмотрю, что можно придумать, — решил Айзек и пошел обратно по коридору.

Когда мы снова остались одни, я посмотрела через проход на Ланса.

— Я говорила серьезно. Хочу, чтобы ты присутствовал на похоронах моего отца. Пусть там будет тот, кто расскажет о человеке, который вырастил меня, а не о том, кем он стал.

— Фрэнсису будет все равно, если я пропущу похороны. На самом деле, он бы предпочел, чтобы я держался поближе к тебе.

— Но мне не все равно. Даже Оливия и Брейдон не знали, каким человеком он был. Но я знал, но недостаточно хорошо. Но ты помнишь.

— Да, я помню, — кивнул Ланс. — Он был хорошим человеком. Хорошим отцом. Хорошим другом.

— Расскажи это людям. На похоронах. Пусть они знают, что он был хорошим человеком.

Ланс поднял на меня глаза.

— Это так много значит для тебя?

Я кивнула, вытирая слезу тыльной стороной ладони.

— Я помню человека, который любил меня. Когда-то он был всем моим миром.

— Я тоже помню этого парня. У меня сердце разрывается от того, что он стал таким жестоким.

— Это был не мой отец, — качая головой, проговорила я. — Мой отец умер пятнадцать лет назад. Но сейчас у нас наконец-то появилась возможность оплакать его. Попрощаться с ним.

Ланс кивнул, но отвернулся.

— Тогда я буду там. Позабочусь о том, чтобы похороны твоего отца прошли как

положено. Но, может быть, нам повезет, и Брейдон к тому времени вытащит тебя отсюда.

— Я надеюсь, но все выглядит не очень хорошо.

Айзек появился в коридоре, неся в одной руке ведро, а в другой — мою сумку для уборки.

— Шеф Адамс и детектив Стоун все еще воюют в кабинете шефа. Мне удалось пронести сюда кое-какие принадлежности. — Айзек поставил ведро и инвентарь на пол, чтобы открыть дверь камеры, затем занес все внутрь и снова ее запер.

— Откуда у тебя моя сумка для уборки?

— Ноа пригнал сюда твой грузовик. Когда я сказал ему, что ты хочешь убраться, он помог собрать вещи. Кажется, он обрадовался.

— Он хорошо знает Давину, — усмехнулся Ланс. — Уборка ее успокаивает. Приводит в порядок мысли. Если она убирается, значит, с ней все в порядке.

— Тогда приступай, — распорядился Айзек, повесив на решетку камеры пару длинных желтых резиновых перчаток, а затем повернулся к Лансу. — Ты готов уйти? Или продолжаешь упрячиться?

Ланс посмотрел на меня, пока я натягивала резиновые перчатки.

— Ты уверена?

— Конечно. В любом случае я буду занята. — Я поднялась на скамейку и начала оттирать верхнюю часть стены.

Поскольку тюремных камер всего три, уборка не заняла много времени. Айзек притащил для меня ведро со шваброй и наблюдал, как я мою главный проход. К тому времени, когда я вернулась в свою камеру, стены, скамейки, пол и мягкие сидения уже просохли. Я растянулась на одном из теперь уже чистых мягких покрытий и расслабилась.

— Знаешь, моя жена никогда не поверит, когда я расскажу ей, что ты убирала в камере, — улыбаясь заметил Айзек с другой стороны решетки.

— Конечно, поверит, — отозвалась я, искоса поглядывая на Айзека. — В прошлом году я вызвалась помочь Алисе с распродажей выпечки, но не позволила им начать работу, пока не отмыла все столы и стулья.

Айзек фыркнул, затем оглянулся на дверь, и его лицо стало серьезным.

— Не похоже, что Брейдон сможет вытащить тебя сегодня. Тебе что-нибудь нужно, прежде чем я отправлюсь домой?

Я взглянула на Айзека, усаживаясь прямо.

— Да, но...

— Выкладывай.

— Мне нужно в туалет, но на мне купальник под этим нелепым комбинезоном. — Я показала на камеру наблюдения. — Я ни за что не разденусь догола и не буду писать, пока меня снимают. — Я наклонила голову в сторону настенного унитаза из нержавеющей стали в конце скамейки.

Айзек посмотрел на мой комбинезон, затем на камеру наблюдения.

— Точно. Э-э. Дай мне минуту, чтобы разобраться с этим. — Айзек двинулся обратно по проходу к двери, почесывая голову.

Прошло больше минуты, скорее десять. Но когда я услышала, как дверь снова открылась, ко мне в камеру донесся женский смех.

— Ну что... Пописать захотелось, да? — пробурчала подвыпившая помощник шерифа Кайрон, появляясь в поле зрения. В одной руке она держала откупоренную полупустую бутылку пива, в другой — какую-то одежду.

— Я так понимаю, вы успели покинуть участок? — спросила я, вставая.

— Я ушла недалеко. Оливия уговорила меня выпить. Вот, — Кайрон протянула одежду через решетку, — она заставила меня принести это для тебя.

Я забрала одежду, положив ее на скамейку.

— Камера?

— Выключена. Мне придется понаблюдать за тобой, пока ты переодеваешься, а потом мы снова включим камеру. — Кайрон повернулась, прислонившись боком к решетке, и отпила пива, наблюдая за дверью в конце коридора.

Я разделась и натянула на себя чистую и привычную одежду, которая включала и мои собственные трусы. Воспользовавшись тем, что камера выключена, я опорожнила мочевой пузырь, а затем умылась в мини-раковине, установленной над унитазом.

— Я очень благодарна вам за возвращение сюда, помощник Кайрон, — тепло сказала я, поворачиваясь обратно, чтобы сесть на скамейку.

— Значит ли это, что мы теперь друзья? Ты будешь называть меня Синдой?

— Я бы хотела, но пока не выберусь из этой передраги, буду называть помощником

шерифа. Сами понимаете... Я заключенная и все такое. Не хочу, чтобы кто-то смотрел косо, задаваясь вопросом, где ваша лояльность.

— Ты права, наверное, сказывается выпивка. Блин, Оливия умеет пить. Я вздохнула с облегчением, когда появился Роберт, чтобы отвезти меня обратно в участок.

Я указала на камеру напротив меня.

— Я убрала все камеры, если вам нужно выспаться.

— Ага, я слышала, что ты немного прибралась, — оглядываясь по сторонам, проговорила Кайрон. — Наверное, это не самый разумный поступок.

— Почему?

Синда посмотрела в коридор, затем снова на камеру наблюдения. Увидев, что лампочка все еще горит красным, она понизила голос и сказала:

— Это часть их доказательств. Что ты зарабатываешь на жизнь уборкой. — Она фыркнула, посмотрела на потолок, а затем снова взглянула на меня блестящими, полными юмора глазами. — Я знаю, что Оливия угощала меня выпивкой, чтобы разговорить, но она не единственная, кто умеет держать себя в руках. Я ничего ей не сказала и при этом оставила за ней большой счет в баре. Если бы она не стала хитрить и просто спросила, я бы поделилась тем, что знаю.

— Каким образом моя уборка камер может стать частью доказательств?

— Нет, по крайней мере, не напрямую. Но это подкрепляет их версию. Твой дом был вычищен начисто. Даже комната Фрэнсиса вымыта. Ни одного отпечатка пальцев нигде, кроме как в твоей комнате, а они все были твоими и один Ноа.

— Что? — Я встала и подошла к решетке. — Это невозможно. Я даже не протерла кухню перед тем, как лечь спать той ночью.

— Я не знаю, что тебе сказать. По версии, которую шеф передал окружному прокурору, после того как убила своего отца, ты залила все вокруг хлоркой.

— Я бы никогда.

— Так говорит каждый виновный. — Кайрон сделала большой глоток пива.

— Нет, я имею в виду, что никогда бы не использовала средство с хлоркой для мебели. Я вообще редко пользуюсь хлоркой. Она ужасно пахнет и разъедает поверхности. В основном я использую ее в грязных туалетах, как в баре, где вы только что были. Ну, понимаете, для писсуаров.

Кайрон наблюдала за дверью, но бросила на меня взгляд через плечо, изучая.

— Ты сейчас серьезно?

— Да. Я зарабатываю на жизнь, убирая дома. Для меня не менее важно, чтобы в домах моих клиентов приятно пахло, чем то, насколько они чисты.

— Тогда что ты хочешь сказать? Думаешь, кто-то вломился в дом, убрался, а потом убил твоего отца?

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — Но это, конечно, объясняет, почему Стоун ведет себя странно.

— Да, он в затруднительном положении, — хихикнула Кайрон. — Он пытался отложить арест до тех пор, пока не докажет твою невиновность. Но шеф Адамс воспользовался тем, что Стоун отвлекся на трупы в озере, и поспешил с ответом. Теперь у Стоуна нет другого выбора, кроме как держать тебя за решеткой до тех пор, пока окружной прокурор не скажет обратное.

Я помассировал затылок, пытаюсь расслабить мышцы.

— Хотела бы я знать, почему шеф меня ненавидит. Его хамское поведение было бы легче принять, если бы я хотя бы знала, откуда оно берется.

— Его ненависть к тебе очевидна. Хм, — наклонив голову, сказала Кайрон. — Неужели не знаешь, с чего все пошло?

— Нет. Он ненавидел и мою мать. И когда тащил меня сюда, ясно дал понять, что у него миссия — уничтожить всех Рейвенов. Он уже на полпути к этому, поскольку в живых нас осталось только двое — я и моя бабушка, которая, как мне известно, до сих пор числится пропавшей без вести.

— Да, Бернадетт до сих пор не нашли. Мне позвонили и сказали, что до конца недели перевели в Дейбрик-Фоллс. Я должна помогать по мере необходимости, поскольку у них теперь три крупных дела. — Кайрон оттолкнулась от решетки и направилась к двери. — Попробую выяснить, что за муха укусила в задницу шефа. До завтра.

Я услышала, как дверь открылась и закрылась. Я вернулась на скамейку и потянулась, когда свет выключили. Аварийные лампы светили достаточно ярко, чтобы видеть комнату, но все равно было достаточно темно, чтобы я могла немного поспать. Понятия не имела, сколько сейчас времени, но предполагала, что еще ранний вечер. Может быть, семь, восемь, не больше.

Я повернулась на бок, и почувствовала, как что-то хрустнуло в кармане брюк. Вытащив жесткий лист бумаги, я развернула его и прижалась к стене. Это была записка, написанная великолепным почерком Оливии.

«Зайду сегодня поздно вечером. Все законно. Держись. P.S. Уничтожь эту записку».

Я представила, как Оливия хихикала, когда писала текст записки, вероятно, надеясь, что я съем бумагу или сделаю что-нибудь нелепое. Вместо этого я сунула ее в лифчик.

Решив, что если мне предстоит поздние ночные визиты, то вздремнуть было бы неплохо, я снова перевернулась на спину. Закрывает глаза, но сон не шел. Я была слишком возбуждена, а тюремная камера не располагала к спокойствию. В конце коридора зашумел кондиционер. Одна из аварийных лампочек жужжала — надо бы ее заменить. За дверью в коридоре ночная смена периодически окликала друг друга.

Вздыхнув, я прижалась спиной к стене, но села. Что теперь?

Чтобы отвлечься, мысленно перечислила все, над чем работала последние несколько дней. На первом месте стоял похититель Тауни, хотя вопрос о том, кто отмыл дом, занимал второе место. Третьей в списке значилась Бернадетт. Из всех дел поиски Бернадетт были, пожалуй, единственным, что я могла сделать, сидя в тюремной камере.

Подогнув под себя ноги, я закрыла глаза. Открыв французские двери и убедившись, что по ту сторону стекол все чисто, я прошла через них.

— Почему ты так долго? — прохрипела Бернадетт откуда-то спереди. — Я ждала целую вечность!

— Бернадетт? — позвала я, торопливо шагая по тропинке. — Где ты? Я тебя не вижу.

— Он вернулся, — торопливо прошептала Бернадетт, судя по голосу, она отошла еще дальше. — Давина, ты должна найти меня.

— Скажи, где ты. Я пришлю кого-нибудь.

— Я не могу сказать, где я! Просто разыщи меня! Используй свои способности.

— Я не могу. Я в тюрьме.

— Что?

— Это долгая история. — Я побежала быстрее, пытаюсь преодолеть туман. — Почему я

тебя не вижу?

— Наркотики. Он продолжает накачивать меня наркотиками. Я в доме, кажется, но не вижу...

— Бернадетт? — Я бежала по тропинке так быстро, как только могла, пока туман не стал слишком густым, чтобы что-то разглядеть. — Бернадетт? — Я повернулась кругом, пытаюсь найти разрыв в тумане. Я вертелась, искала, пока туман не опустился, словно втянувшись в землю.

На многие мили во все стороны я видела только поле с травой. Никаких дорог. Ни домов. Только пустое поле. Это поле видений Бернадетт, поняла я, снова оглядываясь по сторонам. Именно здесь она начинает свои видения. Мои всегда начинаются на заднем дворе, а ее — на этом голом травяном поле.

— Бернадетт? — позвала я в последний раз.

Ничего больше не видя, я вызвала двери и вернулась в свою камеру. Когда я открыла глаза, Оливия и Брейдон стояли, ухмыляясь, по другую сторону решетки.

Офицер Гейбл внес два складных стула и передал их Оливии и Брейдону.

— У меня ведь не будет неприятностей?

— Нет, Роберт, — заверил Брейдон, хлопнув офицера Гейбла по плечу. — Окружной прокурор разрешил мне встретиться с Давиной после ухода шефа, чтобы мы могли поговорить без помех. Что касается Оливии, то она теперь работает следователем в моей адвокатской конторе, а значит, состоит в команде юристов Давины.

— Хорошо. Только напомню, что ты сказал это на камеру. — Офицер Гейбл показал на камеру наблюдения.

— Да, та камера, которую ты отключишь, чтобы права моей клиентки не были нарушены, верно?

— Да, та самая. — Офицер Гейбл направился по проходу к двери. — Дайте мне минуту или две и дождитесь, когда свет сменится на красный.

Брейдон и Оливия разложили свои стулья и сели. Мы втроем смотрели на камеру, пока лампочка не загорелась красным.

— Это весело, — подпрыгивая на стуле, воскликнула Оливия.

Мы с Брейдоном посмотрели на нее, подняв брови.

— Что? В смысле, я здесь, присутствую на конфиденциальной... — Оливия поставила кавычки в воздухе, — встрече с одним из клиентов Брейдона. Мне никогда не доводилось заниматься такими крутыми вещами.

— Олли, милая, ты же помнишь, что «конфиденциально», — Брейдон повторил ее кавычки, — означает, что ты не можешь обсуждать то, о чем мы беседуем, ни с кем другим, верно? Мы говорили об этом. Если ты проболтаешься, моя карьера адвоката закончится.

— Точно, все понятно. — Оливия продолжила свое гиперподпрыгивание на стуле.

— Все в порядке, Брейдон, — обратилась я к нему. — Я же не собираюсь подавать жалобу. Но... Может быть, не стоит позволять Оливии присутствовать на других встречах с клиентами?

— Почему? — Оливия надулась, затем повернулась к Брейдону. — Ты ведь доверяешь мне хранить секреты?

— Конечно, доверяю, — подтвердил Брейдон, обнимая ее и притягивая к себе.

Когда она высунула язык, Брейдон откинулся на стуле, чтобы Оливия не увидела, как он качает головой.

Мне как-то удалось удержать лицо, и я сменила тему.

— Я думала, ты уже в отключке, — обратилась я к Оливии. — Слышала, как вы с помощником Кайрон изрядно надрались.

— Я сунула бармену двадцатку, чтобы мои напитки оставались безалкогольными. Не то чтобы это принесло какую-то пользу. Синда выудила из меня больше информации, чем я из нее. К тому времени, когда она, спотыкаясь, вышла из бара, я узнала только про кота по кличке Арахис и про то, что она уже больше года встречается со Скоттом Морроу, хотя и говорит, что это несерьезно. Я не смогла вытянуть из нее ни слова о деле.

Я посмотрела на камеру, убедившись, что лампочка по-прежнему красная.

— Это не пустая трата времени и денег. Помощник Кайрон вернулась сюда, чтобы проследить за мной, пока я переодеваюсь. Она с удовольствием приняла участие в распитии

алкоголя, но знала, что ты задумала. Пока я переодевалась, она поделилась информацией о моем деле.

Оливия, хлопая в ладоши, подпрыгнула.

— Выкладывай, выкладывай.

Брейдон бросил на жену странный взгляд, а затем наклонился вперед на своем стуле, поставив локти на колени.

— Что она сказала? — спросил он меня.

— Судя по всему, мой дом продезинфицировали либо до, либо после смерти Фрэнсиса. Полиция подозревает, что я убралась в доме после того, как убила своего отца.

Брейдон поднял бровь, пристально глядя на меня.

— Я не так часто бывал у тебя дома, но ты всегда убираешься. В твоём присутствии у пылинки нет ни единого шанса. И что? Что это доказывает?

— Это была не просто уборка пыли. Они считают, что я вымыла весь дом с хлоркой. Полиция не нашла в доме никаких отпечатков пальцев, кроме отпечатков Фрэнсиса на ноже и нескольких моих в моей спальне.

— Никаких? — спросила Оливия, глядя между нами. — На это ушло бы несколько часов.

— Согласна.

Брейдон покачал головой.

— Итак... Нам нужно либо доказать, что Давина не успела отдраить дом, либо, что в ту ночь в нем был кто-то еще.

— Есть кое-что, о чем я никогда не рассказывала вам, потому что не хотела волновать.

Они озабоченно наморщили лбы.

— На прошлой неделе я постоянно находила окно в спальне Райны открытым. Не просто незапертым, а иногда распахнутым настежь. А однажды ночью, когда я принимала ванну, слышала, как кто-то рылся в ее спальне.

— Ты сообщила об этом в полицию? Свидетели есть? В какое время и в какие даты? — быстро спросил Брейдон.

— Нет, в полицию я не обращалась. Ночью, когда принимала ванну, я позвонила Ноа. Он был со мной и в другой раз, когда оказалось, что окно не заперто. Мне придется составить расписание прошлой недели, чтобы попытаться собрать все события воедино. Но, честно говоря, прошлая неделя выдалась сумасшедшей. Я не уверена, что смогу вспомнить все в правильном порядке.

— Почему ты не позвонила в полицию? — спросила Оливия. — Если ты думала, что кто-то вломился в дом, то должна была, по крайней мере, сообщить об этом Айзеку.

— В то время я решила, что это Фрэнсис. Мне показалось, что он по непонятным причинам залез в окно Райны, что-то искал. В последний раз я заглядывала в комнату Райны после последней вспышки Фрэнсиса. Со мной была Бернадетт. Комната оказалась разгромлена. Все вещи из стола и ящиков комода Райны валялись на полу. В комнате был полный бардак.

— Ты прибралась в комнате? — спросил Брейдон. — Все разложила по местам?

— Я бы так и сделала, но Бернадетт настояла на том, чтобы мы ушли оттуда. Ее все это настораживало. Я решила, что займусь уборкой позже. В общем, я снова закрыла комнату и забыла об этом.

Брейдон делал пометки в блокноте.

— Что ты имеешь в виду? Ты заперла ее снова...

— В начале недели я подставила стул Райны под дверную ручку спальни, чтобы закрыть вход из коридора. А несколько лет назад установила засовы на обе двери ванной комнаты. Дверь в ванную, ведущая в комнату Райны, запирается изнутри ванной. Я закрыла сначала ее дверь в ванную, потом свою.

Брейдон замолчал, перестав писать.

— Мне нужно будет опросить Ноа и Бернадетт. Получить их показания.

— Удачи в допросе Бернадетт. Она все еще не нашлась.

Брейдон вскинул голову.

— До сих пор?

— Да, — вздохнув, подтвердила Оливия. — Давина сообщила Айзеку и Стоуну. И я проверила систему безопасности Берни, но на последней записи видно, что она ушла в субботу вечером.

— Айзек обнаружил «Нову» Бернадетт в дренажном пруду неподалеку от дома Остина, — поведала я Брейдону. — Никаких следов Бернадетт, но ее сумочка вместе с ключами лежала в машине. Впрочем, мне не положено знать всего этого.

— Кемп объяснил мне, как взломать ее финансовые счета, — заявила Оливия. — Но с утра субботы по ним не проводилось ни одной операции.

— Это вполне сходится с тем, что она мне рассказала, — поделилась я. — Я связалась с ней незадолго до вашего приезда. — Я коснулась своей головы. — Мысленно установила связь.

Оливия подпрыгнула и захлопала в ладоши.

— Она сказала тебе, где она? Или дала подсказку?

— И да, и нет, но подсказка — отстой.

Оливия потянулась и выхватила у Брейдона ручку и блокнот.

— Давай, давай, — скомандовала Оливия, готовясь записывать.

Брейдон посмотрел на ручку и блокнот, затем откинулся на стуле и уставился в потолок. Он редко сердился на Оливию, но я могла сказать, что сейчас он разозлился.

— Бернадетт сказала, что ее держат в доме.

Оливия подняла глаза, ожидая продолжения, но не получила его.

— И это все? Дом? Больше ничего?

— Боюсь, что нет. Ей пришлось быстро отключиться. Сказала, что он вернулся.

— Она имела в виду субъекта из дела Тауни?

— Понятия не имею.

Брейдон вертел головой туда-сюда, стараясь не отстать.

— Это становится все более и более странным. Давина, я очень рекомендую пригласить одного из городских юристов. У них есть штат и ресурсы, чтобы разобраться со всем этим.

— Пока нет, — возразила я. — Я понимаю, о чем ты говоришь, но просто подожди еще немного.

— Давайте отложим на время загадку о местонахождении Берни, — предложила Оливия. — Вернемся к вопросу относительно дома. Что если в комнате Райны был Фрэнсис, и именно он накачал тебя наркотиками и все отмыл?

— Но почему? И как он мог раздобыть хлорку, наркотики и нож?

— Почему — не имеет значения. У нас есть свидетели, которые годами доказывают, что Фрэнсис был немного не в себе, — отмахнулась Оливия. — Но как ему попали в руки

отбеливатель и бензодиазепин, я постараюсь выяснить. — Она перевернула блокнот, делая запись на чистом листе.

— Не могла бы ты сделать пометку, чтобы я связался с судмедэкспертом и выяснил, не нашли ли они на теле чистящие средства? — попросил Брейдон Оливию, сузив на нее глаза и скрестив руки на груди.

— Конечно, детка, — не поднимая глаз, отозвалась Оливия, перелистывая страницу и добавляя его примечание.

Брейдон протянул руку и забрал у Оливии блокнот и ручку, затем заявил, делая запись:

— Если они найдут на Фрэнсисе хотя бы следы химикатов, мы сможем использовать эту информацию для обоснованного сомнения на суде.

Я вздрогнула, отводя взгляд при упоминании о суде. Понимала, это вполне вероятно, но думать, что вся неприятная ситуация может затянуться, и моя личная жизнь станет достоянием общественности, становилось невыносимо.

Оливия прочистила горло, привлекая мое внимание.

— Я собираюсь проверить по городу, не звонил ли Фрэнсис с заказом на доставку. Заодно поспрашиваю в небольших магазинах, не помнят ли они необычных покупок хлорки. Шансов мало, но других зацепок у нас нет.

— Шансов мало? — фыркнула я. — Скорее, это выстрел в темноту.

— Держись, Давина, — посоветовал Брейдон. — Ты должна сохранять самообладание. Не теряй надежды.

Я вздохнула, пытаюсь расслабить напряженные плечи.

— Мне просто хочется пройтись по дому. Может быть, я бы заметила что-то необычное, что пропустила полиция. — Я провела рукой по волосам, убирая их за спину. — Есть ли шанс, что меня выпустят под залог? В этом случае я смогу пройтись по дому?

— Тебе нужно подготовиться к тому, что в освобождении под залог может быть отказано, — покачал головой Брейдон. — Это убийство. Если у полиции будет достаточно улик против тебя, судья может вынести решение о твоём содержании под стражей до суда.

Я отвернулась.

— Я все понимаю, но как мне доказать свою невиновность находясь за решеткой?

— Не волнуйся, — с лукавой улыбкой заявила Оливия. — Я ни за что не позволю своей подруге гнить в тюрьме.

Брейдон направил ручку на Оливию, собираясь сделать замечание, но, подумав, перевел ее на меня.

— Если моя жена сделает какую-нибудь глупость, например, попытается вытащить тебя из тюрьмы, не вздумай уходить.

Я бы никогда не согласилась на побег, но мне было любопытно, как Оливия осуществит такой план. По выражению лица Брейдона я поняла, что ему тоже интересно. Оливия же, напротив, сидела, ухмыляясь, и смотрела в потолок.

Брейдон постучал ручкой по нижней губе.

— Я все время думаю о том, чтобы ты осмотрела свой дом. — Брейдон бросил взгляд в сторону двери. — Насколько знаю, Стоун все еще здесь. Давай я ему все расскажу. Может быть, он согласится отступить от правил.

— Думаешь, он захочет? — не особо поверила я.

— Не уверен, но если да, то ты готова это увидеть? Кровь может расстроить.

Я задумалась на несколько секунд. Знала, чего ожидать. Я понимала, что на полу будет

засохшая кровь. И что я вспомню своего отца в кресле. Но вместе с тем прекрасно осознавала, что достаточно сильна, чтобы справиться с этим. Я кивнула Брейдону.

Он встал и вышел за дверь.

Как только дверь закрылась, Оливия придвинула свой стул поближе к решетке и прошептала:

— Так вот, я тут подумала...

Я хихикнула.

— Теперь мне страшно.

Оливия ухмыльнулась.

— Если мы вытащим тебя из тюрьмы, как думаешь, теперь, когда на тебе нет этого дурацкого кулона, сумеешь выследить Бернадетт?

— Прежде всего, Оливия Бриджес-Холт, если ты задумаешь что-нибудь, связанное с моим вызволением, я не только откажусь бежать, но и, возможно, никогда больше не буду с тобой разговаривать.

Оливия снова ухмыльнулась.

— Ты все равно будешь со мной разговаривать. Могу поспорить.

— Ты невозможна. — Я наклонилась вперед, глядя вдоль прохода в сторону двери. — Бернадетт сказала, что ее накачали наркотиками. Наркотики и кулон с лунным камнем, полагаю, именно поэтому я не могла связаться с ней раньше. Так что, да, возможно, я отыщу ее, если не буду здесь, но не уверена.

Оливия устала в пол, размышляя.

— Интересно, твоя мама специально хотела подарить тебе ожерелье, которое повлияет на твои способности?

— Думаю, да. Кажется, она пыталась заблокировать мои способности. И не забывай, что у Райны был такой же кулон. Но, возможно, Райна догадалась о его назначении, и поэтому выбросила в ночь своего исчезновения.

— Может быть, так твоя мама пыталась тебя защитить. — Оливия отвернулась, судорожно пытаясь смотреть на что угодно, только не на меня. Она что-то скрывала, но я не могла понять, что именно и почему. — В любом случае... Санни и Тауни все еще у Берни? Мне позвонить и сказать им, что тебя не будет дома?

— Нет, они уехали сегодня утром. Санни не сказала, как долго их не будет, но они упаковали кое-какую одежду, чтобы взять с собой. Удалось найти владельцев «Чёрной крови»?

— Нет, пока нет. Кемп расстроился и обратился к компьютерщику, с которым работает. Он пообещал сообщить, если они что-нибудь найдут. Стоуна я тоже спрашивала, но он сказал, что они тоже ничего не выяснили.

— Удивительно, что он вообще делится таким количеством информации.

— Я не думаю, что он стал бы это делать, если бы уже разгадал тайну. Кажется, он решил, что если я раскрою ее, то в его списке станет на одну задачу меньше.

— Я его не виню. Мы продвинулись не дальше, чем на прошлой неделе.

— Неправда! — заявила Оливия, ткнув в меня пальцем. — Не прибедняйся. Мы знаем, что Тауни каким-то образом заблокирована. Мы знаем, что компания «Черная кровь» владеет участком рядом с домом Остина. И мы в курсе, что кто-то удерживает Бернадетт против ее воли.

— Да, но как все это нам поможет?

— Никак. Пока, по крайней мере, нет. Но если мы получим еще несколько кусочков головоломки, возможно, сможем понять, что происходит.

Дверь в конце коридора открылась, и Брейдон, за которым следовал Стоун, вошел в помещение.

— Не могу поверить, что я иду на это, — пробормотал Стоун, отпирая мою камеру.

— О, это будет весело, — воскликнула Оливия, вставая. — Можно я поеду с Давиной?

— Нет, — буркнул Стоун, показывая, чтобы я повернулась к нему спиной. — Вы с Брейдоном можете следовать за нами до дома. Я отвезу Давину на своем грузовике, чтобы не привлекать ненужного внимания. Но Давина должна быть в наручниках все это время.

Когда он застегивал наручники, я оглянулась через плечо.

— Я не против наручников. Спасибо, что согласился.

Стоун покачал головой.

— Я просто подыгрываю, надеюсь, что ты сама себя разоблачишь, и я смогу взять несколько дней отпуска.

— Врунишка, — проворковала Оливия. — Мы все знаем, что ты надеешься доказать невиновность Давины. Ты ведешь себя сурово, но у меня есть твой номер, Стоун.

Стоун посмотрел на меня с гримасой, когда выводил из камеры.

— Да, я понимаю, — спокойно сказала я ему. — Ты будешь следовать уликам. Так что пощи. Посмотрим, не пропустили ли вы чего-нибудь.

Стоун молчал, пока мы шли по коридору. У двери он выглянул, чтобы убедиться, что все чисто, и повел всех по другому коридору и через черный ход. Мы торопливо пересекли заднюю парковку, после чего Стоун помог мне забраться на пассажирское сиденье своего грузовика, а затем обогнул его и сел за руль.

Его машина была новее моей, но в ней царил беспорядок. Обертки от фастфуда валялись на коврик. Вещевой отсек за нашими сиденьями шириной всего в фут, но был до отказа забит пакетами и грязной одеждой.

— Извини за беспорядок, — вздохнул Стоун, закрывая дверь. — В последнее время я больше времени провожу в машине, чем в кровати.

— Тебе стоит поговорить с Джеки хотя бы о краткосрочной аренде. Уверена, она сможет что-нибудь придумать.

— Айзек выбил для меня скидку на проживание в гостинице типа «постель и завтрак», которая находится к югу от города. Я забронировал номер до конца недели.

— Ну, хоть что-то. — Мой желудок заурчал достаточно громко, чтобы привлечь внимание Стоуна.

— Ты голодна? — спросил он, выезжая с парковки.

— Не слишком. Я поела раньше у Остина. Может быть, около четырех или около того. — Посмотрела на часы на приборной панели. Было почти девять. — Мой желудок заурчал, потому что ты упомянул гостиницу. Миссис Деннинг готовит лучший завтрак с жареным бифштексом, который я когда-либо ела.

Стоун держал одну руку на руле, а другой потирал живот.

— Ты меня убиваешь. Я умираю от голода. Я ушел сегодня утром, не дождавшись завтрака. И ужин, и обед тоже пропустил, если не считать того барахла из автомата, которым питался.

— Как ты мог пропустить завтрак? Миссис Деннинг начинает подавать еду в шесть тридцать утра.

— Я приехал в офис к шести. Пытаюсь продвинуться в делах, но с каждым днем все больше и больше отстаю. Мне начинает казаться, что все, о чем мне рассказывали про сонный городок, — чистая ложь.

— Ну, если уж на то пошло, я могу подтвердить, что до твоего приезда все нарушения закона в Дейбрик-Фоллс совершались либо Гилморами...

— Придурки, — вставил Стоун.

Я засмеялась.

— Или Рикки Невинсом.

Стоун кивнул.

— Рикки снес своей машиной знак «стоп» в прошлую субботу вечером. Но он скрылся с места происшествия. Когда приехали к нему домой, жена Рикки покрывала его, говоря, что кто-то угнал машину, покатался на ней, а потом вернул ее на дорогу.

— И, как я догадываюсь, Рикки находился в отключке?

— О, да. На диване. Храпел во всю глотку.

Я сдвинулась на своем месте, пытаюсь устроить руки в наручниках в более удобном положении.

— Извини за наручники. Я просто подумал, что уже нарушил достаточно много правил, и мог бы... ну, ты понимаешь...

— Гарантировать надежную фиксацию заключенного? — спросила я, бросив на него косой взгляд. — Не беспокойтесь, детектив Стоун. Вы оказываете мне услугу. Оливия с меньшей вероятностью попытается устроить побег из тюрьмы, пока я в наручниках.

Стоун приподнял бровь, выглядя слегка обеспокоенным.

— А это возможно? Неужели она попытается что-то сделать?

— С Оливией никогда не знаешь. Но не беспокойся. Оливия не найдет никого, кто бы стал партнером в ее махинациях, так что все, что она задумала, обязательно провалится. В крайнем случае, тебе придется посадить ее в камеру напротив меня в ожидании обвинения в порче имущества.

Стоун фыркнул, покачав головой, когда свернул на мою улицу.

Я наклонилась вперед, глядя в лобовое стекло. Свет у миссис Полсон еще горел, но Оливия приехала раньше нас и уже подпрыгивала на крыльце моей соседки, чтобы предупредить ее о нашем присутствии.

— Ты уверена, что готова к этому? — спросил Стоун, припарковавшись перед моим домом. — Мы убрали кресло, но, знаешь, кровь все еще там.

— Со мной все будет в порядке. Я справлюсь.

Стоун задумался, но отмахнулся от своих мыслей, вылез из машины и подошел ко мне, помогая выбраться. Брейдон ждал на крыльце, пока Оливия вприпрыжку бежала к нам через двор. Я оглянулась на миссис Полсон. Она стояла с озабоченным выражением лица и смотрела в окно гостиной.

Я снова посмотрела на Оливию.

— Напиши Ноа, пусть посидит с мамой, чтобы она не нервничала.

— Уже написала. Он скоро будет здесь.

— Это все еще место преступления. Ноа не входит в команду юристов, поэтому он не может пойти с нами внутрь, — сообщил Стоун, передавая перчатки Оливии и Брейдону. Повернув меня к себе, он снял наручники и передал пару перчаток.

— Ноа не нужно заходить внутрь, — сказал Брейдон. — Но поскольку мне понадобится

получить от него свидетельские показания, я сэкономлю время завтра, если поговорю с ним сегодня.

Стоун отпер входную дверь.

— Он уже давал показания полиции. — Детектив вошел внутрь и рукой в перчатке щелкнул выключателем. Включился свет на крыльце и лампы в дальней части гостиной.

Я кивнула в сторону кухонного выключателя, освещающего прихожую и кухню.

— Ноа может быть важным свидетелем, — пояснил Брейдон Стоуну, пока мы ждали, пока тот перепрыгнет через засохшую кровь, чтобы включить другие лампы.

— Как это? — осведомился Стоун.

— Он знает о необычной активности в доме на прошлой неделе. Как и Бернадетт, если она когда-нибудь объявится.

— Что за необычная активность?

Я вошла в гостиную, оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь странного.

— На прошлой неделе кто-то несколько раз побывал в комнате моей сестры. Кто бы это ни был, он проник в комнату через окно ее спальни.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас? — проворчал Стоун, снова перепрыгивая через пятно крови, чтобы выйти в коридор и заглянуть в комнату сестры.

— Подожди, — попросила я, обойдя большую часть крови, а затем проскочив в коридор. — Дверь в комнату Райны была открыта, когда вы прибыли сюда в воскресенье?

— Нет. Дверь стояла закрытой. Должно быть, криминалисты ее открыли, — сказал Стоун.

Я обошла Стоуна и вошла в комнату Райны. Стоун включил свет, и я огляделась, почувствовав тошноту. В комнате теперь было прибрано. Никакого беспорядка.

— Они что, еще и убрались?

— Я должен был предупредить тебя, — вмешался Брейдон, стоя у меня за спиной. — Когда я в воскресенье проводил осмотр, все выглядело именно так. Ничего похожего на то, что ты описывала.

— А стул? Он так и стоял у стола? — спросила я.

— Да, — отозвался Стоун, заглядывая мне через плечо. — А что?

Брейдон повернулся, чтобы обратиться к Стоуну.

— Давина говорит, что когда она была здесь в последний раз, стул подпирал дверную ручку, а дверь в ванную была закрыта.

Стоун подошел и посмотрел на дверь ванной комнаты, увидев засов, который запирался и отпирался изнутри ванной.

— Значит... Комната была заперта. Невозможно войти, не пройдя через ванную из твоей комнаты.

— Да, — ответила я. — За исключением окна, которое я находила либо незапертым, либо открытым несколько раз на прошлой неделе.

— Это еще не все, — заметил Брейдон. — Когда Давина заходила сюда в последний раз, комната была разгромлена. Кто-то разбросал одежду повсюду, опустошил все ящики, что-то искал.

Стоун посмотрел на окно, затем оглянулся на меня.

— Кто-нибудь может подтвердить эту историю?

Я сузила на него глаза.

— Это не история, но да, Бернадетт была со мной. Она видела, что в комнате

беспорядок, и находилась рядом, когда я запирала ее обратно.

— Когда это было?

— В тот день, когда Фрэнсис выбежал, чтобы напасть на Бернадетт. Я не помню, какой конкретно это день, но об этом должно быть написано в ваших отчетах и в записях парамедика.

— Пятница, — подсказала Оливия из коридора. — Я почти уверена, что это произошло в пятницу днем.

Стоун достал блокнот и сделал запись.

Я направилась в ванную, оглядываясь по сторонам. Холодок пробежал по спине, когда я увидела вещи, разложенные на столешнице в ванной.

— Неужели все это было здесь?

— Что все? — спросил Стоун, заходя в узкую ванную комнату позади меня. Он огляделся.

— Это. — Я указала на корзину, наполненную заколками для волос и щипцами для завивки. — И это. — Показала на держатель для зубных щеток, в котором теперь стояли две щетки.

Оливия вошла в ванную и посмотрела на стойку.

— Не может быть, черт возьми. Ни за что.

— Что? — спросил Брейдон, пытаясь заглянуть в узкую комнату.

— Ванные принадлежности Райны, — пояснила Оливия. — Щипцы для завивки и заколки для волос. Это вещи Райны. Они годами лежали на верхушке ее комода.

— Я еще раз проверю фотографии преступления, — решил Стоун. — Но уверен, что все точно так, как я видел в воскресенье.

— Думаю, ты прав, — согласился Брейдон, отодвинув Оливию так, чтобы лучше видеть. — Я тоже так запомнил. Я видел две зубные щетки, но решил, что одна из них может принадлежать Оливии.

— Ничего подобного, — покачала головой Оливия. — Я заходила так далеко в дом всего несколько раз, и всегда, когда Ланс водил Фрэнсиса к врачам или стоматологу. Никогда, когда он находился дома.

— Зачем кому-то это делать? — недоуменно спросила я, поворачиваясь, чтобы заглянуть за душевую занавеску. И вздрогнула, увидев вторую бритву и вторую мочалку. — С какой целью?

— Может быть, чтобы тебя напугать, — предположил Брейдон.

— Может, у Фрэнсиса случился один из его приступов, — высказала свою догадку Оливия. — Вдруг он хотел, чтобы все выглядело так, будто Райна никогда не уезжала.

— А может, это сделала ты, — протяжно вздохнув, сказал Стоун. — Вполне возможно, ты ходила во сне.

Мы все посмотрели на Стоуна, но он лишь пожал плечами.

— Ты прошла много миль во время лунатизма. Разве это так уж сложно — подумать, что и это ты могла сделать?

Я не оспаривала его логику, но и не собиралась поддерживать эту теорию. Не обращая на Стоуна внимания, я попыталась открыть дверь, которая вела в мою комнату, но она оказалась запертой. Обойдя всех, я прошла через комнату Райны и по коридору добралась до своей спальни. Все выглядело так, как я и оставила.

Я пересекла коридор и вошла в комнату отца. В начале прошлой недели я быстро

протерла пыль и пропылесосила в его комнате, но ничего такого, что могло бы объяснить сильный химический запах, который ощущала сейчас.

Шагнув к комоду, я наклонилась поближе, чтобы понюхать дерево.

— Определенно отбеливатель, — констатировала я, выпрямляясь. — Но веришь ты мне или нет, я ни за что не стану отбеливать деревянную мебель. Хлор может разесть поверхность.

Я направилась к жалюзи. Они тоже пахли отбеливателем. На подоконнике я заметила засохшие пятна от капель. Тот, кто протирал жалюзи, плохо их высушил, поэтому капли попали на подоконник. Дилетант.

— Оливия, сфотографируй подоконник.

Я подошла к шкафу.

— Можно открыть?

Стоун не ответил, но распахнул передо мной обе дверцы шкафа.

Я осмотрела шкаф сверху донизу.

— Белая коробочка из-под обуви на верхней полке сдвинута. Когда я была здесь в прошлый раз, все коробочки стояли ровно, а эта — наискосок. И кто-то залезал в мамин тайник.

— Что за тайник? — спросил Стоун.

— Подождите, детектив, — обратился Брейдон. — Эта информация может помочь в деле моего клиента. Я хочу сделать фотографию шкафа.

Стоун отступил назад и достал свой телефон, и оба стали делать снимки.

— Тайник? — спросил Брейдон.

— Под ковром в правом нижнем углу находится потайное отделение или ящичек, где у моей матери хранились некоторые документы. Но кто бы здесь ни был, он не заправил ковер обратно в угол.

— Внутри этого тайника что-нибудь есть? — уточнил Стоун.

— Не должно быть. Я опустошила его на прошлой неделе.

— Ладно, оставим это, — заявил Стоун. — Я не хочу ворошить ковер и портить улики.

Отправлю криминалистов сюда утром.

— Что-нибудь еще не на месте? — спросила Оливия.

— Нет. Думаю, это все. Я не особо часто здесь бывала. Большую часть времени проводила в своей спальне или на кухне.

— Давайте проверим кухню, а потом будем заканчивать, — решил Стоун. — Будет лучше, если мы вернем тебя в участок до того, как шеф Адамс узнает об этой небольшой вылазке.

Все пошли назад по коридору, обходя кровь. Кровавые следы, оставленные мной при выходе из дома в воскресенье, уже высохли. Я отвернулась, не желая вспоминать, и направилась на кухню.

Оглядевшись по сторонам, я не заметила ничего необычного. Ключей от дома у Стоуна с собой не оказалось, поэтому мы не смогли отпереть кухонные шкафы на дальней стене, не сломав замки. Пока Стоун выключал свет и снова запирали дверь, мы вышли на улицу.

— Как ты, дорогая? — Миссис Полсон окликнула нас с крыльца. Ноа стоял рядом с ней, обняв за плечи. Она нахмурилась от волнения.

— Я в порядке. Со мной хорошо обращаются, и, если повезет, скоро отпустят. Не волнуйтесь за меня. Все будет хорошо.

— Я беспокоюсь о тебе с тех пор, как умерла твоя мать. И не уверена, что смогу перестать волноваться сейчас, — ответила миссис Полсон, слегка покачав головой.

— Я прослежу, чтобы с ней все было в порядке, — пообещал Брейдон. — Но у вас двоих есть несколько минут? Я хотел бы получить информацию о некоторых событиях, произошедших на прошлой неделе.

— Да, заходите, — согласился Ноа.

— Брейдон, — окликнул Стоун, когда Брейдон пересек двор, — мне нужно вернуть Давину. Сможешь прислать копию записей твоего опроса? Через день-два я сам их допрошу.

— Конечно.

— Ты в порядке? — спросила меня Оливия.

— Нормально. Иди. Занимайся своим частным сыском.

Оливия перебежала двор и, быстро поднявшись по лестнице, последовала за Брейдоном в дом миссис Полсон.

— Похоже, ты ревнуешь, — усмехнулся Стоун, подводя меня к своему грузовику и помогая забраться в салон. Усадив меня, он подождал, пока я пристегнусь, а затем снова закрепил наручники на моих запястьях. По крайней мере, во время обратной поездки мои руки находились впереди.

— Ревную. С тех пор как живу у Бернадетт, мне не хватает ежедневных бесед с миссис Полсон, пока она играет в карты.

— Ну, кто знает. Может быть, завтра криминалисты найдут новые улики, которые убедят окружного прокурора тебя отпустить.

Подождав, пока он заберется внутрь, я сказала:

— Пока не выясним, что произошло той ночью, мы оба знаем, что я останусь подозреваемой.

Стоун ничего не ответил, отъезжая от обочины.

Я плохо спала, что неудивительно, поскольку пластиковая скамейка имела толщину менее двух дюймов, а сотрудники ночной смены по ту сторону двери постоянно меня будили.

Сидя спиной к стене, я размышляла, который час, когда услышала, как открывается дверь, и почувствовала райский аромат соуса к мясу. Я вскочила на ноги и встретила Стоуна у решетки своей камеры.

— Ты не... — просунув нос между прутьями, выдохнула я.

— Да, — ответил Стоун, ставя на пол коробки с едой на вынос и два стакана с кофе. Освободив руки, он отпер мою камеру и открыл дверь. — Жареный стейк по-деревенски и печенье. Прошлой ночью я едва смог уснуть, думая об этом. — Желудок Стоуна заурчал, заставив нас обоих рассмеяться.

— Какой час? — спросила я, усаживаясь на самую дальнюю от двери скамейку.

Стоун взял свой завтрак и кофе и отнес их на ближайшую к двери скамью.

— Около семи. Сегодня утром я первым пришел в столовую гостиницы. Миссис Деннинг заулыбалась, когда я попросил ее знаменитый завтрак с жареным стейком. Еще больше она обрадовалась, когда узнала, что второй заказ для тебя. Она не рада, что ты в тюрьме. Не удивлюсь, если она спрятала под твоим стейком пилочку для ногтей. — Он открыл контейнер с едой.

Отпив глоток кофе, я тоже открыла свой контейнер и отломил кусочек печенья, отправив его в рот. Оно было еще теплым. Я застонала, разворачивая пластиковую упаковку.

— Не передать словами, как я сейчас счастлива.

Стоун посмотрел на скамейку у задней стены, где я спала.

— Тебе не дали подушку или одеяло? Ничего?

Я покачала головой, ухмыляясь.

— Боюсь, мой отзыв об участке не будет благосклонным. И если мне придется еще одну ночь слушать жужжание аварийной лампы, рейтинг только ухудшится.

Стоун хрюкнул от смеха, но он был слишком увлечен завтраком, чтобы что-то сказать. Кивнув, он с набитым ртом указал пластиковой вилкой на свою еду. Впрочем, отвечать и не требовалось. Я уже вовсю поглощала свой завтрак, наслаждаясь каждым кусочком.

Мы сидели в тишине и ели. Телефон Стоуна зазвонил с полдюжины раз, но, бросив быстрый взгляд на экран, он нажимал кнопку игнорирования вызова. Я наблюдала, как падает его настроение с каждым звонком, и думала, не заставят ли последние события в Дейбрейк-Фоллс вернуть его в большой город.

После того как мы оба выскребли последние остатки соуса из наших контейнеров, Стоун убрал мусор, извиняясь за то, что у него больше нет времени для визита. Мне было жаль, что он уходит, но, по крайней мере, Стоун позволил мне оставить кофе.

В одиночестве я снова попыталась выполнить несколько поз из йоги, надеясь отвлечься. Изоляция давила на меня. К тому времени, когда Айзек пронесся мимо с кофейником, я уже немного сходила с ума. Я протянула стакан через решетку, чтобы он его наполнил.

— Может, удастся включить радио или полистать книгу? Что угодно, лишь бы не пялиться на стену из шлакоблоков и не пересчитывать камни?

Айзек оглядел мою камеру, нахмурившись.

— Похоже, я никогда не задумывался, что здесь может быть скучно. Наша клиентура обычно в нетрезвом состоянии. Посмотрим, что я смогу найти.

Айзек исчез в коридоре, а когда вернулся, передал через решетку журнал для дальнобойщиков, пугающую книгу в мягкой обложке и колоду игральных карт.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — приговаривала я, неся свои новые сокровища на скамейку.

Айзек с усмешкой поставил небольшой радиоприемник в конец коридора и подключил его к сети, включив звук достаточно громко, чтобы заглушить жужжание аварийной лампы.

— Эта станция подойдет?

По радио заиграла старая музыка.

— Отлично. Спасибо.

— Ничего хорошего в том, что ты здесь, нет, — расстроено произнес Айзек. — Я слышал, что вчера вечером у тебя дома прошел обыск. Стоун уже отправил криминалистов обратно, чтобы они все перепроверили. Если повезет...

— Да, везение... — закатила я глаза. — Боюсь, удача никогда не была на моей стороне.

Айзек вздохнул, уставившись в пол.

— Что-нибудь еще нужно?

— Да, Бернадетт.

Айзек скрестил руки на груди, ожидая, что я скажу.

— Вчера вечером я на минуту связалась с ней, — сообщила я, постучав себя по виску. — Ее держат в доме против воли, но похититель, продолжает накачивать Бернадетт наркотиками. Сегодня утром я снова пыталась связаться с ней, но пока ничего.

— Чем я могу помочь?

— Я спросила Остина о субботнем вечере, но он повел себя немного странно. Сказал, что был на другой стороне дома, но... Думаю, он соврал.

Айзек свел брови.

— Зачем Остину врать?

— Может быть, потому что он был с Шелли Брайт и не хотел, чтобы я об этом знала. А может, он скрывает что-то еще. Я не знаю точно. Но найти Бернадетт — моя первоочередная задача. Она не только может помочь в других делах, но боюсь, это лишь вопрос времени, когда ее похититель, решит, что живая Бернадетт доставляет больше хлопот, чем мертвая. Тем более что она и в обычный день не самый приятный человек.

— Ты права. Я попробую поговорить с Остином, — согласился Айзек, кивнув. — Наверное, стоит обратиться и к другим гостям. Может, найду кого-нибудь, кто видел, как Бернадетт уходила в субботу вечером. Хотя там присутствовало довольно много людей. У меня не хватит времени, чтобы связаться со всеми.

— Позвони Оливии. Может быть, она сможет написать всем, кто был на вечеринке. Спросить, не видел ли кто-нибудь Бернадетт.

— Так будет быстрее. Что-нибудь еще?

— Ты опрашивал владельцев домов на Беллботтом-роуд, недалеко от того места, где нашли «Нову» Бернадетт?

— Я опросил тех, кто был дома, но проверю остальных. Собирался сделать это вчера вечером, но потом, ну, знаешь, было не до того.

— Да я в курсе. Я понимаю. Используй Оливию как помощницу. Если понадобится, она привлечет людей к работе. Но скажи ей, что я просила поделиться с тобой информацией,

которую она найдет, даже если та будет не в пользу моего дела.

Айзек усмехнулся, попятившись к двери.

— Как будто она согласится.

Я прислушалась к тому, как закрылась дверь, а затем вновь сосредоточилась на своих сокровищах. Сначала я открыла журнал, гадая, кто из участка так интересуется миром дальнобойщиков.

Прочитав журнал «Дальнобойщик» от корки до корки, я приступила к чтению книги, которая оказалась слишком страшной на мой вкус. Уже на четвертой главе я выкинула книгу между прутьями решетки в главный проход, слишком напуганная, чтобы продолжать читать. Потом я несколько часов раскладывала пасьянс, пока окончательно не устала проигрывать самой себе.

Я застонала, прислонившись затылком к прохладной стене. Что-то я не припомню случая, чтобы так долго оставалась без движения. Мне было не просто скучно. У меня начали болеть спина и задница.

По радио сменилась песня, и я вспомнила, как танцевала под нее с Оливией, когда мы были подростками. Решив воспользоваться своим личным пространством, я поднялась со скамейки и начала танцевать би-боп. Конечно, танцем это не назовешь, но, по крайней мере, я неплохо разгоняла кровь.

Следующая мелодия играла быстрее, с тяжелой бас-гитарой и грохочущими барабанами. Я принялась прыгать, вскидывая руки вверх.

Скача по кругу, я развернулась лицом к решетке и увидела Стоуна, мое сердце от неожиданности чуть не выпрыгнуло из груди.

— Ой! Черт! — заикаясь, пролепетала я, положив руку на сердце. Заправив прядь волос за ухо, я пригнула голову и покраснела. — Я не слышала, как открылась дверь.

— Извини, что напугал тебя, — усмехаясь проговорил Стоун. — Просто ты выглядела так, будто тебе очень весело. С тех пор как мы познакомились, ты всегда казалась такой серьезной. Может быть, тюрьма тебя устраивает.

— Ха. Скорее, я окончательно расклеилась. — Я посмотрела на его руки, но они были пусты. Тогда я оглянулась на дверь, но там уже никого не было. — Скоро обед?

— Тебя не накормили обедом? — спросил Стоун, потирая рукой лоб. — Извини. Все разбежались.

— Ничего страшного. Думаю, от скуки я одержима едой. Не то чтобы я прямо испытывала голод, сидя в камере и ничего не делая.

Стоун отпер мою камеру и отошел, махнув рукой, чтобы я выходила.

Я осторожно вышла, повернувшись, чтобы он мог надеть на меня наручники.

— Обвинение? — Я ждала, но не почувствовала наручников и повернулась, чтобы взглянуть на Стоуна через плечо.

— Нет, — заявил Стоун, проходя в конец коридора и отключая радиоприемник. — Ты свободна. По крайней мере, пока. Округной прокурор хочет получить больше времени для выстраивания нашего дела. Ему не понравились новые улики.

— Какие новые улики? — спросила я, уставившись на него.

Стоун кивнул в сторону двери, поманив меня за собой рукой. Он провел меня за угол, где на стойке стояли два пластиковых пакета. Я узнала содержимое: фитнес-трекер и купальник,

который был на мне в момент ареста.

— Правда? Я свободна?

— Не уезжай из города, но да. — Стоун передал мне пластиковые пакеты. — Судмедэксперт сказал, что два трупа были убиты ножом в шею, идентично ранению твоего отца. Другую жертву задушили. Он квалифицирует все три смерти как убийства.

— Тела опознаны? — спросила я, надевая свой фитнес-трекер.

Стоун огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, и ответил.

— Мы опознали Эрику Натчен и Эбби Фенн по их зубным картам. Нам еще нужно подтвердить ДНК, но это лишь формальность. Третья жертва пока не опознана.

— Кто из жертв был задушен?

— Эбби Фенн.

— Почему ее смерть отличается от других?

Стоун пожал плечами.

— Возможно, потому что убийца охотился за Эрикой, но ему пришлось забрать Эбби, поскольку они были вместе. Если Эбби на самом деле не цель, он мог убить ее быстро.

Я попыталась прикинуть, как можно задушить человека быстрее, чем ударить его ножом в шею, но решила, что не хочу думать о таких ужасных вещах.

— А что насчет третьей девушки? Вы сравнили ее зубную карту с картой Райны?

— Сравнили, но совпадений нет. Мы также провели сравнительный анализ ДНК, но...

Я вздохнула.

— У тебя такое лицо.

— Какое лицо?

— Лицо, на котором написано, «как мне не нравится то, к чему все идет».

Стоун потер покрытую щетиной челюсть.

— Да, подходит.

— Третья жертва... — подсказала я, подталкивая его к рассказу.

— Она была старше. Может быть, около тридцати.

— И? — снова спросила я, зная, что есть что-то еще.

Стоун хмуро посмотрел на пол, затем поднял на меня глаза.

— У нас есть твоя ДНК из дела твоего отца. А поскольку тело Райны так и не нашли, мы сравнили твою ДНК с ДНК третьей жертвы. Результаты совпали на двадцать один процент. Похоже, ты родственница жертвы.

— Как родственница?

— Точно не знаю. При таком результате это может быть бабушка, дедушка, тетя, сводная сестра, первый двоюродный брат или племянница.

Я все еще в недоумении спросила про возраст.

— Ты сказал, что жертве было около тридцати лет?

— Когда она умерла, да. Но она пробыла в озере где-то от пятнадцати до двадцати лет, то есть — будь она жива — ей было бы где-то около пятидесяти.

— Это не имеет никакого смысла.

— Поверь, я в курсе. Нам понадобится список твоих родственников, чтобы исключить людей.

— Это короткий список. Бернадетт — единственная живая родственница по материнской линии. А со стороны отца у меня только одна тетя. Но поскольку я видела ее лет десять назад, она не может быть той женщиной, которую нашли в озере.

Стоун отвел взгляд, выглядя виноватым.

— Что ты мне не договариваешь?

— Я не знаю, как тебе сказать...

— Просто выкладывай.

— Мы также сравнили твою ДНК с ДНК твоего отца.

Я вздрогнула от внезапно охватившего меня холода.

— Мне очень жаль, но Фрэнсис не был твоим биологическим отцом.

Мои колени ослабли, и я потеряла равновесие.

Стоун подхватил меня, удерживая в вертикальном положении, пока не усадил на стоящий рядом стул. Опустившись передо мной на колени, Стоун придержал меня, положив руку на плечо.

В моей голове пронеслись воспоминания об отце. Наши прогулки. Наши тайные разговоры.

— Тест ошибочный. Это неправда.

Стоун мягко сжал мое плечо.

— Мне очень жаль, Давина. Я попросил лабораторию провести повторный тест. Ты не состоишь в биологическом родстве с Фрэнсисом Рейвенем.

Я отшатнулась и встала. Обойдя Стоуна, подошла к столу, чтобы забрать пакет с купальником.

— Мне нужно идти. Ты ведь сказал, что я свободна?

— Да, ты свободна. Может, тебя подвезти? Я могу попросить одного из офицеров отвезти тебя к Бернадетт.

— Нет, — покачала я головой. — Я пойду пешком. Мне просто нужно побыть одной.

Стоун подошел к электронной панели, чтобы ввести код. Когда загорелся зеленый свет, он открыл дверь и придержал ее для меня. Полуденное солнце ослепило меня. Я подняла руку, чтобы закрыть глаза и сориентироваться. Я находился за участком.

Я пошла прочь, не оглядываясь на Стоуна. Не хотела, чтобы он видел, как я плачу.

Я дошла по задней аллее до конца квартала и повернула на запад, к офису Оливии. Если ее там не окажется, то Брейдон будет в соседнем офисе.

Я не обращала внимания на окружающих, погружившись в собственные мысли. Как получилось, что мой отец мне не родной? Какой в этом смысл?

В памяти всплыло воспоминание о разговоре с Бернадетт на прошлой неделе. По ее словам, женщины Куэйдов часто заводят детей не от своих мужей. Она сказала, что это как-то связано с экстрасенсорными способностями, но я перевела разговор на поиски Тауни.

Неужели все так и было? Моя мать изменила моему отцу? Знал ли мой отец, что я не его дочь?

Я помнила, что мои родители были близки. Помнила, каким опустошенным выглядел отец на похоронах мамы.

Выйдя из транса, я подняла голову. Я стояла на углу перекрестка, но уже прошла мимо офиса Оливии. Вернулась на полквартала назад. Уже открывая дверь, я осознала, что в оцепенении преодолела три перекрестка. Как меня не сбила машина?

Я покачала головой и потянула на себя стеклянную дверь. Переступив порог, я только через минуту поняла, что нахожусь в нужном офисе. Свежая краска на стенах и полу, обновленная потолочная плитка придали помещению совершенно иной вид. Справа от меня стояла тумба с коробкой пончиков. Слева от двери перпендикулярно к ней располагался стол администратора, украшенный вазой с живыми цветами.

Чуть дальше в комнате находился еще один стол, за которым стояла такая же тумба. За ними виднелась дымчато-серая ширма с черной рамой и акцентами на панелях.

Проходя через большую комнату, я разглядывала картины, мебель и офисное оборудование, недоумевая, как Оливия так быстро обставила помещение. Я вспомнила, что с момента моего последнего визита сюда прошел всего один день.

Услышав голоса в задней части офиса, я направилась по коридору.

— Нет, я хочу, чтобы он стоял по центру, — раздался голос Оливии в другой комнате. — Его нужно отодвинуть еще на четыре-пять дюймов.

— Я согласна, — одобрила миссис Полсон.

— Решайте, женщины, — взмолился Ноа.

Заглянув за угол, я невольно почувствовала себя лучше, услышав их веселый смех.

— Здесь? — поинтересовался Кемп, парень, которого Оливия наняла для обучения ее программе частного сыска.

— Отлично, — подтвердила миссис Полсон, а Оливия запрыгала на месте, хлопая в ладоши.

— Я принесу стулья, — проворчал Ноа, направляясь к двери. — Давина! — Он бросился вперед, подхватил меня на руки и закружил. — Почему ты не позвонила? Я бы тебя забрал.

— Я хотела прогуляться. Мне нужен был свежий воздух. — Я в шутку шлепнула его рукой по спине. — Опустит. У меня голова кружится.

Меня поставили на ноги, и я, обменявшись с ним ухмылкой, оглядела комнату.

— Это ваш обеденный стол? — строго спросила я Оливию.

Оливия чуть не сбила меня, кинувшись ко мне со всех ног.

— Это правда ты? На свободе? Это Брейдон вытащил тебя под залог?

— Обвинения сняты. Окружной прокурор хочет получить больше времени для подготовки дела, но меня попросили не покидать город. А теперь ответь на мой вопрос: это ваш обеденный стол?

Оливия отскочила на пару футов назад и с ухмылкой посмотрела на стол.

— Брейдон сказал, что я не могу ничего красть из его офиса. Про дом он не упоминал.

— Взаймы, — уточнила миссис Полсон, подмигнув Оливии, а затем подошла и обняла меня более нежно и быстро. — Мы только позаимствуем мебель, пока вы, девчонки, не заработаете достаточно денег, чтобы купить свою собственную.

— А шикарные столы? — спросила я, оглядываясь через плечо в сторону коридора. Я пошла обратно в главную комнату, зная, что друзья последуют за мной. — Шкафы для документов? Ширма?

Между ширмой и задней стеной стоял еще один стол с длинной тумбой за ним. На столе стоял ноутбук, а на тумбе — принтер.

— Джеки подарила ширму. Она ей больше не нужна. А письменные столы, тумбы и несколько картотечных шкафов достались мне от отца. Он хранил их после закрытия одного из своих офисов два года назад. Вот папа и продал нам мебель за пятьдесят баксов. — Оливия подпрыгнула от восторга. — Все остальное нам либо подарили, либо одолжили, либо из моего дома.

— Я думала твоим офисом станет задняя комната, — посмотрела я на Оливию.

— Миссис Полсон посоветовала мне работать в передней части офиса. Я слишком люблю людей, чтобы работать внутри. Она также предложила использовать заднюю комнату в качестве конференц-зала, чтобы любой из нас мог проводить там встречи. — Оливия подпрыгнула и отодвинула ширму, открыв пространство между двумя большими столами. — Это твоё рабочее место. — Она указала на стол, стоящий ближе всего к задней стене. — Когда захочешь спрятаться, просто раздвинь ширму.

— А это твой? — спросила я, указывая на соседний стол.

— Ага.

— А как насчет стола в зоне приема?

— Это мой, — с гордой ухмылкой сообщила миссис Полсон. — Я добровольно согласилась работать секретарем на полставки.

— Но...

— Я знаю, что вы не можете мне заплатить, — подняла руку миссис Полсон. — Я буду работать бесплатно. Но это прекрасный повод выбраться из дома. Я и не подозревала, как мне тесно. И даже без клиентов мне лучше раскладывать пасьянс здесь, чем целыми днями сидеть в одиночестве у себя дома.

— Вы уверены? — спросила я. — Не хочу, чтобы вы чувствовали себя обязанной.

— Она уверена, — заверил Ноа. — Мы обсудили это вчера вечером.

Я подняла руки.

— Хорошо. Умолкаю. — Я посмотрела на Кемпа, который, прислонившись к стене, внимательно слушал. — Как тебя угораздило ввязаться во все это?

— Неудачно выбрал время. Я появился, когда разгружали мебель.

Телефон Оливии пикинул, и она достала его из заднего кармана.

— Мы продвигаемся по делам. У меня тут куча всяких «щупов». Я разослала сообщение всем, кто был на вечеринке в субботу вечером, с просьбой припомнить, видел ли кто-нибудь, как уходила Бернадетт.

— Кстати, — сказал Ноа, направляясь к входной двери. — У меня там твой телефон и сумочка. Схожу за ними.

— А где мой грузовик? — спросила я, пока он не дошел до двери.

Ноа развернулся отвечая.

— Он здесь. Я на нем привез обеденный стол Оливии. Но я еще не уверен, что готов его отдать. — Он вышел на улицу.

Я подошла и села за свой стол. Мои мысли вернулись к разговору со Стоуном. Я все еще не до конца понимала, что происходит.

— Ты выглядишь обеспокоенной, дорогая, — заметила миссис Полсон, подойдя к столу Оливии и сев в кресло. — Что тебя тревожит?

Оливия облокотилась спиной на свой стол, ожидая моего ответа.

Ноа вернулся, неся два стула. Моя сумочка висела у него на плече.

Я не очень хотела говорить обо всем, но раз уж все собрались вместе, следовало покончить с этим.

— Стоун рассказал мне несколько вещей, от которых у меня голова пошла кругом.

— Например? — спросила Оливия.

— Например, что одно из тел, извлеченных вчера из озера, принадлежит женщине лет тридцати, которая умерла более пятнадцати лет назад.

— И что же в этом такого, что не дает тебе покоя? — спросил Кемп.

— Та часть, где тест ДНК подтвердил, что я родственница этой женщины.

— Что? — выдохнула Оливия, склонив голову набок и задумавшись.

Ноа поставил стулья перед моим столом, но повернул один из них к себе и сел. Он уставился на меня, его челюсть отвисла.

— Как такое может быть?

Я пожала плечами.

— Понятия не имею. Но это не самая ошеломляющая новость.

— О боже, — воскликнула миссис Полсон. — Расскажи нам.

Я посмотрела на нее, гадая, знает ли она уже.

— Они проверили мою ДНК и обнаружили, что Фрэнсис не был моим биологическим отцом.

Миссис Полсон резко вдохнула.

— Невозможно.

— Я так и сказала, но они сделали тест дважды. Я не родственница Фрэнсиса.

Кемп сел на другой стул рядом с Ноа.

— Что это значит для твоего дела?

— Насколько я понимаю, ничего. Меня освободили, потому что два тела в озере убиты точно так же как Фрэнсис. Ножом в горло.

Миссис Полсон поморщилась от моего красочного описания.

— Известно кто это был? — спросила Оливия.

— Эрика Натчен и ее подруга Эбби Финн. Женщину постарше пока не опознали. Стоун требует список родственников, но, черт возьми, теперь я даже не знаю, кто мой отец. Как составлять ему этот чертов список?

— Я просто не могу представить, чтобы твоя мать изменила твоему отцу, — растерянно проговорила миссис Полсон. — Думаешь, ты знаешь этого человека...

— Ты полагаешь, Фрэнсис знал? — спросил Ноа, не сводя глаз с матери. — И ты, и

Райна похожи на свою мать, неужели он как-то догадался?

— Если и догадался, то никогда не намекал мне об этом.

— Нам нужно найти Бернадетт, — заявила Оливия, спрыгивая со стола. — Мы можем сравнить ее ДНК с ДНК женщины, найденной в озере. Тогда будем знать, с какой стороны трясти семейное древо.

— Но все на этой стороне мертвы, кроме меня и Бернадетт.

— Хм, — осторожно проговорила Оливия. — Может быть.

— Что значит «может быть»?

Оливия вздохнула.

— У тебя и так выдался тяжелый день. Я не уверена, что ты готова услышать то, что мы узнали.

— Выкладывай. Невозможно шокировать меня больше, чем известием, что мой отец — мне не родной.

Оливия неохотно кивнула Кемпу.

— Твоя тетя Перл, сестра твоей матери, не умерла при родах, — выдал Кемп. — Более того, мы вообще не можем найти свидетельство о ее смерти.

— Она может оказаться другой жертвой с озера, — заметила Оливия.

Я посмотрела между ними.

— Но я видела свидетельства о смерти.

— Я искала в открытых источниках, — объяснила Оливия. — Свидетельства о смерти, которые ты мне передала, подделаны.

— Поддельные? Но почему? — спросила я.

— Я не могу сказать, почему, — покачав головой, ответила Оливия. — Я также не могу сказать, кто их подделал. Но я нашла свидетельство о рождении. Перл родила здорового сына, Коллина Куэйда.

— Это еще не все, — подчеркнул Кемп. — Мы проследили за компанией «Черная кровь» и обнаружили, что твоя прабабушка назначила твою мать Эмбер владельцем компании и всех ее активов.

— Но... — уточнила Оливия, скривив лицо. — Помнишь другой документ, который ты мне прислала? Тот, который ты нашла в шкафу в спальне у Бернадетт?

— Да...

— Так вот, это было дополнение о наследовании. Примерно за три месяца до своей смерти твоя мать добавила пункт о наследовании, согласно которому активы компании отходили к Коллину Куэйду.

Я рассеянно потирала рукой лоб.

— Значит, моя мать знала, что Перл и ее сын живы. Но почему моя прабабушка вообще передала собственность моей матери? Мама ведь была еще ребенком, когда прабабушка умерла.

— Я надеялась, что ты сможешь это объяснить, — призналась Оливия. — В леджере есть еще что-нибудь о твоей матери или о собственности?

— Нет. Я нашла только одну запись о передаче имущества.

— Подождите минутку, — с протяжным вздохом проговорил Ноа, поднимая руку. — Уточню... Твоя умершая тетя была жива, но теперь возможно снова мертва, у тебя есть двоюродный брат, который тоже считался мертвым, но теперь может оказаться жив, твой отец — не твой отец, и есть компания под названием «Черная кровь»? — Ноа тряхнул

головой, словно пытаюсь распутать свои мысли. — У меня голова кругом идет.

— У меня тоже, — поддержала сына миссис Полсон. — Все это очень нервирует.

— Кому вы рассказываете, — хмыкнула я. — Что-нибудь еще я должна знать?

Оливия посмотрела на Кемпа, потом снова на меня.

— Мы продолжаем выяснять судьбы Перл и Коллина. Коллина было легче отследить на протяжении десяти лет или около того, пока он не бросил старшую школу на первом году обучения. Потом мы потеряли его след.

— У вас есть фотография Коллина?

— Нет, — ответил Кемп. — Удивительным образом с самого детства он не появлялся на фотографиях. И мы до сих пор не нашли его в социальных сетях.

— С каждым мгновением это становится все более странным, — закусив нижнюю губу, проговорила я.

Оливия развернула свой ноутбук на столе, сидя в одном из кресел для гостей.

— Мы разберемся с этим. Теперь, когда мы закончили расставлять мебель, я могу снова вернуться в режим поиска.

— Я захватил с собой ноутбук, — сообщил Кемп. — Если мне разрешат занять стол, я смогу помочь с поисками несколько часов.

— Можешь воспользоваться моим, — предложила я, вставая. — Я отправляюсь к Бернадетт. Я не принимала душ с тех пор, как вчера плавала в бассейне Остина. Меня тошнит от запаха хлорки.

Я протянула ладонь Ноа, и кивнула на свою сумочку, которая все еще висела у него на плече.

Ноа посмотрел вниз и ухмыльнулся, передавая мне сумочку. Я достала свой телефон, взглянув на дисплей. У меня были десятки текстовых и голосовых сообщений. Полагаю, большинство из них содержали угрозы или предупреждения от моих ненавистников.

— Не подбросишь меня до мамы? — спросил Ноа, вставая и доставая мои ключи из переднего кармана. — Я приехал сюда на твоей машине.

— Конечно, — ответила я, передавая ему свой телефон в обмен на ключи. — Если только ты по дороге разберешься с этим безобразием. Мне сейчас совсем не хочется слушать и читать, что обо мне думают окружающие.

Ноа посмотрел на телефон и нахмурился.

К тому времени, когда я отвезла Ноа к дому его матери, он удалил все неприятные текстовые сообщения и прочитал вслух те, в которых выражалась поддержка. Сообщения голосовой почты все еще требовали проверки, но я сказала ему, что разберусь с ними позже.

По дороге к Бернадетт я обдумывала всю информацию, которую на меня вывалили. Вся моя жизнь представлялась сплошным обманом. Все, что я знала о своей семье, теперь стояло под большим жирным знаком вопроса.

Подъехав к дому, я с удивлением обнаружила, как Санни и Тауни вырывают сорняки на запущенных клумбах. Я вылезла из машины, подняв руку, чтобы заслонить солнечные блики.

— Вам не нужно этого делать.

— Нам было чем заняться, — ответила Санни, пожав плечами. — Я не хотела заходить в дом без разрешения, поэтому мы убивали время, дожидаясь твоего возвращения.

Я взяла в руки свой телефон.

— Меня арестовали вчера, так что еще не было времени прослушать сообщения голосовой почты. Странно, что Джеки не сказала тебе, что я в тюрьме.

— Мы оставили ей сообщение всего десять минут назад. Мы здесь не так давно. — Санни замаялась, обменявшись нервным взглядом с Тауни. — Ты в порядке? Мы можем что-нибудь сделать?

— Все хорошо. Мне просто нужен душ, — ответила я, ведя их к двери.

Перейдя через комнату и шагнув через панельный вход на другую сторону, я остановилась, почувствовав, что там кто-то был. Тауни напряженно замерла рядом со мной.

Санни, ничего не почувствовав, врезалась в нас.

— Ой, извините.

— Здесь кто-то был, — отметила Тауни.

— Оставайтесь у двери, — велела я, проходя дальше в комнату. — Я осмотрюсь.

— Ни за что, — возразила Тауни, подбегая. — Мы пойдем вместе.

Когда мы обходили комнату, я направила свою энергию в пространство. В воздухе что-то витало. Как и накануне, это походило на дуновение энергии. Сильнее всего она ощущалась возле стола, но там никого не было. Более того, на столе вообще ничего не оказалось.

Я повернулась и посмотрела через всю комнату на стол Бернадетт. Ее ноутбук исчез. Я повернулась по кругу, но нигде не увидела ни своего блокнота, ни семейной книги Куэйдов, ни ноутбука Бернадетт.

— Пропали мои документы и семейная книга.

Я достала свой телефон и позвонила Оливии. Она сообщила что у нее нет ни одного из пропавших предметов. Затем я набрала Стоуна и спросила, обыскивала ли полиция дом Бернадетт. После того как он ответил, что нет, я объяснила какие вещи пропали. Стоун пообещал послать Айзека осмотреть дом.

Отключившись, я оставила телефон в руке, готовая вызвать помощь, пока поднималась по лестнице. За мной следовали Тауни и Санни. На втором этаже ощущалась та же самая энергия, но по мере продвижения по коридору она становилась все сильнее. Я прошла мимо их комнаты в свою, когда они скрылись в гостевой спальне.

Я огляделась, но не увидела и не почувствовала ничего необычного.

Когда я вернулась в коридор, Тауни вышла обратно, уставившись на декоративный нож в своих руках.

— Он лежал у меня под подушкой.

Я узнала нож. Подобный нож был в руках моего отца.

Санни стояла за спиной Тауни, готовая броситься наутек.

— Положи нож на пол, Тауни, — велела я ей. — Санни, собери остальные вещи. Вы переезжаете в гостиницу. Здесь небезопасно.

Тауни опустила нож на пол.

— Зачем кому-то понадобилось засовывать нож мне под подушку?

— Я не знаю, но Айзек уже едет. Он может упаковать нож и проверить его на отпечатки пальцев.

После того как Санни уложила все вещи в сумку, мы вернулись на первый этаж и вышли на крыльцо. Я пригласила дрожащую Тауни сесть рядом со мной на ступеньки крыльца.

— Ты должна поехать с нами в гостиницу, — заявила Санни, сидя на две ступеньки выше нас. — Я заплачу за твою комнату.

— Я ценю твое предложение, но мне кажется, что тот, кто оставил нож, хотел напугать Тауни. Ей будет спокойнее, если меня не будет рядом.

Я посмотрела в сторону дороги и услышала звук приближающейся машины. К дому подъехал полицейский внедорожник и припарковался рядом с моим грузовиком. Айзек вышел из автомобиля и подошел к нам.

— Как быстро, — удивилась я.

— Я был на той дороге, — объяснил Айзек, повернувшись к Пайпер-роуд. — Допрашивал одного из соседей. Что случилось?

После того как мы рассказали о пропавших вещах и ноже в комнате Тауни, Айзек с обеспокоенным выражением лица оглядел дом, почесывая затылок.

— Я звоню Стоуну. Нож превращает это дело в серьезную проблему.

Стоун велел Айзеку не входить в дом, и мы все сидели в тишине и ждали. Не прошло и пяти минут, как мы услышали, как по изрытой колеями подъездной дорожке мчится машина, вздымая клубы пыли, которые пробивались сквозь верхушки деревьев.

За последним поворотом дороги показался джип Остина с Оливией за рулем. Кемп с паническим выражением лица сидел на пассажирском сиденье, вцепившись в приборную панель. Оливия выкрутила руль, нажав на тормоз. Мы все подняли руки и отвернули лица, когда облако пыли покатило в нашу сторону.

— Прошу прощения за это! — крикнула Оливия, выпрыгивая из машины. — Джип справляется с выбоинами гораздо лучше, чем «Хонда» Фрэнсиса.

— Скажи это тому механику, который в итоге будет чинить стойки на джипе, — помахал рукой Айзек в сторону поднявшейся пыли. — Я должен выписать тебе штраф.

— Давай, — широко улыбнулась Оливия, присев на нижнюю ступеньку крыльца. — Это частная дорога. Брейдон добьется, чтобы штраф аннулировали.

— Я больше никогда не поеду с тобой, женщина, — объявил Кемп, вылезая из джипа.

— Да, и я так говорила не раз за эти годы, — сообщила я ему с улыбкой.

После объяснения Кемпу и Оливии, почему мы печемся на полуденном солнце, они сели на крыльцо, чтобы подождать вместе с нами.

Уже через несколько минут Оливия начала жаловаться.

— Я не могу этого вынести. Я сейчас растаю.

— Ты же ничего не видела, — заметил Айзек. — По-моему, было бы правильно, если бы ты ушла.

— Я не оставлю Давину наедине с полицией. И чтоб ты знал, я написала Брейдону. Он уже в пути. Он не хочет, чтобы она отвечала на вопросы, до его приезда.

— Мне не нужен Брейдон, — заявила я. — На этот раз у меня есть алиби. Я находилась в тюрьме, когда кто-то вломился в дом.

— Не помешает, если он будет здесь, — твердо сказала Оливия.

— Ты уверена? Потому что я уже задолжала Брейдону кучу баллов. Скоро мне придется выдать несколько твоих самых постыдных секретов. Как думаешь, чем мне стоит поделиться с ним в следующий раз?

Оливия надулась, посмотрев вниз на свои туфли, затем просветлела.

— Скажи ему, что я украла наш стол. Он все равно скоро догадается.

— Это, возможно, один балл. Что еще у тебя есть?

Айзек начал хихикать.

— Ты можешь рассказать ему, что Остин ищет Оливию, пытаюсь вернуть свой джип. Остин рассказал, что одолжил джип ей на день, но теперь она игнорирует его звонки.

— Ты говорил с Остином? — спросила я. — Он сказал что-нибудь о субботнем вечере?

— Я прямо заявил Остину, что ты знаешь о его вранье, и он признался. Он не видел, как уходила Бернадетт, но когда вместе с офицером Гейблом проверял подъездную дорожку, Шелли Брайт загнала его в угол и разыграла роль «девушки, попавшей в беду». Он провел ее в дом, а затем осмотрел задний дворик в поисках посторонних.

Я сморщила нос, вспоминая увиденное. Остин и Шелли смеялись, стоя близко друг к другу. Остин так и не сказал всей правды.

— Да, — кивнул Айзек, изучая мое лицо. — У меня такое же чувство. — Он выразительно показал пальцем на мое лицо. — Как будто я услышал какую-то полуправду. Но если тебе станет легче, думаю, та часть, где речь шла о том, что он не видел Бернадетт, правда.

— Вы двое не знаете, о чем говорите, — высказалась Оливия. — Остин терпеть не может Шелли. И он знает, я надеру ему задницу, если он будет с ней встречаться.

— Тогда почему она вчера пришла к его родителям с визитом? — спросила я.

Оливия посмотрела на меня через плечо, сузив глаза.

— Нет...

— Да...

Оливия достала телефон и написала кому-то сообщение.

— Ты же не пишешь Остину? — поинтересовалась я.

— Нет. Я пишу своей маме. Она возвращается в тех же кругах, что и родители Остина. Она разберется в этом. Если Остин встречается с Шелли, то, — Оливия провела рукой по шее, — ему конец.

Тауни и Санни захихикали, прикрыв рты.

Айзек наклонился ближе ко мне и сказал негромко.

— Иногда я думаю, не состоит ли Оливия в мафии. Может, нам стоит проверить ее алиби?

Я взглянула на Айзека сбоку, ухмыляясь.

— Я слышу, кто-то едет, — сказала Санни.

Услышав звук приближающейся машины, мы все встали. Оливия отошла в сторону,

продолжая переписываться, пока не зазвонил ее телефон. Она ответила на звонок, а затем начала болтать с матерью.

Я не обращала внимания на Оливию. Вместо этого я наблюдала за тем, как Стоун припарковался перед домом, а рядом с ним остановился белый фургон. После краткого рассказа Айзек, Стоун и криминалист прошли внутрь, велев остальным снова ждать.

Я посмотрела на сарай, вспомнив, как прохладно внутри.

— Пойдемте, — сказала я, направляясь в ту сторону. — Я напишу Айзеку, что мы будем ждать в сарае, пока они не закончат.

— Меня не надо даже уговаривать, — проворчала Санни, вытирая рукавом футболки пот со лба.

От нечего делать мы пошарили внутри прохладного сарая, заглядывая в шкафы и осматривая другие автомобили, стоявшие в помещении. Оливия последовала за нами, закончив разговор с матерью. Она хитро ухмылялась, но я не стала спрашивать ее про звонок. Не сомневалась, потом она сама расскажет о планах, которые они с матерью придумали.

В одном из стенных шкафов я обнаружила руководство по обслуживанию своего грузовика. Отложила его в сторону, чтобы взять с собой. Следующий шкаф оказался забит уличными играми, включая оригинальные дротики для двора с металлическим наконечником, которые, если мне не изменяет память, запретили продавать из-за большого количества травм.

— О, да, черт возьми! — Оливия протянула руку, чтобы взять коробку, и направилась к двери.

— Но там же жарко, — простонала я, все еще стоя перед шкафом.

— Ты просто боишься, что я тебя обыграю, — фыркнула Оливия.

Санни и Тауни переглянулись и последовали за Оливией. Я взглянула на Кемпа, но он только пожал плечами и тоже вышел. Оглядев сарай, я не увидела ничего, что могло бы меня увлечь, и вышла к остальным. Они как раз занимались расстановкой колец на траве во дворе.

— Итак, каждый делает три пробных броска, — скомандовала Оливия. — Кто справится хуже всех, тот выбывает из первого раунда, так что у нас получатся равные команды по два человека.

Ее решение прозвучало не очень по-спортивному, но меня это не удивило. Оливия любила соревноваться. Я стояла в стороне и наблюдала, как все начинают выстраиваться в шеренгу. Но когда Оливия передала мне один из дротиков, меня потянуло в мир моих видений.

Французские двери оказались прямо передо мной. По ту сторону стеклянных стекол я увидела двух маленьких девочек, может быть, пяти или шести лет. Обе девочки стояли спиной ко мне, поэтому я не могла видеть их лиц. Пройдя вперед, я открыла дверь и вошла в видение, чтобы рассмотреть их поближе.

Одна девочка сидела в траве и играла с куклой. Она изображала танец куклы на земле и пела.

Другая девочка держала в руках дротик, стоя примерно в десяти футах от первой возле одной из мишеней в виде кольца. Еще два дротика лежали в траве возле ее ног. Она топнула ногой, глядя на девочку с куклой.

«Пора играть».

Девочка с куклой не слышала ее, погрузившись в свой воображаемый мир, где продолжала петь.

В порыве гнева девочка, стоявшая у кольца-мишени, метнула дротик с металлическим наконечником в девочку с куклой. Дротик пролетел под углом вниз и вонзился в бедро увлекшейся девочки.

Я закричала, как и девочка с куклой. Не желая больше ничего видеть, выскочила обратно в свои двери и захлопнула их. Закрыв двери на замок, я открыла глаза и уставилась на дротик в своей руке. И тут же отбросила его, как горячую картофелину.

Отступила на несколько шагов, стараясь держаться подальше от опасного предмета. Когда я подняла голову, все уставились на меня.

Тауни посмотрела на дротики, которые держала Санни, и тоже отошла. Санни окинула нас взглядом и бросила дротики на землю. Оливия надулась и закинула оставшиеся дротики обратно в коробку.

— Что происходит? — спросил Кемп, изучая нас.

— У дротиков плохая энергия, — с протяжным вздохом сказала Оливия, собирая игру.

После того как Оливия уложила все обратно в коробку, она с поникшими плечами пошла с ней к сараю. Остальные уселись под тенью большого клена и снова заскучили.

Когда Стоун, Айзек и криминалист наконец вышли из дома, криминалист вернулся к своему фургону, а Стоун и Айзек направились к нашему месту под деревом.

— Ну что? — спросила я, когда они оказались достаточно близко, чтобы слышать.

— На ноже нет отпечатков, кроме тех, что, похоже, принадлежат Тауни, — отозвался Стоун. — Но нож такой же. Я бы поставил на это годовую зарплату.

— Согласна, — пробурчала я. — Такая же странная рукоятка.

Стоун с застывшим лицом уставился в землю.

— Думаю, будет лучше, если ты пока поживешь где-нибудь в другом месте.

— И где же это? В гостинице? Подвергать опасности Тауни? А может, в доме Оливии, где я подставлю под удар ее семью? — Я рассмеялась, но смех прозвучал безумно, даже для меня. — О, я знаю. Я могу остаться в доме, который обмотан полицейской лентой!

— Давина все-таки сорвалась, — прокомментировала Оливия, возвращаясь к нам.

— Я не сорвалась! — Поднялась с травы, упираясь руками в бедра. — Я просто безумно устала бояться! Быть пешкой в игре, правил которой я не знаю! И я скажу вам, что мне еще надоело... вся эта чертова ложь!

Я попятилась. Понимала, что выгляжу как сумасшедшая, но мне было наплевать.

— Мой отец, моя тетья, мой двоюродный брат... Ложь, ложь, ложь. Меня тошнит от них. Клянусь, вся моя семья сошла с ума. И вот еще что я вам скажу: я устала вонять хлоркой! Все, что хочу, это принять душ. Неужели я слишком много желаю?

Все, кроме Тауни, смотрели на мою истерику с расширенными глазами.

Тауни почувствовала, что я просто выпускаю пар, и улыбнулась.

— Тебе лучше?

Я дернула головой.

— Думаю, да. Немного. Но я совершенно серьезно настроена вымыться. — Я уставилась на землю, пытаясь сосредоточиться на своих мыслях. — Айзек, ты можешь проводить Санни и Тауни до гостиницы?

— Конечно, — усмехнулся Айзек.

— Спасибо. Оливия, позвони Брейдону и сообщи, что его услуги не требуются, а потом расскажи Стоуну, что ты узнала о компании «Чёрная Кровь».

— Поняла, — сказала Оливия.

— Тогда все могут быть свободны.

— Ты не хочешь, чтобы я осталась? — спросила Оливия.

— Нет. Я в порядке. У меня есть ружье Бернадетт. — Я направились к дому, не оглядываясь. Конечно, я прекрасно знала, что веду себя грубо, но мне было все равно. Во-первых, мне нужно немного отдохнуть, чтобы подумать. А во-вторых, казалось, что все будут в большей безопасности, если станут держаться от меня подальше, особенно Оливия.

Вернувшись в дом, я защелкнула крючок на двери и достала из шкафа ружье Бернадетт. Наверху я проверила и заперла все двери, после чего закрылась в ванной. Прислонив дробовик к стене, я включила душ.

Положив телефон на стойку в ванной, я быстро переключилась на голосовую почту. Прослушивая сообщения, я разделась. Большинство из них оказались либо звонками, либо сообщениями с угрозами. Один звонок был из стоматологического кабинета с напоминанием, что на следующей неделе мне предстоит чистка. Еще один звонок был от Санни, о том, что они вернулись в дом Бернадетт.

Зайдя в душ, я прослушала еще два неприятных сообщения, смывая хлорку с кожи и добавляя шампунь в волосы. Следующее сообщение пришло из офиса судмедэксперта, в котором говорилось, что тело моего отца готово к выдаче. После этого последовало сообщение из похоронного бюро. Им тоже позвонили из судмедэкспертизы, и они согласовали время передачи тела моего отца.

К тому времени, когда я смыла кондиционер с волос, телефон объявил «конец сообщениям» и прекратил воспроизведение. Я вздохнула, расслабив мышцы, когда горячая вода попала мне на спину между лопатками. Затем телефон зазвонил снова.

Выругавшись, я выключила воду и завернулась в полотенце. Выйдя из ванны, склонилась над ковриком, чтобы посмотреть на дисплей телефона. Стоун.

Я нажала на кнопку ответа, включив громкую связь.

— Да? — проговорила я, вытираясь.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил Стоун. В его голосе слышалась улыбка.

— Да, пока ты не позвонил и не прервал мой душ.

Стоун рассмеялся в трубку.

— Я не успел сказать во время твоей истерики, что твой дом свободен. Ты можешь приходить и уходить в любое время. Я сейчас еду туда, чтобы снять ленту.

— О, — промолвила я, заворачивая волосы в полотенце. — Наверное, это хорошо. — Я посмотрела на себя в зеркало, потянулась и выключила вентилятор в ванной.

— Что-то случилось? — спросил Стоун.

— Ну, просто я наконец-то чистая, — простонала я. — Все, что я хотела, это принять душ, а теперь мне придется оттирать кровь с пола?

— Ты можешь нанять кого-нибудь для этого. Может быть, я найду специалиста, который сделает тебе скидку.

— Нет. Даже со скидкой я не могу позволить себе платить кому-то. Лучше позабочусь об этом сама.

— Хорошо. Я сейчас подъеду к твоему дому. До встречи.

— Да, увидимся, — согласилась я, прежде чем коснуться красного значка телефона.

Я понажимала еще несколько кнопок, вернувшись к экрану голосовой почты. Удалив все сообщения, я нажала кнопку «Назад», чтобы вернуться на главный экран. Только, наверное, я слишком много раз успела щелкнуть по значку «назад», потому что перешла в фотогалерею.

Я уже собиралась закрыть экран, как вдруг заметила фотографии документов, которые вчера отправила Оливии. Увидев их, я вспомнила фотографии семейного древа, размещенные в «Леджере Куэйдов».

Я пролистала снимки и нашла семейное древо. Увеличив изображение, я навела курсор на ветвь Перл. Как я и запомнила, там значилось, что она умерла при родах.

Я уже хотела выйти из фотогалереи, как вдруг заметила свое имя на семейном древе. Я замерла и резко вдохнула, глядя на инициалы Л.Д. в скобках после моего имени.

Сердце заколотилось, когда кусочки головоломки сложились в единое целое.

Ланс Додд. Ланс Додд был моим отцом.

Когда подъехала к дому Ланса, я уже чувствовала себя настолько разъяренной, что даже не была уверена, смогу ли говорить. Я несколько раз просигналила, прежде чем вылезти из машины. Ланс вышел на крыльцо, изучая меня, пока спускался по ступенькам крыльца. На его лице застыла вина.

— Ты знаешь.

Я наставила на него палец, по лицу текли слезы.

— Как ты мог мне лгать? Я доверяла тебе.

Ланс молчал, продолжая наблюдать за мной.

— Как ты мог так меня предать? — спросила я, расхаживая взад-вперед. — Я думала, тебе не все равно.

— Мне не все равно. Seriously. Поэтому я и держал рот на замке.

— Ложь! — рявкнула я. — Мне так надоела эта ложь!

— Я знаю, что ты чувствуешь себя преданной, но если дашь мне минуту, чтобы объяснить...

— Зачем? Чтобы еще больше наврать?

— Нет. С меня хватит лжи.

— Почему я должна тебе верить? Кто еще знал? Миссис Полсон? Мой отец? Бернадетт?

Ланс вздрогнул, когда я упомянула Бернадетт. Я вдруг вспомнила тот день, когда мой отец напал на нее. После того как отца усыпили, я застала Ланса и Бернадетт за спором в спальне отца. Бернадетт сказала Лансу, что я заслуживаю знать правду.

— Бернадетт знала, — поняла я. — Она знала, что ты мой отец. И она не сказала мне об этом.

— Это не ее собачье дело, но да, она догадалась об этом на прошлой неделе. Но если тебе нужно злиться, злись на меня. В конце концов, это я не защитил тебя, когда твой отец заболел. Я тот, кто оставил тебя разбираться с ним в одиночку.

Я вскинула голову, услышав дрожь в голосе Ланса. Я наблюдала за тем, как он борется со своими эмоциями. Отступив назад, я прислонилась к решетке радиатора грузовика и вздохнула, чувствуя, как утихает мой гнев.

— Я бы не бросила его. Мне жаль, что ты не сказал правду, но это ничего бы не изменило. Фрэнсис был моим отцом. Мне все равно, что говорит экспертиза ДНК, Фрэнсис всегда будет моим отцом.

— Я знаю это, — серьезно сказал Ланс, медленно подходя ко мне. — Вот почему я не говорил тебе — никому не говорил. Я все надеялся, что он поправится и станет тем же отцом, каким был раньше. Но потом, когда проходило все больше и больше времени... чувство вины... ну, через какое-то время оно стало слишком большим, чтобы переступить через него. Слишком большим, чтобы смотреть тебе в глаза.

— Не за что чувствовать себя виноватым. Я бы не бросила его ни в двенадцать, ни через пять лет, ни через пять лет после этого. В семье принято заботиться о близких.

Ланс шагнул ко мне и повернулся, чтобы прислониться к грузовику.

— Как ты узнала?

— Вскрытие. Они сравнили наши ДНК.

— Почему?

— Они сравнили ДНК Фрэнсиса и мою ДНК с ДНК жертв в озере. Потом, когда результаты показались странными, они сравнили ДНК Фрэнсиса с моей.

— Что значит, когда результаты показались странными?

— Один из трупов оказался родственником мне, но не Фрэнсису. Поэтому они хотели убедиться, что мы кровные родственники.

— Труп... Это была Райна?

Я покачала головой.

— Старше. Женщина была примерно твоего возраста, но она умерла много лет назад. Мы думаем, что это могла быть Перл Куэйд.

— Перл? — воскликнул Ланс с расширенными глазами, протягивая руку и хватая меня за предплечье.

Прикосновение Ланса вызвало в моем сознании целый поток образов. Я увидела Ланса подростком, танцующим с девочкой-подростком. Они кружились в поле и, закончив песню, упали в высокую траву. Они смотрели друг на друга сквозь травинки, разделяя глубокий многозначительный взгляд. Они были счастливы. Влюблены.

Картинки развеялись, когда Ланс убрал руку и отошел на добрых три шага.

— Извини. Я знаю, что прикосновения к тебе иногда приводят к разным последствиям.

— Это была Перл? Ты любил ее? — спросила я, смутившись.

На лице Ланса отразилась грусть, он отвел взгляд и прошептал:

— Да.

— Тогда почему? Почему Перл сбежала после окончания школы? Почему у тебя был роман с сестрой Перл?

— Это сложно.

— Тогда объясни проще. Я уже большая девочка. Я справлюсь.

Ланс кивнул в сторону двора, где под тенистым деревом стоял стол для пикника. Я пошла за Лансом и села напротив него за стол.

— Мы с Перл дружили в школе. Практически каждую свободную минуту проводили вместе. Поэтому ее младшая сестра, твоя мама Эмбер, частенько оказывалась рядом.

— Но мама встречалась с папой, верно?

— Да, время от времени. Примерно раз в неделю они сильно ссорились и расходились. Но они всегда мирились и снова сходились. — Ланс посмотрел на кукурузное поле. Я понимала, что он вспоминает прошлое.

— Почему вы с Перл расстались?

— Я сгупил. До сих пор не могу понять, что произошло. Я ехал на встречу с Перл, когда заметил Эмбер, идущую домой. Я остановился, чтобы предложить ее подвезти. Ну а потом мы переспали. После этого мне было так стыдно, что я сразу же пошел к Перл и признался. Но сколько бы я ни извинялся, Перл так и не простила меня.

— И она сбежала...

— Да. В день окончания школы она уехала из города. Много лет спустя я встретил Линетт и ее сына Эрика. Не знаю точно, кто из них первым украл мое сердце. Мы поженились. Мы были счастливы.

Я почувствовала, как во мне поднимается новая волна гнева.

— А потом ты снова изменил. У тебя начался роман с моей мамой. Ты ее тоже любил или это был просто секс?

— Нет, — с отвращением ответил Ланс. — Я точно не любил твою маму. Совсем нет. Я

любил трех женщин в своей жизни, двух в романтическом смысле — Перл и Линетт. Третьей женщиной в моей жизни была ты.

— Тогда что произошло?

— Хотел бы я знать. Однажды днем я помогал твоему отцу в гараже, когда ему понадобилось зайти в дом за чем-то. Пришла Эмбер, и я не знаю... — Ланс снова покачал головой, глядя на кукурузное поле. — Я как будто попал под ее чары. — Он пожал плечами. — После этого я сбежал оттуда. Я не мог вынести мысли о встрече с Фрэнсисом. А что касается Линетт, то я не мог ей сказать. Не мог потерять ее и Эрика, как потерял Перл.

Я не знала, верить ли ему, но в то же время мне было жаль Ланса.

— Когда ты понял, что я твоя дочь?

— Когда Эмбер была беременна, она неудачно пошутила о том, что залетела в гараже. Она произнесла это в присутствии Фрэнсиса и Линетт. — Ланс потер живот, как будто его тошнило.

— Вы продолжали общаться вчетвером?

— Только когда Фрэнсис настаивал. Ни Линетт, ни мне не нравилось находиться рядом с Эмбер, поэтому мы избегали ее, когда это было возможно. Но Фрэнсис был моим лучшим другом.

— Но ведь он знал? Он догадался?

— Думаю, да, но мы никогда не говорили об этом. Я помню, как Фрэнсис наблюдал за нами, изучал нас двоих, когда ты была маленькой. Ты играла с куклой, тебе было года три или четыре.

— Он разозлился?

— Нет, — проговорил Ланс, оглядываясь на меня. — Я не могу этого объяснить, но он даже не выглядел удивленным. Ты побежала к нему, называя папочкой, и его лицо осветилось чистой радостью.

Слеза скатилась по моей щеке, когда я вспомнила об отце.

Мы оба долго молчали, погружившись в свои мысли.

Глядя через поле, я заметила, что солнце начинает садиться. Тогда я встала, перешагнув через скамейку.

— Я, пожалуй, пойду. Мой дом сегодня объявили свободным. Если я затяну с уборкой, то могу вообще решить никогда не возвращаться.

— Нужна помощь? — спросил Ланс, поднимаясь, чтобы проводить меня.

— Нет, но если ты не против, не мог бы заехать в полицейский участок? Им нужен образец ДНК. Необходимо выяснить, является ли женщина, которую нашли в озере, твоей родственницей или родственницей Бернадетт. Твоя ДНК поможет сузить список.

— Ты сказала, что тело может принадлежать Перл, но она умерла много лет назад.

Я исчерпала свой лимит разговоров о прошлом на сегодня, но мне не хотелось нагромождать новые тайны на старые.

— Когда Перл покинула Дейбрик-Фоллс, она была беременна. Она родила через шесть месяцев.

— Я слышал, — произнес Ланс, глядя в землю. — Эмбер рассказала мне. Они оба умерли при родах.

— Нет, не умерли.

Ланс поднял голову.

— Свидетельства о смерти поддельные. Оливия все еще работает над этим, но ей

удалось отследить мальчика до тех пор, пока он не бросил старшую школу.

Ланс провел рукой по губам, заметно побледнев.

— Я не знал. Если бы я знал... я бы... я бы...

— Понимаю, — сказала я, положив руку на предплечье Ланса. — Ты совершил несколько ошибок, но ты хороший человек, Ланс.

Ланс ничего не ответил, глядя на поле.

Я оставила Ланса наедине с его мыслями и забралась в свой грузовик.

Я остановилась у подъездной дорожки, заглушила машину, но осталась сидеть, уставившись на входную дверь. Заходить внутрь не было совсем никакого желания. Я не хотела видеть кровь отца на полу. Только не снова. Я вообще не хотела видеть этот дом. В нем слишком много плохих воспоминаний.

Открыв дверь грузовика, я выбралась наружу.

— Чем быстрее сделаю, тем быстрее оставлю все в прошлом, — сказала я себе.

Ноа вышел из дома своей матери и направился бегом через двор ко мне.

— Дом освободили?

— Да. Я решила побыстрее с этим покончить.

Лицо Ноа скривилось, когда он посмотрел на входную дверь.

— Скажи мне, что делать, и я все улажу.

— Я ценю твое предложение, но справлюсь сама. — Я похлопала его по руке, прежде чем подняться по ступенькам крыльца.

Я услышала, как Ноа недовольно пробормотал что-то себе под нос, пока пересекала крыльцо и отпирала дверь. Изучив испачканный пол, я достала из грузовика свои принадлежности и начала уборку.

На удаление пятна с ламинированного деревянного пола ушло около десяти минут, а затем еще двадцать минут на то, чтобы отмыть пол. Я встала, вытирая пот со лба.

Услышав шум за спиной, выглянула в открытую дверь и увидела, что на крыльце стоят Ноа, миссис Полсон, Ланс, Оливия, Брейдон, Айзек, Остин, парни Дональдсон с другой стороны улицы, их отец и даже Стоун.

— Мы пришли помочь, — объявила Оливия, выступив вперед в качестве представителя. — Говори, что тебе нужно.

Я оглядела гостиную, на глаза навернулись слезы, поскольку взору предстала устаревшая мебель и пожелтевшие картины на стенах. Я оглянулась на Оливию и остальных.

— Вся моя жизнь в этом доме — одна трагедия за другой. — Я смахнула слезы тыльной стороной ладони. — Я так больше не могу. Не могу и дальше смотреть на него. Гостиная, где мой отец скончался, смотря телевизор. — Я указала в сторону коридора. — Комната моей мертвой сестры. Кровать, на которой покончила с собой моя мама.

Оливия подошла и взяла меня за руку.

— Хорошо, хорошо. Мы освободим комнаты. Я арендую склад.

— Нет, — возразила я, качая головой. — Нет, Оливия, только не склад. Я хочу, чтобы все исчезло. Сожги, продай, выкинь на свалку, мне все равно. Только не заставляй меня больше смотреть на эти вещи.

Оливия кивнула, вытирая собственные слезы.

— Конечно. Мы можем это сделать.

— Я разберусь на кухне, — заявила миссис Полсон. — Айзек поможет мне снять замки со шкафов на задней стенке. Я снова сделаю кухню уютной.

— А мы вытащим ковер из гостиной, — решил Ноа.

— В гараже должно быть полно ламината, — сказал Ланс. — Твой отец купил столько, что хватило бы на весь дом, но так и не собрался заняться обустройством.

— Я могу помочь с этим, — предложил Остин. — А у меня дома есть дюжина банок

краски. Мы нанесем свежий слой на стены и освежим их.

— Мы с ребятами организуем настоящую дворовую распродажу, — объявил Джаред Дональдсон, обнимая своих сыновей за плечи. — И у нас есть трейлер, который мы можем загрузить всем, что нужно вывезти на свалку.

— Я упакую личные вещи, — добавила Оливия. — Одежду передам на благотворительность, а все остальное можно пока сложить в коробки и убрать на чердак. Потом, когда ты будешь готова, мы разберемся со всем вместе, хорошо?

Я кивнула, не в силах говорить.

Оливия повернулась ко всем остальным.

— Ладно, давайте начнем веселье. Световой день на исходе. — Она двинулась мимо меня по коридору.

Я зашла на кухню, взяла коробку с мусорными пакетами и последовала за ней в комнату родителей. Я наблюдала за Оливией, пока она открывала дверцы шкафа.

— Я должна тебе кое-что рассказать, пока об этом не поползли слухи.

Оливия забрала у меня коробку с мусорными пакетами, бросив ее на пол. Она спокойно стояла и ждала, когда я буду готова.

— Я узнала, что Ланс Додд — мой биологический отец. У него был роман с моей матерью.

Оливия шагнула ко мне и взяла мою руку.

— Ты в порядке?

Я оглядела комнату и покачала головой.

— Мне кажется, что всего этого слишком много. Слишком много навалилось на меня сразу. Но я поговорила с Лансом и чувствую себя лучше, чем раньше. Фрэнсис был моим отцом. Мы оба согласны с этим.

Оливия обняла меня, прежде чем отступить. Я наблюдала, как меняется выражение ее лица с обеспокоенного на задумчивое, а затем и вовсе на ее лице появилась медленная, лукавая ухмылка.

— Знаешь, может быть, это не так уж и плохо. Если говорить о генетике, то могло быть и хуже. Я имею в виду, что Ланс — здоровый симпатичный мужчина, и с хорошим чувством юмора. — Оливия кивнула сама себе, как будто все еще взвешивая все «за» и «против». — Да, я считаю, что тебе повезло.

Я засмеялась, забавляясь тем, как работает мозг Оливии.

— Рада, что ты одобряешь. — Я оглядела комнату, и моя минутная веселость улетучилась. — Я не могу здесь находиться. Это нормально?

— Иди. Займись чем-нибудь. Я справлюсь.

Я взяла несколько мусорных пакетов и вышла из комнаты, когда мальчики Дональдсон вошли в спальню моих родителей, неся пустые коробки. Я прошла в ванную комнату, расположенную в коридоре. Открыв мусорный пакет, я наполнила его личными вещами. Все, что можно продать — от полотенец до туалетной полки, — отправилось в коридор для распродажи. К тому времени, когда я закончила, в комнате не осталось ничего, кроме картин на стенах. Я вытащила мешок с хламом в коридор, где Дэйви Дональдсон прихватил его, проходя мимо.

Коробка с именем моей матери стояла на полу рядом с опускающейся лестницей на чердак. Я отправилась в свою комнату, взяла деревянную шкатулку и книгу рецептов и понесла их к картонной коробке. Шкатулка перевернулась на бок, и ее содержимое

высыпалось на пол.

Оливия подошла ко мне, чтобы помочь все собрать. Она взяла в руки брошь, изучая ее.

— Еще один лунный камень?

Я посмотрела на брошь, затем на кольцо и ожерелье.

— Похоже, все они с лунными камнями. — Я закатила глаза и бросила их обратно в деревянную шкатулку.

Украшения сдвинулись в один угол, откинув нижнюю панель вверх. Странно, подумала я, переверачивая шкатулку и тряся ее. Фальшивое дно выпало, и я устояла на лежащие на полу передо мной стодолларовые купюры.

Оливия схватила деньги и вложила их мне в руку.

— Поторопись. Спрячь деньги, пока никто не увидел. Формально это часть наследства.

— О, черт, — выругалась я, глядя в коридор. — Я даже не подумала о завещании. У меня не будет неприятностей из-за того, что я избавляюсь от мебели?

— Все в порядке. Брейдон все фотографирует. Он сказал, что все такое старое, что судье будет наплевать. Но деньги спрячь.

Я стала судорожно запихивать деньги в лифчик.

— Как думаешь, сколько здесь? — спросила я.

Оливия изучала мою грудь.

— Примерно на второй размер.

Я посмотрела вниз и увидела, что одна грудь теперь в два раза больше другой. Я переложила половину денег к другой груди, выравнивая их.

— Лучше?

Оливия бросила безделушки в шкатулку.

— Без комментариев.

— Где мальчики? Ты нашла няню? — спросила я Оливию.

— Нет, — отозвалась подруга, глядя на меня. — Учитывая все происходящее, мы с Брейдоном решили, что остаток недели они проведут с его мамой.

— Оливия...

— Нет, это хорошо для них. Они любят гостить у своей бабушки Керри. Давина, перестань волноваться, — Оливия хлопнула меня по руке и положила шкатулку в картонную коробку.

Ноа подошел к нам, взял коробку и, поднявшись на несколько ступенек лестницы, засунул ее на чердак. Когда он сошел с лестницы, то повернулся ко мне.

— Я обнаружил в гараже хороший газовый гриль. Оставить или продать?

— Оставь, пожалуйста, — ответила я, с ухмылкой доставая из лифчика деньги и протягивая ему. — Можешь послать кого-нибудь в магазин? Купить гамбургеры и все такое? Позже мы можем устроить на заднем дворе посиделки, чтобы поблагодарить всех за помощь.

— Ты уверена? — спросил Ноа. — Это ж сколько ртов надо накормить.

Я указала на деньги в его руке.

— Эти деньги принадлежали моей матери. Думаю, после того, как нам пришлось убирать за ней, будет правильно, если мы потратим ее деньги на то, чтобы побаловать себя, согласен?

Ноа хихикнул, убирая деньги в карман.

— В таком случае я возьму еще и пива.

Когда Ноа направился к входной двери, я услышала жужжание. Я оглянулась, но не

могла понять, с какой стороны оно доносится. Низкий звук, не писклявый, как у электроники или старых светильников.

— Что случилось? — спросила Оливия.

— Ты это слышишь?

Оливия огляделась прислушиваясь.

— Я ничего не слышу.

— Может быть, у меня звенит в ушах, — решила я, пожав плечами.

Я отправилась в конец коридора, чтобы взять еще одну горсть мусорных пакетов. Войдя в комнату Райны, я начала вытряхивать ее одежду из комода.

Следующие несколько часов я держалась в стороне, позволяя всем принимать решения без меня. И по мере того, как каждая комната освобождалась, убиралась и красилась, я чувствовала, как уменьшается тяжесть, лежащая на мне годами. Дом, хоть теперь и состоял в основном из голых пустых комнат, казался совсем другим. Светлее. Легче.

Завершив порученное им дело, все потянулись на задний двор, где Ноа готовил гамбургеры и хот-доги.

Я все еще бродила из комнаты в комнату, то убирая, то перетаскивая что-то на продажу. Я сняла картину со стены в коридоре и понесла ее на улицу, чтобы отдать Дэйви Дональдсону для продажи. Уже собираясь вернуться в дом, я снова услышала жужжание. Было похоже, что оно находится в стене рядом с подъездной дорожкой, но это тоже казалось не совсем правильным.

— Все в порядке? — спросила миссис Полсон, подойдя и встав рядом со мной.

— Слышу кое-что, — ответила я, оглядываясь по сторонам. — Жужжащий звук.

— Я ничего не слышу, но мои уши уже не те, что раньше, — проворчала миссис Полсон. — Я пошла на улицу. Тебе надо передохнуть. Подышите свежим воздухом.

— Я скоро приду. Только сначала проверю гараж. — Я помахала всем рукой, направляясь к подъездной дорожке. Огибая угол дома, я остановилась, когда снова услышала жужжание. Я застыла, убедившись, что жужжание доносится откуда-то снаружи, а не изнутри. Я двинулась дальше по дорожке, ближе к гаражу, затем остановилась и снова прислушалась.

И вздрогнула, когда окно отцовской спальни открылось. Брейдон высунул голову наружу.

— Что ты делаешь?

— Ты слышишь этот шум? — спросила я.

— Нет, я ничего не слышу, но, черт, что там на гриле? Не стоило открывать окно.

Оливия подскочила к нам с пачкой денег и сунула ее мне в задний карман.

— Только что продала основную мебель. Осталось только несколько разных мелочей.

— А ты? — спросила я Оливию. — Ты слышишь этот гул?

Оливия огляделась, медленно поворачиваясь по кругу.

— Ничего не слышу.

Если никто больше не мог слышать этот шум, то, возможно, его не существовало вне моего сознания. Ничего не говоря, я уселась в центре подъездной дорожки, подобрала под себя ноги и закрыла глаза. Я не стала вызывать двери, потому что в этом не было необходимости. Я просто сосредоточилась на шуме, как в медитации.

Там. Я почувствовала его. Звук доносился из соседнего дома.

Я открыла глаза и посмотрела на Брейдона.

— Ты можешь позвать Айзека и Стоуна?

Брейдон выглядел растерянным, но, быстро исчез.

Я встала и обошла свой грузовик, ступая по траве к границе участка между моим домом и домом Ника Хурона.

Стоун и Айзек обошли дом спереди, затем двинулись к нам с Оливией во двор. Брейдон последовал за ними.

— Что случилось, дорогая? — спросил Айзек.

— Это прозвучит безумно, но я думаю, что Бернадетт находится в доме Ника Хурана. — Я посмотрела на Стоуна. — Помнишь тот день? Когда ты возил меня по окрестностям, чтобы мы могли проследить за тем странным статическим сигналом бедствия, который я получала?

Стоун оглянулся через плечо в сторону тротуара перед моим домом.

— Он привел нас сюда.

— Может быть, мой радар работал, но я перестала фокусироваться, когда мы подъехали к моему дому. Может быть, Бернадетт все это время находилась по соседству.

— Правда? — воскликнула Оливия, расширив глаза. — В доме Ника?

Стоун осмотрел дом от фундамента до пика крыши.

— Если ты что-то чувствуешь, это не значит, что мы можем обыскать дом.

— Но ничто не мешает нам постучать в дверь, — заметил Айзек, пересекая лужайку перед домом.

Стоун последовал за Айзеком. Брейдон, Оливия и я поспешили за ними.

Когда Айзек и Стоун поднялись на крыльцо, мы остальные во дворе. И наблюдали, как они несколько раз постучали, но никто не вышел к двери.

Оливия дернула меня за руку, поднеся палец к губам. Мы с Брейдоном переглянулись, но все равно пошли за ней. Она повела нас к подъездной дорожке Ника, а затем к боковой двери.

— У меня есть идея, — прошептала Оливия.

— Это законно? — прошептал в ответ Брейдон.

— Не совсем, — отозвалась Оливия, кивнув в сторону дома. — Тебе понадобится алиби на случай, если нас потом придется выручать.

— Тогда, о чем бы ты ни думала, просто перестань, — велел Брейдон.

Оливия бросила на меня косой взгляд.

— Насколько ты уверена, что Бернадетт внутри?

Я посмотрела на дом, мой взгляд переместился вверх, когда уловила энергию бабули.

— Она там, наверху. На чердаке. Я уверена на девяносто пять процентов.

Оливия снова посмотрела на мужа.

— Значит... Если мы взломаем дверь...

— Тебя посадят в тюрьму, — прервал ее Брейдон.

— Но будут ли в самом деле выдвигать обвинения, если мы найдем Бернадетт?

Брейдон посмотрел на дом, потом на меня.

— Мы можем соврать и сказать, что слышали, как Бернадетт кричала о помощи. Но если ее нет внутри...

— Она там, — твердо сказала я. — Уверена, Бернадетт там. Но если ошибаюсь, мы скажем всем, что у меня галлюцинации. Все равно все думают, что я сумасшедшая. Мы можем просто использовать это как оправдание.

Брейдон фыркнул.

— Вообще-то, это хорошая идея, учитывая последние события.

— Тогда иди к входу, — велела Оливия. — Давай двигай отсюда. — Оливия подняла камень с ландшафтного бордюра рядом с домом. Он был в два раза больше ее ладони.

Брейдон взглянул на камень, затем побежал к входу в дом.

— Подожди, — сказала я Оливии, когда она собиралась разбить стекло на двери.

Я открыла шпормовую дверь, затем попыталась повернуть ручку на двери с раздельными панелями. Она оказалась заперта. Верхняя часть двери была из травленого стекла, а нижняя — из цельного дерева. Я оглянулась на Оливию.

— У нас не будет много времени, чтобы найти Бернадетт. Стоун прибежит, как только услышит звон разбитого стекла.

— Я позабочусь о Стоуне. А ты ищи Берни, — скомандовала Оливия, поднимая камень и выбивая стекло из двери.

Черт, подумала я, оттягивая рукав толстовки, чтобы прикрыть руку. Потянувшись внутрь, я разблокировала дверь и толкнула ее.

Оливия впихнула меня в дверной проем и закрыла за нами дверь. Я услышала, как она заперла засов, и побежала в главную комнату, а затем свернула в коридор. Не увидев в потолке коридора выхода на чердак, я бросилась в спальню. Посмотрев наверх, я заметила дверь в дальнем углу. Придвинув поближе стоящую рядом тумбочку, я забралась на нее и потянула за веревочную ручку. Лестница выдвинулась на середину комнаты.

Когда я спрыгнула с тумбочки, в спальню вошел Айзек, закрыв за собой дверь.

— Давай лучше я пойду первым, — предложил он, глядя на лестницу и доставая пистолет. — Но если Стоун спросит, я пытался схватить тебя, прежде чем ты побежала вверх по лестнице.

— Хорошо, — махнула я рукой, чтобы он поднимался.

Когда он добрался до верха, я пустилась следом за ним. Когда я шагнула через отверстие на чердак, Айзек с помощью фонарика осматривал пустое пространство.

— Здесь пусто, — констатировал Айзек.

Я подошла к висящему шнуру и потянула за него, чтобы включить лампочку.

— Нет, точно нет.

Я переместилась к боковой стене и устоялась на полуразвалившуюся дверь. Потускневшая ручка была такой же, как и в моем видении. Дверь запиралась на висячий замок, но выглядела хлипкой.

Я села на пол, откинулась назад, подняла обе ноги и ударила по двери. Дверь треснула, но не сломалась. Я ударила ногой еще раз, потом еще. Когда мне удалось проделать в двери дыру размером с фут, Айзек наклонился, чтобы осветить в нее фонариком.

Мы оба задохнулись, увидев Бернадетт, свернувшуюся калачиком и дрожащую в большой клетке. Она выглядела испуганной и в то же время растерянной. Как будто только проснулась или находилась в оцепенении.

Айзек вызвал скорую помощь, а я сидела и смотрела на Бернадетт. Если человек, на которого мы охотились, смог добраться до Бернадетт... Подкрасться к ней...

Все вокруг меня расплывалось, как в страшном сне. Я слышала, как Айзек сказал, что принесет кусачки. Заметила, как Оливия потащила меня прочь от двери. Наблюдала, как Стоун занял мое место перед дверью, стремясь максимально приоткрыть ее, чтобы можно было пролезть внутрь. После значительных усилий отверстие оказалось достаточно большим, чтобы он смог протиснуть в него верхнюю часть тела. Обернувшись, он посмотрел на меня с обеспокоенным выражением лица.

Ноа и Брейдон поднялись вслед за Айзеком по лестнице. Ноа опустился на колени рядом со мной и обхватил мою щеку рукой.

— Ди, ты в порядке?

— Бернадетт... — Я указала туда, где находился Стоун.

Ноа посмотрел на Оливию и Брейдона.

— Уведите отсюда Давину. Выведите ее на улицу.

Брейдон поднял меня, и с помощью Оливии они подвели меня к лестнице. Я пошатнулась на мгновение, затем достаточно окрепла, чтобы спуститься вниз, следуя за Брейдоном шаг за шагом. Когда меня выводили из дома, я все еще чувствовала себя как в тумане. Одна за другой быстро подъезжали полицейские машины, скорая помощь и криминалисты.

Парни Дональдсон подбежали ко мне, обняли за плечи и повели между домами на задний двор. Они усадили меня в кресло рядом с миссис Полсон. В нескольких футах от меня потрескивал огонь в чаше, которой моя семья не пользовалась с тех пор, как я была еще ребенком.

Моя семья. Я оглянулась на дом Хурона.

— Оливия, — сказала я, пытаюсь сосредоточиться. — Помоги Бернадетт. Со мной все будет в порядке, но ты ей нужна.

— Я займусь этим, — отозвалась Оливия и побежала прочь.

Казалось, что все происходит в замедленной съемке, пока мой мозг пытался переварить лица и голоса, окружавшие меня.

— Привет, красавица, — мягко проговорил Остин, присев передо мной на корточки. — Вот, — он протянул мне стакан, сжимая мои руки, чтобы я не уронила его, — сделай глоток.

Я отпила глоток и скорчила гримасу, почувствовав вкус колы. Я не была большой поклонницей газировки, но напиток оказался холодным и успокаивающим, поэтому я выпила еще.

— Вот так. Сахар поможет. — Остин посмотрел на миссис Полсон, которая нервно сжимала руки. — Не о чем беспокоиться, — уверенно заявил он ей. — С Давиной все будет в порядке. Я обещаю.

Я почувствовала благодарность, слушая, как Остин успокаивает ее страхи. Постепенно, попивая колу и слушая, я заметила, как ее руки успокаиваются, а плечи расслабляются.

Не знаю, сколько прошло времени, но, опустошив стакан, я протянула его стоявшему рядом Дэйви Дональдсону. Он побежал, вероятно, чтобы снова его наполнить.

— Ты правда в порядке, дорогая? — спросила миссис Полсон, встретившись со мной взглядом.

— Да. Я просто испугалась. — Я посмотрела в сторону подъездной дорожки. — Надс

бы проверить, как там Бернадетт.

— Просто посиди и расслабься, — велел Остин, положив руку мне на плечо. — Успокойся. Оливия позаботится о Бернадетт.

Я молча кивнула, глядя на огонь. Старое кресло напротив скрывалось в пламени.

Я повернулась на бок, глядя в сторону дома Хурона, когда услышала ругань. На задний двор вышла Бернадетт. На ней все еще была черная мантия с субботнего вечера. Оливия пыталась поддержать Бернадетт, одновременно уговаривая поехать в больницу.

Бернадетт оттолкнула Оливию, и я ощутила, как во мне закипает гнев. Бернадетт двигалась к нам, пока не повернула голову в сторону стола с едой. Она резко крутанулась, и схватила с тарелки готовый бургер. Запихнув треть бургера в рот, она принялась с наслаждением жевать.

— Берни, нам нужно вас осмотреть, — повторила Оливия.

— Мне нужна только еда, тупица, — огрызнулась Бернадетт, плюясь едой. — Оставь меня в покое, или я прокляну тебя прыщами на всю жизнь. — Она откусила еще один большой кусок от гамбургера и принялась накладывать еду на бумажную тарелку. Наполнив тарелку, она, спотыкаясь, подошла и села в кресло рядом со мной, напротив миссис Полсон.

— Ты в порядке? — спросила я Бернадетт.

— Я буду в порядке и не благодаря тебе. — Бернадетт запихнула в рот еще еды, махнув рукой на мой дом, потом на дом Ника Хурона. — Ты самый плохой экстрасенс на свете. Я уже несколько дней посылаю тебе сигналы. Я была совсем рядом. Какое разочарование.

Вернулся Дэйви, и протянул мне стакан с колой. Я посмотрела на него, но была поглощена своими мыслями.

— У тебя нет оправданий, правда? — Бернадетт продолжала ругать меня. — Ну и дела. Ну и внучка у меня. — Она засунула в рот горсть чипсов. — Ты, наверное, все это время знала, где я. Оставила меня гнить в этой клетке.

Не думая, я выплеснула колу ей в лицо. Раздался коллективный вдох.

Бернадетт посмотрела на меня, медленно поставила тарелку с едой залитой колой на траву и встала. Кола стекала с нее, капая с челюсти и волос.

Я поднялась и сделала шаг к ней, сузив глаза.

— К твоему сведению, я была немного занята. Мой отец умер, я нашла три тела в озере, и меня арестовали за убийство. О... И давай не будем забывать, — я ткнула пальцем в ее грудь, — как выяснилось, мой отец не был мне родным, моя тетя не умерла, но теперь вполне возможно, и у меня появился кузен, который к тому же приходится мне сводным братом!

— Ты забыла, что твоя мать владела компанией «Черная кровь», — поддержала меня Оливия.

Я продолжала смотреть на Бернадетт.

— Да, как я могла забыть? Ложь и еще раз ложь! — Я перевела палец на дом Ника Хурона. — О, а кто мой сосед? Какой-то чокнутый псих, которому нравится запирает людей в клетках? Seriously?

В глазах Бернадетт отразилось замешательство, но я отвлеклась на полоску жира от гамбургера в уголке ее рта, которую так и не удалось смыть колой.

— Кто-нибудь может дать этому чудовищу салфетку? — попросила я, указывая на Бернадетт. — Клянусь, у тебя самые отвратительные манеры, которые я когда-либо видела.

— Не надо. — Бернадетт вытерла лицо рукавом мантии. — Объясни про Перл. — Она

села, взяла свою тарелку и слила немного колы, прежде чем снова принялась за еду.

— Это просто отвратительно, — проворчала Оливия, забирая тарелку у Бернадетт и бросая ее в кострище. Оливия подошла к столу с едой.

— Я жутко проголодалась, — огрызнулась Бернадетт через плечо, обращаясь к Оливии. — Я почти ничего не ела с субботы.

Оливия вернулась со свежей тарелкой еды и горстью салфеток, положив их на колени Бернадетт.

— Держи, ведьма.

Бернадетт фыркнула.

— Это все, на что ты способна?

Я взглянула на миссис Полсон, снова садясь.

— Я уже говорила, как благодарна за то, что вы приняли меня в семью после смерти моей матери?

Беспокойство миссис Полсон рассеялось, она прикрыла рот рукой и засмеялась.

— Ха-ха, — проворчала в ответ Бернадетт. — А теперь объясни, как моя дочь не умерла, но теперь может быть мертва.

Я обвела всех взглядом, затем снова посмотрела на Бернадетт. Как бы я ни злилась, было бы жестоко рассказывать о ее дочери и внуке на глазах остальных.

— Мы обсудим это позже.

— Согласен, — сказал Стоун, пересекая двор и становясь рядом с Бернадетт. Он, настроенный по-деловому, достал свой блокнот. — Но я хотел бы получить образец ДНК для сравнения с одним из найденных тел. Мы также можем использовать его для сравнения с ДНК, обнаруженной на клетке. — Он указал в сторону дома Ника Хурона.

Бернадетт долго смотрела на Стоуна, затем снова поставила тарелку на траву. Она взяла одну из салфеток, лежавших у нее на коленях, и харкнула. Затем протянула салфетку Стоуну.

Стоун посмотрел на предложенную салфетку, затем на криминалиста, стоявшего в пяти метрах от него с ватным тампоном. Криминалист засунул неиспользованный тампон в карман и, недовольно поморщившись, протянул Бернадетт пакет для улик, чтобы та опустила в него салфетку.

— Классно, Берни, — прокомментировала Оливия, обойдя кострище и усевшись в кресло по другую сторону от миссис Полсон. — Очень стильно.

Стоун первым делом допросил Бернадетт о ее похищении. Как я и предполагала, она была у Остина, когда кто-то подошел сзади, закрыл ей рот рукой и что-то вколол в шею. Следующее, что она помнила, — это как очнулась в клетке. Но поскольку мужчина периодически проверял ее, она смогла хорошо его рассмотреть. Ее описание совпало с внешностью Ника Хурона.

После того как Стоун выжал из Бернадетт максимум подробностей, он задал вопросы о Нике всем остальным. Где тот работает. Какой у него график. Знаем ли мы кого-нибудь из его друзей. Мы все отрицательно качали головами. Мы не знали о нем ничего, что могло бы помочь.

— Попробуйте найти подружку, — посоветовал Стоуну Дэйви Дональдсон, переворачивая бургер на гриле. — Наверняка Ник с ней.

Я повернулась в своем кресле, уставившись на Дэйви.

— Какая подружка?

— Грудастая деваха, — смеясь, сказал Гриффин, младший брат Дэйви.

Дэйви шутливо толкнул своего брата, а затем ухмыльнулся в ответ.

— Подружка появляется только ночью, после наступления темноты. Блондинка, стройная, с шикарными изгибами. — Дэйви и Гриффин изобразили руками песочные часы. — Симпатичная...

— Дэйви! — прошипел отец, прервав Дэйви, прежде чем он закончил говорить о том, какая часть тела прекрасна.

— Упс, — засмеялся Дэйви.

— Ты знаешь, на какой машине ездит эта женщина? — спросил Стоун.

— Никакой машины, — ответил Дэйви. — Мистер Хурон всегда привозил ее к себе домой, а потом, знаете, через час или около того они снова уезжали. Как бы на время, чтобы...

Стоун изо всех сил старался сохранить серьезное выражение лица.

— Еще какие-нибудь подробности?

— Нет, — покачал головой Дэйви. — Наверное, я не слишком помог, если подумать. Никогда не видел ее лица. Она всегда спешила попасть внутрь.

— Торопилась, знаете ли, приступить к делу, — усмехнулся Гриффин.

— Довольно, — предупредил их отец.

Мы все отвернулись, стараясь не рассмеяться.

Стоун сменил тему, спросив нас с Оливией, готовы ли мы дать показания о проникновении в дом Ника. Айзек вмешался, предложив записать наши показания, чтобы Стоун мог пойти проверить криминалистов. Как только Стоун ушел, Айзек пригласил нас во двор миссис Полсон, чтобы никто не мог подслушать.

Вначале мы с Оливией несколько раз путались в своих рассказах, но, поскольку показания у нас брал Айзек, он поправлял и писал так, чтобы у нас не возникло проблем. Брейдон отказался от попыток контролировать ситуацию и ушел.

День получился долгим поэтому когда мы закончили, я взяла с Ноа обещание запереть мой дом, прежде чем ехать к Бернадетт.

Когда я остановилась на стоянке перед домом, Бернадетт наконец заговорила.

— Приятно вернуться домой.

— Ну, прежде чем начнешь горячиться, ты должна знать несколько вещей. До сегодняшнего дня мой дом считался местом преступления, поэтому я жила здесь. Тауни и ее мать тоже провели здесь ночь, но после того, как кто-то вломился в дом и украл твой компьютер, телефон и «Леджер Куэйдов», а также оставил нож под подушкой Тауни, они съехали.

— Кто-то вломился? — повторила Бернадетт, распахивая дверцу грузовика и топая к крыльцу.

Я вышла, закрыла свою дверь и обошла грузовик, чтобы закрыть пассажирскую дверь. Поднявшись по ступенькам, я вошла в дом и прошла в главную комнату, закрыв за собой дверь. Бернадетт стояла в центре комнаты с закрытыми глазами и расслабленными руками по бокам. Я прошла мимо нее к кухонной стойке, положив на нее свою сумочку.

Когда Бернадетт открыла глаза, то посмотрела на меня, внимательно изучая.

— Очень знакомо. Эта энергия.

— В чем знакомая? — спросила я.

— Думаю, то же человек, который устроил погром в комнате Райны на прошлой неделе.

Я вспомнила что в тот день Бернадетт испугалась энергии, которую почувствовала.

— Я не могу сказать, такая же это энергия или нет. Я не помню.

— Тогда расскажи мне о Перл. Что случилось?

— Может быть, нам стоит поговорить утром. После того как ты хорошо выспишься.

— Глупости. Выкладывай. Что ты скрываешь?

— Ладно, — сказала я, подойдя к столу и выдвинув для нее скамейку, а затем обошла вокруг стола, чтобы сесть с другой стороны. — Но будь готова. Не думаю, что тебе понравится то, что мы узнали.

— Хватит вести себя так, будто я какая-то слабачка, — проворчала Бернадетт, садясь. — Переходи к делу.

Несмотря на протесты, я понимала, что правда ее шокирует. Я отвела взгляд, сообщая новость.

— Мы думаем, что одно из тел в озере принадлежит Перл. Моя ДНК совпала как родственная, но недостаточно близко для идентификации. По их оценкам, женщине было около тридцати лет, и, судя по тому, как долго, по их мнению, она находилась в воде, будь она жива, ей было бы около сорока — пятидесяти лет. Возраст Перл.

— Это не может быть Перл. Она умерла при родах своего сына.

— Свидетельство о смерти было поддельным. Оливия отслеживала и Перл, и ее сына Коллина до тех пор, пока он не бросил старшую школу на первом году учебы.

— Невозможно. Я почувствовала ее смерть. Я почувствовала, как она исчезла.

Я посмотрела на Бернадетт, заметив, как дрожат ее руки, лежащие на столе.

— Я не знаю, зачем Перл инсценировала свою смерть, но того образца ДНК, который ты дала Стоуну, должно хватить, чтобы понять, она ли это. — Я протянула руку через стол и положила ее поверх ладони Бернадетт.

Неудивительно, что Бернадетт отдернула руку.

— Чай, дитя, — прошипела она. — Я бы не отказалась от чашки чая.

Я согласилась, встала и поставила чайник, а затем стала рыться в поисках пакетов с покупным чаем. В одном из шкафов стояла банка с чем-то похожим на травяной чай, но, зная Бернадетт, он мог оказаться ядовитым.

Когда я вернулась к столу с чаем, Бернадетт стояла у окна и смотрела в ночное небо.

— Когда вы с Оливией давали показания Айзеку, этот детектив Стоун объяснил, что случилось с твоим отцом. Мне очень жаль, дитя. Я знаю, ты его любила.

— Любила, — согласилась я, садясь обратно на скамейку. — Могу я спросить тебя кое о чем?

Бернадетт оглянулась на меня, не отвечая, но ожидая продолжения.

— Если бы я забрала его из дома раньше, мы могли бы его спасти?

Бернадетт вернулась к столу и снова села.

— Я так не думаю. — Она положила руки на чашку. — Мне кажется, что единственная часть твоего отца, которая еще оставалась, та часть, что была им на самом деле, так сильно страдала от чувства вины и печали, что не хотела жить. Я думаю, что человек, который пытался покончить с собой многие годы назад, был твоим отцом, а не монстром.

— Значит... Он и правда покончил с собой?

— Не могу сказать точно. Но если это так, то кто-то все равно дал ему нож.

— Но почему он покончил с собой так же, как моя мама? Это просто не имеет смысла.

— Смерть твоей матери тоже не имеет смысла. Эмбер Куэйд никогда бы не покончила с собой, дитя. Не тот у нее был характер.

— Но она дала мне кулон. Мама сказала, что если с ней что-то случится, то только я смогу защитить своего отца.

— Эмбер была сильным экстрасенсом. Сильнее, чем я, это точно. Возможно, она чувствовала возможность собственной смерти.

— Хочешь сказать, что она могла видеть будущее?

— Не совсем. Некоторые экстрасенсы в нашей семье умели читать знаки, например, предупреждающие сигналы. Те, кто тренировал свои способности в предвидении, могли делать приблизительные прогнозы на основе этих предупреждений.

— Но ты не можешь? Делать прогнозы, я имею в виду?

— Я намеренно не оттачивала эти навыки. Знать, что скоро что-то произойдет, когда ты не можешь это контролировать или остановить, — тяжелое бремя. Я видела, как страдала моя мать, когда знала, что должно произойти что-то ужасное. Я решила не повторять ее ошибок.

— Но моя мама думала иначе?

— Эмбер была упорной женщиной. Она тщательно тренировала свои способности. Она любила соревноваться. Эмбер всегда хотелось доказать, что она более сильный экстрасенс, чем Перл и я.

Я попыталась вспомнить свою мать, но ни одно из моих воспоминаний не совпадало с тем, что описывала Бернадетт. Я помнила мамино предупреждение перед смертью. Помнила, как они с отцом смеялись или танцевали на заднем дворе, но больше практически никаких подробностей. По прошествии столь долгого времени я полагала, это вполне естественно, что мои воспоминания потускнели.

Отпив глоток чая, Бернадетт оглядела комнату.

— Странно ощущать в доме разные энергии. Ведь так долго я жила здесь одна.

— Признаться, — вставая и проходя на кухню, проговорила я, — мы облазили весь дом. Мы даже нашли наверху мои подарки на Рождество и день рождения. Кстати, спасибо за них.

Бернадетт пожала плечами, не выказывая возмущения.

— Облигации лежат в сейфе. Напомни мне завтра, и я достану их вместе с юридическими документами на имущество и страховку твоих родителей.

Я растерянно уставилась на нее.

— Какие облигации? Какие юридические документы?

Бернадетт посмотрела на меня с виноватым выражением лица.

— Когда твоя мать умерла, ежегодные выплаты из семейного траста перешли к тебе. Я вложила деньги в облигации.

По тому, как Бернадетт себя вела, я поняла, что мне не стоит интересоваться содержимым сейфа, пока хорошенько не выплусь, но это заставило вспомнить о деньгах, которые я засунула в лифчик.

Я достала деньги и стал пересчитывать купюры. Там набралось около пяти тысяч. Затем я вытащила из заднего кармана деньги с дворовой распродажи. В основном это были доллары и пятерки, поэтому вместо того, чтобы пересчитывать, я спрятала их в кошелек для оплаты продуктов и бензина.

Я протянула мамины деньги.

— Если полиция снова арестует меня, мне, возможно, придется нанять второго адвоката, чтобы помочь Брейдону. Даже тех денег, которые мама спрятала в шкатулке, мне не хватит на оплату юридических услуг. Я смогу обналичить облигации? А если нет, то не возражаешь если я продам свой грузовик, чтобы оплатить расходы?

— Если понадобится, я покрою судебные издержки. Если в сейфе не хватит денег, я сниму их с трастового счета.

Поняв, что в случае необходимости у меня есть доступ к большим деньгам, я почувствовала, как уходит напряжение. Я положила мамины деньги в карман на молнии в своей сумочке.

— Спасибо. И я верну тебе долг. Может быть, это займет у меня какое-то время, но я справлюсь.

Бернадетт фыркнула, отодвигая чашку с чаем в центр стола.

— Дитя, мы — Куэйды, исконные владельцы большей части земель в этом районе. Поколение за поколением твои родственники в прошлом пополняли траст. И эти деньги в той же мере принадлежат тебе, как и мне.

— Не забывай о сыне Перл. Коллин может однажды появиться, чтобы забрать свою долю наследства.

— Если мальчик выжил, если он все еще где-то в этом мире, — Бернадетт махнула рукой в сторону стеклянной стены, — то кому-то из нас придется оценить его, прежде чем он сможет что-то унаследовать.

— Это кажется странным, но ладно, — проговорила я, доставая из шкафа стакан. — Можешь сделать копию трастового договора для Брейдона? Он занимается всеми моими юридическими делами.

— У меня есть адвокат, который занимается семейным бизнесом.

— И все же, — настояла я, бросив на нее выразительный взгляд, — когда ты умрешь, Брейдон возьмет на себя все заботы. И поэтому я бы предпочла предупредить его заранее.

Ему также понадобятся завещание моих родителей и страховые документы.

— Ладно, — проворчала Бернадетт. — Но для протокола скажу, я недовольна.

— Принято к сведению, — заявила я, наполнила стакан водой и направилась через комнату к лестнице. — Я иду спать. Советую тебе сделать то же самое после душа. Ты в этой мантии с субботы.

— Какой сегодня день? — спросила Бернадетта, глядя на стеклянную стену.

— Среда. — Я оглянулась, поднимаясь по лестнице. И увидела, как Бернадетт приплюсывается к своей подмышке. Ее лицо сморщилось, когда она отдернула нос.

Оказавшись в своей комнате, я прошла в ванную, чтобы быстро принять душ. Высушившись, я переоделась в пижаму и, выключив свет, пересекла комнату в темноте, чтобы лечь в постель. Когда я свернулась калачиком, засовывая руку под подушку, то наткнулась на твердый и холодный предмет.

Я соскочила с кровати, и щелкнула выключателем. Во время своего стремительного перемещения я сбила подушку на пол. На кровати, где всего несколько секунд назад лежала моя голова, красовался декоративный церемониальный нож, такой же как и все остальные.

Я потянулась к двери спальни, отперла ее и, отступив назад, вышла в коридор. Почувствовав чье-то присутствие, я посмотрела налево.

Навстречу мне шла Бернадетт в розовой атласной пижаме. Ее влажные волосы были расчесаны. В руке она держала еще один церемониальный нож.

— С какой стати ты положила нож под мою подушку?

Я указала дрожащим пальцем в сторону своей комнаты.

Бернадетт заглянула в мою комнату. Фыркнув, она сказала:

— Нам нужна новая зубная фея.

Узнав от меня, что ножи совпадают с теми, от которых погибли мои родители, Бернадетт сказала, что держать их в доме небезопасно. Я предложила позвонить в полицию, но Бернадетт посчитала, что предъявление ножей полицейским может повредить моему делу. Вместо этого она воспользовалась моим телефоном, чтобы позвонить Оливии.

Двадцать минут спустя Оливия с мутными глазами стояла в столовой Бернадетт и смотрела на ножи.

— Что вы хотите, чтобы я сделала?

— Спрячь ножи, — велела Бернадетт. — Я упаковала их в пакет, так что если мы потом решим отдать ножи в полицию, на них не будет твоих отпечатков. Но пока нам нужно их спрятать.

— Но почему вы сами их не спрячете?

— Потому что тогда мы будем знать, где они находятся, — язвительно проговорила Бернадетт. — Подумай, девочка. Тот, кто оставил их здесь, может быть тем же человеком, что стоит за лунатизмом Давины. А после моего плена, кто знает, может, он и в мою голову залезет.

— Значит, вы хотите, чтобы я их спрятала, но спрятала так, чтобы вы двое не смогли их найти? — уточнила Оливия.

Бернадетт подняла на меня бровь.

— Мне казалось, ты утверждала, что она умная.

— Да, но она уже несколько дней работает круглосуточно. Будь снисходительна.

Оливия устала.

Бернадетт закатила глаза, но снова повернулась к Оливии.

— Да, спрячь ножи так, чтобы мы с Давиной не смогли их найти. Это достаточно понятно для тебя?

Оливия схватила одной рукой упакованные ножи, другой отмахнулась от Бернадетт и, ничего не сказав, направилась к панельной двери.

Когда входная дверь захлопнулась, Бернадетт ухмыльнулась.

На следующее утро раздражительность Бернадетт достигла своего апогея. Я догадывалась, что часть ее плохого настроения вызвана ожиданием официального подтверждения принадлежности тела в озере ее дочери. Остальное, как я полагала, объяснялось тем, что кто-то украл ее компьютер и леджер. И Бернадетт не скрывала, что винит в этой краже меня.

Я тоже находилась не в лучшем расположении духа. Никому из нас не захотелось спать наверху после того, как мы нашли ножи под подушками, поэтому после того, как Бернадетт уснула на диване, я почти всю ночь пролежала в кресле, пока около трех часов ночи не перебралась на деревянный пол.

Проснувшись с больной спиной, я с нетерпением ждала выхода из дома. Наскоро приняв душ и одевшись, я уже собиралась взять ключи и сумочку, чтобы уйти, когда мимо меня за дверь поспешила Бернадетт, настояв на том, чтобы сопровождать меня.

Не обращая на нее внимания и не радуясь компании, я поехала в офис Оливии. Войдя в контору, я с удивлением обнаружила, что миссис Полсон уже сидит за столом секретаря. Она указала на заднюю часть комнаты, где Оливия крепко спала, скрестив руки на столе и используя их в качестве подушки.

Бернадетт поспешила за мной, когда я пересекала комнату. Я коснулась плеча Оливии, чтобы ее разбудить.

Она приподняла голову, но прищурила глаза, оглядываясь по сторонам.

— Как долго я спала?

— Ноа привез меня минут тридцать назад, — сообщила миссис Полсон. — Ты храпела, когда я пришла.

Бернадетт нахмурилась, держа руки в кулаках на бедрах.

— Где мой стол?

Глаза Оливии расширились.

— Ваш стол? Зачем вам стол?

— О, так значит, ты хочешь, чтобы я жертвовала своим временем, когда вам, девочкам, нужна помощь, но не получала за это денег? — спросила Бернадетт, отодвигая ширму, чтобы сесть за мой стол. — Было бы неплохо, если бы меня считали частью команды.

— Даже если бы Оливия рассматривала этот вариант, я бы ответила твердым «нет». До прошлой недели мы с тобой были практически незнакомы. А с учетом отсутствия у тебя навыков общения с людьми я бы никогда не согласилась взять тебя на работу.

Я видела, как расслабились плечи Оливии, похоже, довольной тем, что я решила эту проблему.

— Теперь, что касается тебя, — обратилась я к Оливии. — Ты провела здесь всю ночь?

— Нет, ну в основном. Но я сбегала домой за кофейником. Это считается? — Оливия указала на столик перед входом, на котором стоял кофейник.

— Ты украла кофейник из дома?

Оливия ухмыльнулась.

— Я была вынуждена.

— Не думаю, что Брейдон воспримет это нормально.

— Я куплю другой кофейник, но магазины были закрыты, так что мои возможности

оказались ограничены.

Миссис Полсон хихикала, сидя за столом и перекладывая игральные карты.

— Ты нашла что-нибудь, из-за чего стоило терять сон? — спросила я Оливию.

— Это зависит от того, что ты считаешь достойным, — ответила подруга, вставая, чтобы подойти к моему столу и открыть правый верхний ящик. — В твоём списке вопросов упоминалась твоя двоюродная бабушка и дом Кэрролла. Я выяснила, что «Дом Кэрролла» — это частное учреждение для психически неуравновешенных людей. Твоя двоюродная бабушка не только еще жива, но и находится в этом доме уже несколько десятилетий. — Оливия протянула мне блокнот с вопросами и записную книжку.

— Боже мой, «Леджер Куэйдов»! Где ты его нашла?

— В доме Ника. После того как мы вломились, я заметила его на кухонном столе. Когда Стоун выбежал в коридор, я схватила книгу, выскочила на улицу и бросила ее на заднее сиденье джипа. Подумала, что у Берни, — Оливия махнула рукой в сторону Бернадетт, но не посмотрела на нее, — случится приступ бешенства, если полиция прочтет это.

— Ты не такая глупая, как кажешься, — пробурчала Бернадетт, забирая у меня книгу. — Я позабочусь о леджере, пока он снова не потерялся.

— Ты знала, что твоя тетя еще жива? — спросила я Бернадетт.

— Конечно. Как думаешь, кто оплачивает ее уход? — Бернадетт положила книгу на стол и начала рыться в других ящиках. — Может быть, я слишком рано сказала, что твоя подруга не тупица. — Бернадетт достала из нижнего ящика пакет с церемониальными ножами.

— Отвали, Берни, — проворчала Оливия, забирая пакет и открывая нижний ящик картотечного шкафа, стоящего за ее спиной, а затем бросая в него упакованные ножи. — Я устала. Кроме того, это стол Давины. Она бы не стала открывать ящики.

Я не успела ничего прокомментировать, как входная дверь открылась. Брейдон вошел внутрь, остановился рядом с кофейником, бросил тяжелый взгляд на Оливию, затем выдернул вилку из розетки и вынес аппарат за дверь.

Миссис Полсон ухмыльнулась, окончательно развеселившись.

Я покачала головой и снова повернулась к Оливии.

— Ладно, мне нужно знать что-нибудь еще?

— Я проверяю биографию Ника Хурона. А Кемп все еще копается в делах «Черной крови». Правда, это займет некоторое время. — Оливия повернулась к Бернадетт, которая загружала мой ноутбук. — Ваша система безопасности связана с облачным диском?

— Конечно, — ответила Бернадетт с обиженным видом.

Оливия кивнула.

— Хорошо, тогда вы можете поискать для нас записи с камер наблюдения. Нам нужно знать, не попал ли Ник Хурон на камеру, когда прятался возле вашего дома.

— Значит... Ты думаешь, что теперь можешь мной командовать, да? — нахмурившись, сказала Бернадетт, глядя на Оливию.

Я наклонилась над столом, сузив глаза на Бернадетт.

— Хватит с меня твоего дерьма с утра. Или помогай Оливии, или проваливай домой. — Я отстранилась и направилась к двери. — Оливия, не стесняйся, вышвырни ее вон.

— С радостью, — отозвалась Оливия. — Держи свой телефон включенным. Я позвоню тебе позже, когда что-нибудь узнаю.

Миссис Полсон помахала мне, хмыкнув, когда я скрылась за дверью.

Поскольку я уже приехала в город, то решила заехать в гостиницу «Дейбрик-Фоллс», чтобы проведать Тауни. Войдя в холл, я заметила Санни и Тауни, сидящих в столовой.

Впервые за неделю они выглядели расслабленными и отдохнувшими. Мое настроение заметно улучшилось при виде этих двоих.

Санни увидела меня и махнула рукой, отодвигая тарелки, чтобы освободить место за маленьким столиком.

— Присоединяйся к нам. Я угощаю.

— Обычно я бы отказалась, но как могу не согласиться на завтрак миссис Деннинг?

— Вот, вот, — отозвался Стоун, входя в комнату. — Могу я присоединиться к вам, дамы?

— Займите стол побольше, — предложила миссис Деннинг из глубины комнаты. — Я сейчас подойду и приму ваш заказ.

Тауни и Санни собрали свои тарелки и приборы, пересаживаясь за большой стол. Я переставила их напитки и села рядом со Стоуном.

— Вы обе сегодня выглядите гораздо лучше, — поделилась я с Тауни и Санни.

— Я вчера виделась с папой, — подпрыгивая на стуле, сообщила Тауни. — Не пугайся. Все прошло мирно. Мы встретились возле полицейского участка в городе. Там везде были полицейские, и мы старались не говорить папе, где остановились. Но он казался нормальным. Он не хотел меня прикончить или еще что-нибудь.

Я взглянула на Стоуна, который резко повернулся на стуле и сузил глаза.

— Тебе лучше не знать, — пояснила я ему. — Это один из тех случаев, когда тебе придется заполнить кучу бумаг с той ерундой, которую мы тебе скормим.

Стоун провел рукой по лбу и покачал головой.

— Ладно. Ничего не говори.

Мы с Санни обменялись ухмылками, когда Тауни начала рассказывать о своей встрече с Томом. Она замолчала, чтобы перевести дух, только когда подошла миссис Деннинг, чтобы принять наш заказ.

Счастливая энергия, окружавшая Тауни, была заразительна, и вскоре мы уже все смеялись и переговаривались друг с другом, наслаждаясь общением. К тому времени, когда миссис Деннинг подала нам со Стоуном завтрак, Санни и Тауни уже закончили есть, но остались поболтать.

Как раз в тот момент, когда я решила, что если съем еще кусочек, то взорвусь, мой телефон пискнул, что мне пришло сообщение. Я вытащила его и увидела, что Оливия прислала мне фотографию Ника Хурона. Я переслала ее Стоуну, а затем посмотрела на Тауни.

— Могу я показать тебе фотографию? Посмотрим, вдруг ты узнаешь человека на снимке?

Тауни пожала плечами, затем наклонилась вперед, когда я протянула ей свой телефон. Она покачала головой.

— Прости. Это он? Тот тип, который меня похитил?

— Мы не знаем, но вероятно, — ответила я.

— Мне жаль, — нахмурившись, повторила Тауни. — Я хочу вспомнить его, помочь, но пока не могу.

— Все в порядке. Правда, — улыбнулась я.

— Но как вы его арестуете, если Тауни не может его опознать? — спросила Санни.

— Бернадетт, — ответил Стоун. — Показаний Бернадетт будет достаточно, чтобы отправить Ника в тюрьму. Нам нужно только его найти. — Стоун положил салфетку рядом с тарелкой. — И поэтому мне пора на работу. — Он отодвинул стул и встал, но посмотрел на меня. — Думаю, будет неплохо, если мы потом сравним наши результаты, но утро у меня уже занято.

— Напиши Оливии, когда соберешься. Мы можем встретиться в ее офисе сегодня днем. Возможно, к тому времени у нее будет больше информации.

— Знаешь, мне неприятно это признавать, — проговорил Стоун, оглядываясь по сторонам. — Но Оливия, оказывается, лучше разбирается в некоторых вопросах поиска, чем некоторые офицеры в участке.

Я покачала головой.

— Только не говори об этом Оливии. Я еще не решила, хочу ли связываться с этой ее новой затеей, так что не поощряй ее, пока не решу.

Стоун усмехнулся, положив на стол деньги.

— Завтрак за мой счет, дамы. Спасибо за компанию.

Я смотрела ему вслед, пока он шел к двери.

— Если бы я не была счастлива в браке... — заявила Санни, бросив взгляд через плечо.

— Мама! Фу! — воскликнула Тауни, игриво толкая маму в плечо.

— Ага, ну, ты думала бы по-другому, если бы он постоянно тебя арестовывал, — усмехаясь, сказала я Санни. — Так... Какие у вас на сегодня планы?

— Мы идем по магазинам, — взволнованно сообщила Тауни.

— О, звучит заманчиво, — одобрила миссис Деннинг, когда подошла убрать наши тарелки.

Я встала и взяла чашки, чтобы помочь миссис Деннинг.

— А по мне, так это ужасно. Я ненавижу ходить по магазинам. — Я толкнула дверь кухни спиной, позволяя миссис Деннинг поставить тарелки в контейнер, который всегда стоял на стойке прямо перед дверью, а затем добавила в него кофейные чашки.

— Мне нравится ходить по магазинам, если только это не одежда, — призналась Тауни, собирая грязные столовые приборы и подбегая к нам, чтобы тоже бросить их в ёмкость.

— Если вы не собираетесь покупать одежду, то что тогда? — спросила я, следуя за Тауни к столу.

— Не могу тебе сказать, — хихикнула Тауни. — Это секрет. — Санни и Тауни собрали свои вещи.

— Ну, веселитесь. И если я вам понадобится, звоните. — Я оглянулась назад. — Миссис Деннинг, если вам ничего не нужно, я пошла.

— Все отлично. У меня в гостинице остановилась еще только одна пара, но они, похоже, поздно встают.

— Хорошо, берегите себя. — Я направилась к двери, но мой мозг снова переключился на Ника Хурона. Я обернулась и обратилась к миссис Деннинг: — Вы знаете Ника Хурона?

— Не думаю... Это имя мне ничего не говорит.

Я достала свой телефон и показала ей его фотографию.

— Это мой другой гость. Они с женой живут в третьем номере.

После секундного шока я схватила миссис Деннинг за руку и потащила ее за собой к

входной двери. Санни и Тауни как раз выходили на улицу, когда я крикнула:

— Бегите! Спасайтесь!

Санни, не раздумывая, схватил Тауни за руку и побежала. Я потянула миссис Деннинг за собой, и мы все вместе перебежали улицу, остановившись на тротуаре перед авторемонтной мастерской Эрика Додда.

Дрожащими руками я набрала Стоуна.

— Ты что-то забыла? — спросил Стоун.

— Он здесь! В гостинице! Ник Хурон — постоялец в третьей комнате!

— Сейчас буду, — бросил Стоун и отключился.

— Что за... — Миссис Деннинг пыхла рядом со мной.

— Парень из третьей комнаты — это тот, кто похитил Бернадетт.

— Он остановился в моей гостинице? — воскликнула миссис Деннинг, прижимая руку к груди.

На улице завывли сирены. Два автомобиля затормозили перед гостиницей. Стоун выскочил из первой машины и огляделся по сторонам, пока не заметил нас на другой стороне улицы. Он кивнул и вместе с офицером Напьером направился к входной двери. Айзек и Синда выскочили из другой машины и побежали за гостиницу. Все исчезли.

Мы ждали добрых десять минут, пока Стоун не вышел на улицу. Он покачал головой, глядя на меня с другой стороны дороги.

— Черт побери, — раздосадовано протянула я.

Уборка всегда успокаивала меня, а поскольку ни Оливии, ни Брейдона не было дома, самое время прибраться все то, что Оливия натворила с момента моего последнего визита.

Через десять минут, войдя в дом, я чуть не передумала. Игрушки, одежда, обувь и пачки писем валялись в фойе, устилая пол. Я заглянула в гостиную и ужаснулась. Диван утопал под одеялами и игрушками. На журнальном столике стояли контейнеры с едой на вынос.

Я направилась на кухню, перешагивая через весь этот хаос. То, что я там обнаружила, напомнило мне женское общежитие, где когда-то жила Оливия. Я повернулась кругом, покачала головой, глядя на беспорядок, но не смогла удержаться от улыбки.

— Оливия, ты превзошла саму себя.

Мне потребовалось несколько часов, чтобы разгрести и привести в порядок первый этаж. Я уже дошла до второго этажа, складывая игрушки в ящик, когда услышала, как внизу открывается входная дверь.

Я выглянула на лестницу, чтобы посмотреть вниз. В прихожей стоял Брейдон и широко улыбался, глядя на меня.

— Я так счастлив, что ты — лучшая подруга моей жены.

— Еще бы. Она и правда постаралась.

— Я подумывал сжечь дом. Не знал, что еще можно сделать.

— Ну, можешь убрать свои спички. Еще через час я уберу наверху.

— Звучит здорово. Заканчивай, а я пока приготовлю поздний обед.

Я взглянула на свой фитнес-трекер и с удивлением увидела, что уже почти два часа дня.

— Ого, уже больше, чем я думала. — Я проверила свой телефон, но не увидела никаких сообщений. — Оливия еще работает?

— Понятия не имею. Я не заходил к ней с тех пор, как стащил обратно наш кофейник. — Брейдон поднял сумку. Я решила, что кофейник находится внутри. — А чтобы завтрашний день не начался без кофеина, я заказал в хозяйственном магазине новый кофейник и оплатил его доставку в офис Оливии. И попросил приложить записку с текстом: «Поздравляю с новым бизнесом».

— Умно. Подходит в качестве подарка и решает проблему кофейной войны.

— Вот... Если бы еще у меня был столик в прихожей, чтобы класть на него ключи, когда я прихожу домой, — качая головой, поделился Брейдон, глядя на пустое пространство вдоль стены, где раньше стоял их столик.

Я рассмеялась и направилась обратно в комнату мальчиков.

Через тридцать минут я разделалась с детской и была приятно удивлена, обнаружив, что гостевые комнаты в другом конце коридора все еще находятся в первозданном виде. Я собрала свои принадлежности и присоединилась к Брейдону на кухне.

Брейдон указал на кастрюлю, стоящую на плите.

— Я сварил суп. А теперь, сколько я должен тебе за сегодняшнюю уборку?

— Нисколько, — ответила я, заглядывая в кастрюлю, прежде чем достать тарелку. — Считаю, что это обмен услугами за всю вчерашнюю работу над моим домом. Не говоря уже о всей юридической помощи, оказанной в последнее время.

— Кстати, — озорно протянул Брейдон. — Ты готова выплатить часть баллов, которые мне задолжала?

— Думаю, если хочу выбраться из ямы, нужно сделать большую ставку. — Я переставила тарелку с супом на стойку и добавила несколько крекеров из упаковки, которая все еще лежала на столе. — Но прежде чем я поделюсь с тобой информацией, мы должны четко определить ее стоимость. Я расскажу историю, которая будет стоить тебе не меньше пятидесяти баллов.

— Пятьдесят, ага, — потирая подбородок, отозвался Брейдон. — Ладно, договорились. Выкладывай.

Пока я ела свой суп, поведала Брейдону о том, как Оливия в студенческие годы решила попробовать себя в бурлеск-шоу. Оливия была ужасна, и во время последнего движения она поскользнулась и упала на пол сцены. Ей пришлось несколько недель сидеть на пластиковом пончике, наполненном воздухом.

Брейдон улыбнулся, покачав головой.

— Это хорошая история, но я не уверен, что она стоила пятидесяти баллов.

Я подняла свой телефон.

— Еще как стоит, если сохранить видео.

— Вот это другой разговор, — потирая руки, воскликнул Брейдон.

Я нашла видео и переслала его Брейдону. Только я собралась убрать телефон в карман, как пришло сообщение. Все собрались в офисе Оливии в три часа дня. Я перевела телефон на главный экран и увидела, что у меня есть целых десять минут, чтобы добраться туда.

— Меня вызывают в офис. Тебе что-нибудь нужно до того, как я уйду? — спросила я у Брейдона.

Брейдон покачал головой, смеясь над видео, проигрывающимся на его телефоне.

— Я бы заплатил и сто баллов за это видео.

— Ничего страшного, — ответила я, собирая свои вещи. — У меня есть еще несколько роликов.

Я приехала в офис последней и обнаружила, что все остальные ждут в задней комнате, сидя за обеденным столом Оливии. На задней стене висели бумаги, но поскольку все уже расселись, я поспешила обойти стол и занять свободный стул.

— Все здесь? — спросил Стоун.

Я осмотрелась. Стоун, Айзек и Синда сидели напротив меня. Оливия стояла в дальнем конце стола, а Бернадетт с безучастным видом восседала рядом со мной.

— Извините, друзья, что так срочно, — начала Оливия. — Но я хотела убедиться, что все в курсе последних событий.

Я заметила, что ее рука дрожит, когда она постукивала по папке с документами, лежавшей перед ней.

— Что случилось, Оливия? Ты выглядишь испуганной.

— Не испуганной. Может быть, нервной? — ответила Оливия, ерзая. — Я нашла кое-что, но не уверена, что тебе это понравится.

— Звучит весьма банально, — пожала я плечами.

Айзек кивнул.

— Да, на этой неделе не так много хороших новостей.

— Я проверяла биографию Ника Хурона, только... — начала Оливия.

— Только никакого Ника Хурона не существует, — закончила Синда.

— Именно, — подтвердила Оливия.

— Что вы имеете в виду? — спросила я.

— Это вымышленное имя, — пояснил Стоун. — Фальшивое имя, фальшивое удостоверение.

— Как он купил дом, имея фальшивое удостоверение? — удивился Айзек.

— Он этого не делал, — сообщила Оливия. — Пока я наводила справки о Нике, Кемп из «Силвер Эйс» копался в документах на недвижимость. Этот дом принадлежит компании «Черная Кровь».

— Что?! — воскликнула Бернадетт. — Не говори глупостей. Это невозможно.

Я подняла руку, призывая Бернадетт к тишине.

— Объясни. Я думала, что компания владеет только участком рядом с домом Остина.

— А кто тогда владеет «Черной кровью»? — поинтересовался Айзек. — Ник Хурон?

— Прошу всех успокоиться, — подняв руки, попросила Оливия. — Через минуту все станет понятнее. — Оливия открыла папку, передавая по кругу несколько копий одного и того же документа.

Я уставилась на картинку — копию газетной статьи десятилетней давности, когда молодой Коллин Куэйд принимал какую-то награду. Я не стала читать дальше заголовка и вступления, когда мой взгляд упал на лицо мальчика. Это был он. Ник Хурон.

— Нет... Оливия, этого не может быть.

— Что? — уточнила Бернадетт, отложив свою копию, чтобы заглянуть через плечо в мою.

— Боюсь, что да, — отозвалась Оливия. — Мне очень жаль, Давина. Но, похоже, Коллин Куэйд и Ник Хурон — одно и то же лицо. И если Ланс — отец Коллина, то это делает его твоим сводным или двоюродным братом. Думаю, и то, и другое.

Я почувствовала, как у меня свело живот, и выронила листок бумаги.

Бернадетт выглядела ошеломленной, ее рот открывался и закрывался, как будто она хотела что-то сказать, но слова не выходили.

Я снова посмотрела на Оливию.

— Мой сводный брат стоит за всем этим? Это он забрал Райну? Тауни? — Я махнула рукой в сторону Бернадетт. — Он похитил свою собственную бабушку?

— Он не очень хороший парень, — заметила Оливия, нахмурившись. — Кемп попросил кое-кого, — Оливия сделала паузу и посмотрела на Стоуна, затем снова на меня, — заглянуть в школьные записи Коллина. Боюсь, там есть неприятные факты. Похоже, школа годами пыталась доказать, что Коллин стоит за некоторыми ужасными делами, но ему всегда удавалось выкрутиться из неприятностей.

— Например? — спросила Синда.

Оливия посмотрела на меня и поморщилась отвечая.

— Например, содрать шкурку с белки и оставить ее в шкафчике девочки. И все в таком духе. Жуткие вещи.

— Но ты же говорила, что он бросил школу на первом году обучения в старших классах. Откуда тогда взялись школьные записи?

— История с белкой произошла в средней школе, — пояснила Оливия.

Стоун провел рукой по лбу.

— Синда?

— Да, детектив? — отозвалась Синда.

— Поскольку я предполагаю, что Оливия получила эту информацию не законным путем, можешь включить ее в свой список, чтобы получить ордер на школьные документы Коллина? — спросил Стоун.

— Конечно, — ответила Синда. — Оливия, не могла бы ты прислать мне ссылку на ту газетную статью?

— Конечно, — пообещала Оливия, поднимая телефон и нажимая на кнопки. — Готово. Я перевела взгляд на Стоуна.

— Что насчет третьего тела, найденного в озере? Вы нашли совпадение с ДНК Бернадетт?

— Да, — отозвался Стоун, глядя на Бернадетт. — Судя по результатам, найденная женщина была либо вашей сестрой, либо ребенком. Извините, но если у вас не было другого ребенка, о котором я не знаю, то это Перл.

На лице Бернадетт мелькнуло потрясенное выражение, затем она бесстрастно уставилась на стол.

— Что дальше? — спросила я Стоуна, давая Бернадетт время на осмысление.

— Было бы неплохо, если бы мы смогли найти что-нибудь с ДНК Перл, чтобы получить точное совпадение, — сказал Стоун.

— Я все выбросила много лет назад, — буркнула Бернадетт. — Когда мне впервые сказали, что она умерла.

— А как насчет молочных зубов или погремушки? — спросила Синда.

Бернадетт злобно зырнула на Синду.

— Разве я похожа на женщину, которая хранит гниющие детские зубы?

— Полегче, Берни, — попросила ее Оливия. — Это был просто вопрос.

Мне в голову пришла идея. Я взглянула на Бернадетт, положив руку на ее предплечье.

— Когда Перл и моя мама были детьми, кому-нибудь из них попадал в ногу дротик?

Бернадетт отвернулась, беспокойно ерзая.

По ее реакции я поняла, что девочки из видения — это моя мама и Перл. Я только не знала, в кого из них попал дротик.

— Я не помню, чтобы у моей матери был шрам на ноге.

Бернадетт отвела взгляд.

— Это Перл получила ранение дротиком. Ты счастлива? Несчастный случай. Эмбер не хотела ее ранить.

Я продолжала наблюдать за Бернадетт, пока Оливия объясняла Стоуну, где найти коробку с дротиками. Я никак не могла понять, почему Бернадетт так разволновалась из-за этого случая. Дети совершают глупости. И не зря металлические дротики запретили. Ее девочки не единственные, кто пострадал, играя с ними.

— Что-нибудь еще о Коллине Куэйде или Перл? — поинтересовался Стоун.

Все покачали головами.

— А гостиница? Есть какие-нибудь зацепки, чтобы выследить его? — спросила я.

— Тупик. Комната протерта, — сообщил Стоун.

— А Тауни и Санни? — спросила я.

— Они в безопасности, — ответил Айзек. — Я нашел им другое место для проживания.

Стоун открыл свой блокнот.

— Я переписал свои записи прошлой ночью, пытаюсь их упорядочить.

— Я тоже, — сообщила Оливия, подбегая к стене и отрывая несколько чистых листов бумаги. — Только я написала свои на стене.

— Оливия, мы только что покрасили эту стену, — напомнила я ей.

— Все в порядке, — пробурчала Бернадетт. — Я заказала одну из этих гигантских досок. Моя помощь. Подарок вам двоим по случаю нового бизнеса. — Бернадетт пробормотала себе под нос: — А меня ты исключила.

Стоун фыркнул, затем пригнул голову, его плечи тряслись от смеха.

— Зачитай нам свой список, дорогая, — предложил Айзек Оливии.

— На прошлой неделе мы собирались выяснить, кто покупал выпивку для Райны, когда она была подростком, — приступила Оливия. — Кто-нибудь уже пробовал этот вариант?

— Нет, — ответил Айзек. — Пока не дошли до этого.

— Ладно, тогда я поспрашиваю, — решила Оливия, добавив свои инициалы после этого пункта. — Я по-прежнему жду, когда несколько человек перезвонят мне на предмет необычных покупок отбеливателя, но пока все глухо. — Оливия взглянула на Бернадетт. — Вы нашли что-нибудь на записях камер наблюдения, касающихся взломов?

— Ничего. Я просмотрела их дважды.

— Во множественном числе? То есть не один взлом? — осведомился Стоун.

— Не обращай внимания, — посоветовала я, кивнув Оливии, чтобы она продолжала.

Оливия вычеркнула видео из списка.

— Что насчет «Новы» Бернадетт? Есть отпечатки или ДНК?

— Ничего, — отчитался Айзек. — Слишком много воды. Если там что-то и было, то все смывло.

— Что ты там бормочешь? — недовольно спросила Бернадетт. — Что с моей «Новой»?

Все вздрогнули, ожидая от меня ответа.

— Ну, э-э, твою «Нову» нашли в дренажном пруду. Выше линии воды остался только задний бампер.

— Насколько серьезны повреждения? Где она сейчас находится? — спросила Бернадетт, вставая.

— Эрик Додд отбуксировал ее в свою мастерскую, — сообщил Айзек. — Мы уже осмотрели ее, так что он просто ждет указаний от вас или Давины, что ему с ней делать.

— Тебе стоит нанять Эрика, чтобы он ее восстановил, — посоветовала я ей. — Он увлекается старыми машинами. Уверена, он прекрасно справится с этой задачей.

— Я подумаю, — буркнула Бернадетт, скрестив руки. — Кто-нибудь может меня туда отвезти?

— Сейчас? — спросила Оливия. — Мы вроде как в самом разгаре.

Стоун закрыл свой блокнот.

— Единственное, что еще значилось в моем списке, — это навести справки о компании «Черная Кровь». Мы до сих пор мало что знаем о ней.

— А что еще можно узнать? — спросила я. — Моя мать позаботилась о том, чтобы Коллин ее унаследовал. Значит, ему принадлежит земля рядом с участком Остина?

— И дом рядом с твоим, — заметила Оливия. — А это значит, что у него может быть еще больше собственности.

— Но как? — спросила Синда. — Насколько я могу судить, ни у Коллина, ни у его персонажа Ника никогда не было настоящей работы. Как же он платит налоги? Коммунальные услуги?

Я не знала ответа, поэтому посмотрела на Бернадетт, приподняв бровь.

Бернадетт покачала головой, но я почувствовала, что вопрос ее чем-то задел.

— Что? — спросила я. — О чем ты думаешь?

— Возможно, твоя мать перевела часть своих активов на Коллина. Тогда они не попадают в семейную книгу, поскольку не являются частью семейного траста.

— Но где тогда еще нам искать? — спросила Оливия. — Я просмотрела все базы данных, какие только можно придумать.

— Если в этом замешана моя мать... — Я откинулась на спинку стула, размышляя. — Наверняка ответ спрятан где-то в шкафу.

— Метафорически? — спросила Синда, приподняв бровь.

Оливия фыркнула.

— Не обязательно. Давина постоянно находит юридические документы, спрятанные в шкафах.

Бернадетт кивнула, ткнув в меня пальцем.

— Возможно, ты угадала. Твоя мать любила прятать вещи. Например, деньги, которые ты нашла. Она была такой хитрой.

— Наверно следует проверить это предположение, — посмотрев на меня, заявила Оливия. — Все вещи твоей матери все еще хранятся на чердаке?

— Да.

Оливия достала свой телефон и написала кому-то сообщение. Через минуту она усмехнулась, отправляя второе сообщение.

— Хорошо, Давина, Бернадетт и я пойдем к Давине и разберемся с вещами Эмбер Куэйд, может, она еще что-нибудь спрятала. Брейдон встретит нас там.

— Дай мне ключи от своего грузовика, — попросила Бернадетт. — Я заберу документы из сейфа и подъеду к вам.

Я протянула ей ключи от машины, но беспокоилась, что она собирается ехать к себе домой одна.

— Я последую за вами, — обратился Стоун к Бернадетт. — Мне все равно нужно захватить дротики.

Я расслабилась, оглянувшись на Оливию.

— Тогда я с тобой.

— Вперед, — скомандовала Оливия, выскочив из комнаты в коридор.

Айзек прошел со мной через каждую комнату, помогая выключить свет и запереть двери.

Я ехала с Оливией в джипе Остина к своему дому, но когда подруга свернула на подъездную дорожку, заметила внедорожник Санни, припаркованный у обочины. Я посмотрела на дом, когда Санни и миссис Полсон вышли на крыльцо.

Выскочив из джипа, я обошла его спереди и встала рядом с хихикающей Оливией.

— Что происходит? — шепотом спросила я.

— Ну, это сюрприз, глупышка. Но раз уж ты не любишь сюрпризы, я тебе расскажу. — Оливия потащила меня за локоть к крыльцу. — Бернадетт дала Санни и Тауни деньги на покупку мебели.

— Но я даже не знаю, останусь ли жить в этом доме.

— Мебель досталась бесплатно, — заявила Оливия, пожав плечами. — Мы всегда можем перевезти ее в другое место.

— Верно. — Я поднялась по ступенькам крыльца.

Оливия проскочила мимо меня, весело хихикая, и вошла в дом, чтобы первой взглянуть на новую мебель.

— Она ведь сказала тебе? — усмехнулась миссис Полсон.

— Оливия хорошо меня знает, — ответила я, протягивая свою руку, чтобы Миссис Полсон могла ее взять. — Ладно, дамы, давайте посмотрим.

Я все еще улыбалась, когда все собрались и начали распаковывать коробки с чердака. Новый диван и кушетка были обтянуты мягкой серебристо-голубой тканью. Шторы и декоративные лампы подходили к ним, а новая столовая мебель и стеллажи в гостиной были окрашены в темный оттенок кофе, который отлично смотрелся на фоне свежеевыкрашенных белых стен.

Мебель придавала дому другое настроение, как будто его больше не омрачало прошлое.

Я еще раз обняла Санни и Тауни, прежде чем они ушли. Затем повернулся к Бернадетт.

— Даже не думай меня обнимать, — предупредила она, садясь за стол. Бернадетт пододвинула Брейдону три толстые папки. — Это мои оригиналы, которые, как я ожидаю, будут мне возвращены, но Давина хочет, чтобы ты сделал копии всех документов.

Брейдон поставил последний чердачный ящик рядом с остальными и бегло пролистал папки.

— Что-нибудь из этого связано с компанией «Чёрная Кровь»?

— Нет. Это документы по трасту Куэйдов, а также страховки и завещания Фрэнсиса и Эмбер.

— Понял, — отозвался Брейдон, закрывая папки. — Я пока запроу их в машине. Завтра утром сделаю копии и верну оригиналы.

Когда Брейдон двинулся к двери, Бернадетт бросила на меня недоуменный взгляд.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — ответила Бернадетт, смотря на дверь. — Я просто удивлена. Не ожидала, что человек, женатый на Оливии, будет настолько профессионален.

— Берни, отвали, — проворчала Оливия, выкладывая содержимое одной из коробок на

край стола. — Как мы поступим? — спросила она меня.

— Ты, миссис Полсон и я будем сортировать все либо обратно в коробку, либо в мусорный пакет. Все бумаги, которые мы найдем, отдадим Брейдону или Бернадетт. Они смогут все прочитать и разобрать.

— Подходит, — одобрила Оливия. — Я уже рассказала миссис Полсон о спрятанных деньгах в шкапулке, так что нам просто нужно тщательно проверить каждый предмет.

— Сколько наличных ты нашла? — спросила миссис Полсон.

— Около пяти тысяч, — ответила я, взяв в руки старую куклу и встряхнув ее. Я прислушалась, но ничего не услышала. Заглянула под юбку куклы, но ничего не обнаружила. Я проверила, не отсоединяется ли голова куклы, но она оказалась несъемной. Тогда я бросила куклу в мусорный пакет.

— Может быть, вместо того чтобы выкидывать вещи в мусорное ведро, — огрызнулась Бернадетт, вставая и вытаскивая куклу обратно, — ты просто заново упакуешь все в коробку. — Она взяла пустую коробку, стоявшую рядом с Оливией, и положила в нее куклу.

— Зачем? — спросила я. — Ты хотела куклу?

Миссис Полсон улыбнулась, покачав головой.

— Это антиквариат, дорогая. Уродливая, но может стоить денег.

Мы с Оливией переглянулись, затем посмотрели на некрасивую куклу.

— Ладно, хорошо, тогда обратно в коробку, — кивнула Оливия, складывая в коробку несколько детских ложек.

Мне очень хотелось поискать в Интернете изображения кукол, чтобы выяснить, стоит ли она что-нибудь, но вместо этого я взяла деревянную шкапулку и вытащила из нее клочки бумаги, еще раз проверив, нет ли там других потайных отделений. Оставив в шкапулке только кулоны и кольца с лунным камнем, я, молча, показала их Бернадетт.

— Избавься от них, — поморщилась Бернадетт. — Зачем они тебе в доме?

— Это мамины. Она подарила нам с Райной ожерелья из лунного камня, когда мы были подростками. В начале этой недели я поняла, что кулон с лунным камнем влияет на мои способности.

— Дело не в лунном камне, глупое дитя. Это резьба и слой гессонита на обратной стороне, и они причиняют мне страдания. Избавься от них. Отдай Оливии.

Оливия взяла деревянную шкапулку и поспешила выйти с ней за дверь.

Вытирая пот со лба, Бернадетт бормотала проклятия. Что бы ни испортило драгоценности, я не хотела этого знать. На этой неделе и так хватало семейных откровений.

Следующей в коробке лежала мамина книга рецептов. Не утруждая себя открыванием, я протянула ее через стол Бернадетт. Она взглянула на меня и, открыв книгу на середине, начала читать. Она успела прочитать не более двух предложений, как ее брови взлетели вверх. Пролистав обратно страницы, она вернулась к первой и придвинула книгу поближе к себе.

«Я не хочу знать», — подумал я, поднимая следующую коробку и ставя ее на пустой стул.

Час спустя мы добрались до двух последних коробок, когда Оливия начала подпрыгивать на месте.

— Еще деньги.

— Я этого не слышал, — проворчал Брейдон, читая один из юридических документов.

— Сколько? — спросила миссис Полсон, глядя в компактное зеркальце, которое нашла

Оливия.

Оливия пересчитала купюры.

— Шесть хрустящих стодолларовых банкнот.

— Неплохо, — отметила я. — Это вдвое больше, чем на моем банковском счете.

Оливия засунула купюры в мой карман.

— О, я только что вспомнила. Я принесла твой блокнот со всеми твоими вопросами.

Между страницами лежали еще какие-то бумаги. — Она метнулась к входной двери и исчезла. Когда Оливия вернулась, то достала документы, засунутые между страницами блокнота. Пролистав их, она остановилась на найденном мной документе без названия. — Что это за бумаги?

— Я тебе их отправляла, помнишь?

Оливия просмотрела три страницы.

— Я получила свидетельство о смерти и дополнение о собственности, но не этот набор документов.

Вытащив свой телефон, я проверила сообщения. Телефон показывал, что последняя партия документов не была отправлена.

— Черт. Виновата. Они не ушли.

Оливия сморщила нос.

— Брейдон, это выше моих сил. — Она обошла стол и протянула ему бумаги. — Что там?

Брейдон изучал документы, перелистывая страницы. И вдруг он вскочил со стула, не отрывая глаз от бумаг.

— Это то, что мы искали. Эмбер Куэйд перевела несколько инвестиционных счетов и несколько объектов недвижимости. Этот дом и ее личный банковский счет перешли к Давине. Но у нее было еще два объекта недвижимости плюс инвестиционный счет, который она передала компании «Черная кровь». Один из этих двух объектов — дом по соседству.

У меня подкосились колени, и я упала на стул.

— Моя мать отдала моему сводному брату деньги и недвижимость? Почему?

— Есть адрес другой собственности? — спросила Оливия, доставая свой телефон.

Брейдон назвал адрес, пока Оливия записывала его на листке бумаги.

— Нам нужна карта, — заявила Оливия. — Мое приложение в телефоне не работает.

— У меня дома есть карты, — проговорила миссис Полсон. — В кухонном ящике рядом с холодильником.

Оливия снова исчезла за входной дверью. Я посмотрела на Бернадетт, но она не обращала на нас внимания, продолжая читать книгу рецептов, которую я дала ей час назад.

Я взглянула на Брейдона.

— В бумагах есть еще что-нибудь?

— Не много. Только то, что она перевела их в компанию «Чёрная Кровь».

— Я написала Кемпу, — сообщила Оливия, бегом вернувшись в дом и освободив один конец стола, чтобы развернуть карту. — Он нашел адрес другой недвижимости. Право собственности вновь передавалось около шести лет назад.

— Кому? — спросила я.

— Хм, — протянула Оливия, глядя на карту.

— Выкладывай, — велела Бернадетт, не отрываясь от книги с рецептами.

— Ладно, хорошо, — закатив глаза, проворчала Оливия. — Ее передали в собственность

компании «Черная кровь 2». Так как она называлась по-другому, мы и не нашли ее раньше.

Если бы я уже не сидела, то бы точно упала. Я покачала головой, проводя рукой по волосам.

— Коллин разделил активы, чтобы их было сложнее найти, — не поднимая ни на кого глаз, пояснила Бернадетт. — Ловко.

— Это плохая шутка, да? Моя семья не настолько безумна?

— О, с твоей семьей все в порядке, — хихикнула Оливия, кивая на Бернадетт.

— Осторожнее, девочка, — предупредила Бернадетт.

— Оливия, где находится недвижимость? — спросил Брейдон.

— К югу от Дейбрик-Фоллс, не доезжая до Сити, — объяснила Оливия, указывая на карту. — Судя по карте, примерно посередине между ними.

— Может, позвонить Айзеку или Стоуну? — подумала я.

— Она оформлена на другую компанию, — напомнил мне Брейдон. — Если у полиции уже есть ордер, то только на первоначальную компанию. На вторую он не распространяется.

— Но ведь они могут просто получить новый ордер? — спросила я.

— Им будет трудно доказать, что все это связано между собой, — заметил Брейдон, взяв в руки бумаги, которые читал. — Это целая сеть передачи собственности, без четко определенного владельца. На то, чтобы разобраться во всем, может уйти несколько дней.

— А значит, у полиции нет оснований для обыска, — подвела итог Оливия.

Брейдон отодвинул стул, и обошел стол.

— Я поеду в полицейский участок и передам им копии всех документов. Чем раньше они начнут, тем быстрее смогут что-то сделать.

— Я жду, когда мне в офис пришлют по факсу кое-какие документы, — проговорила Оливия. — Вернусь примерно через час. Вы можете закончить с этими коробками без меня?

— Конечно, дорогая, — улыбнулась миссис Полсон. — Мы все равно уже почти закончили.

— Если повезет, мы закроем дело в ближайшие день-два, — заявила Оливия, выходя за дверь.

— Моя жена, — покачал головой Брейдон, тоже направляясь к двери. — Как всегда оптимистка.

Нам с миссис Полсон потребовалось еще полчаса, чтобы разобраться с двумя последними коробками. Мы нашли еще несколько бумаг, но они не выглядели важными. Миссис Полсон закончила работу и ушла домой. Я перетасила заполненные коробки обратно на чердак.

Бернадетт все еще копалась в книге рецептов.

— Ты можешь взять ее с собой. Необязательно читать все сегодня.

— Не то чтобы мне требовалось твое разрешение, — пробормотала Бернадетт. — На минуточку, она была моей дочерью.

— Даже не начинай язвить. — Я достала тарелку с оставшимися с прошлого дня гамбургерами и переложила некоторые на тарелку, чтобы разогреть. — Я еще не смотрела эту книгу. Она попалась мне на прошлой неделе, но я постоянно была занята. Полагаю, в ней не так много рецептов запеканок, если она привлекла твое внимание.

— В ней есть несколько рецептов, но они больше касаются ядовитых жаб, — пробурчала Бернадетт, закрывая книгу. Она оглядела дом. — И что теперь? Мы вернемся ко мне?

— Я думала остаться здесь на ночь. Моя спина не выдержит еще одной ночи на полу в твоей гостиной, и меня все еще пугает история с ножом под подушкой.

Бернадетт посмотрела в сторону моей гостиной, изучая мой новый диван.

— У тебя есть лишние одеяла и подушки?

— Да, много. — Я включила микроволновку. — Хотя формально я не приглашала тебя остаться.

— Хмф. Насколько я помню, я тоже не давала разрешения ночевать в моем доме. — Бернадетт снова открыла книгу. — Сколько еще до ужина? Я проголодалась.

Я представила, как сейчас наброшусь на нее, но передумала. Вместо этого я достала булочки для гамбургера и приправы.

После еды я убрала посуду, затем вытерла стол и кухонные столешницы. Я пыталась придумать, что еще могу сделать, чтобы найти Ника Хурона, или как он там сегодня назывался. Я могла бы помочь Оливии в ее поисках, но она еще не вернулась. Может она опять заснула за своим столом. А может, Брейдон убедил ее закончить работу и отправиться домой, но почему никто из них не позвонил и не сказал мне об этом?

Я взяла со стола свой телефон и набрала номер подруги.

Оливия ответила на первом гудке, прошептав:

— Да?

— Привет, я просто звоню, чтобы узнать, придешь ли ты ко мне сегодня вечером?

— Я не уверена, — снова прошептала Оливия. Что-то в ее голосе, кроме шепота, звучало странно.

— Где ты? — спросила я.

— Да вот, вышла по делам.

— Что за дела?

— Ну, знаешь, всякие разные.

Я опустила взгляд на блокнот с адресом другой недвижимости.

— Скажи мне, что это не так. Скажи, что ты не поехала на тот участок одна.

— Хорошо, я не скажу, — прошептала Оливия. В ее голосе слышалась улыбка. — Я просто разведываю, ладно? Я припарковалась у дороги и пробралась через лес. Если я увижу нашего субъекта, я позвоню Стоуну или Айзеку.

— Уходи оттуда, Оливия. Это опасно.

— Не могу сейчас говорить. Пока.

Звонок оборвался. Я долго смотрела на телефон, потом схватила бумажку с адресом и направилась к двери.

— Я с тобой, — заявила Бернадетт, торопясь меня догнать.

Благодаря указаниям Бернадетт мы быстро нашли нужную нам дорогу, а затем притормозили, чтобы отыскать джип Остина.

— Там! — махнула рукой Бернадетт. — Видишь бампер, торчащий из кучи вечнозеленых деревьев?

— Вижу, — ответила я, свернув в поле и припарковавшись рядом с джипом. — Мне это не нравится. Надо позвонить в полицию.

— И что сказать? Что Оливия вторглась на чью-то территорию?

— Это сработало в доме Ника. Мы вломились в дом, а потом полиции пришлось последовать за нами внутрь, потому что они стали свидетелями преступления. Так мы нашли тебя.

— Но Оливии нет внутри. У полиции пока нет оснований обыскивать дом. Максимум, что они могут сделать, это выпроводить ее с территории, но поскольку владелец дома не звонит, они могут даже не поехать сюда.

Я поставила телефон на виброзвонки и положила его в задний карман. Пошарила в

сумочке, но там не оказалось ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия.

— Ладно. Я пойду за Оливией и притащу ее сюда. Но ты оставайся в машине. Запри двери.

— Меня уже один раз похитили на этой неделе, — пробурчала Бернадетт. — Я не останусь здесь одна.

— Понимаю, что ты не хочешь оставаться одна, но если пойдешь со мной, тебя, скорее всего, снова похитят.

— Я иду, — объявила Бернадетт, открывая дверь и выходя из машины.

Я со вздохом выскочила из машины, стараясь не хлопнуть дверью. Открыла заднюю дверь, поискала взглядом оружие, но ближе всего оказалась старая зубная щетка, лежавшая в моем контейнере для чистки. Я сунула ее в карман. Это лучше, чем ничего.

Бернадетт обогнула задний борт грузовика и направилась ко мне.

— Где твой пистолет?

— У меня нет пистолета.

— У каждого есть пистолет.

— Ну и где твой?

— Дома, — хмуро ответила Бернадетт.

— Хорошо. По крайней мере, мне не придется переживать, что ты споткнешься и выстрелишь мне в спину, — сказала я, направляясь к лесу.

Я чувствовала, Бернадетт идет за мной, но удивлялась, что не слышу ее шагов, когда мы пересекали участок леса в поисках Оливии. Как я ни старалась, мне не удавалось вести себя тихо. Каждый раз, когда я хрустела веткой или спотыкалась, то слышала тяжелый вздох Бернадетт позади себя.

Когда мы вышли на поляну, Бернадетт потянула меня за собой, чтобы я присела рядом с ней на корточки. Перед нами стоял старый фермерский дом, окруженный зарослями бурьяна и кустарника. Дом выглядел пустым, если не считать единственной лампочки, включенной в дальнем углу. По размеру и стилю окна я предположила, что это кухня.

— Ты видишь ее? — прошептала Бернадетт.

— Нет. Что нам делать?

— Иди за мной. Но если ты не хочешь, чтобы нас обоих прикончили, смотри, куда встаешь. От тебя шума больше, чем от носорога.

Я постаралась идти строго за Бернадетт, ступая туда, куда она ступала, и следя за тем, как она огибает ветки или сдвигает их в сторону, чтобы не шуметь. Я повторяла ее движения, вздрогнув в тот единственный раз, когда пропустила ветку, и она хрустнула под ногой.

Бернадетт оглянулась через плечо, но продолжала идти вперед, ведя нас по краю леса, все дальше от дороги. Когда она снова остановилась, мы увидели заднюю часть дома с ближайшей к нам стороны, но деревья уже заканчивались. Чтобы пройти дальше, нам предстояло пересечь участок открытого поля и добраться до следующей группы деревьев.

Бернадетт просканировала просвет.

— Даже не думай об этом, — прошептала я.

Бернадетт оглянулась на меня через плечо.

— Она пошла в ту сторону. Видишь ее следы?

Я посмотрела туда, куда она указывала, но не увидела ничего, кроме бурьяна. Я покачала головой.

— Из тебя получился бы ужасный охотник, — проворчала Бернадетт.

Я пожалала плечами и снова посмотрела на дом.

— Что будем делать?

— Как понимаю, у нас два варианта. Либо мы возвращаемся к грузовику и ждем, либо бежим к следующему участку леса.

Возвращаться к грузовику без Оливии не хотелось. Она никогда не оставила бы меня, а я никогда ее не брошу. Но переходить открытое поле, не имея запасного плана, тоже казалось плохой идеей.

Не дав Бернадетт возможности меня отговорить, я написала Айзеку и Стоуну, сообщив им адрес и объяснив, что Оливия отправилась на разведку. Схватив Бернадетт за руку, я подтолкнула ее к пролomu в деревьях. По крайней мере, если нас поймают, помощь уже будет на подходе.

Пригнувшись, мы поспешили через открытое поле. Перебежав его, скрылись за группой деревьев и остановились, чтобы сориентироваться. Мы обе запыхались.

Я уже собиралась спросить Бернадетт о следах Оливии, когда увидела, что ее глаза расширились, испугавшись чего-то позади меня. Когда я обернулась, чтобы посмотреть, что-то врезалось мне в череп. Мое зрение помутилось, и я почувствовала, что падаю.

Когда я пришла в себя, Оливия поглаживала одной рукой мое лицо, а другой закрывала рот, не давая говорить. Я несколько раз моргнула, затем кивнула, оглядываясь по сторонам. Мы находились в комнате с осыпающейся штукатуркой и деревянным полом из необработанных досок. На каждой из четырех крошащихся стен в ряд блестели прикрепленные ритуальные ножи.

Глядя на них, я прикусила нижнюю губу, чтобы не заскулить. Ножей здесь было не меньше пятидесяти. И каждый из них совпадал с ножами, которыми покончили с собой мои родители.

Оглянувшись через плечо, я увидела Бернадетт, примотанную скотчем к стулу. Она смотрела на Оливию широко раскрытыми глазами. Я посмотрела вниз: Оливия с помощью маленького перочинного ножа разрежала скотч между моими лодыжками, а затем переместилась за стул, чтобы освободить руки и туловище.

Когда руки оказались свободными, я переместила их вперед, а Оливия бесшумно двинулась к Бернадетт, чтобы освободить ее. Оливия была одета в темную одежду, вплоть до черных кроссовок. Я не заметила на ней скотча, как и другого стула в комнате. Должно быть, она пробралась внутрь, не попавшись на глаза.

Я боялась за подругу больше, чем за себя. У Оливии дома были муж и двое мальчиков, которые нуждались в ней. Я не могла допустить, чтобы с ней что-то случилось. Потянувшись вниз, я прижала свободные концы скотча к одежде, чтобы они не шумели. Если Оливии удалось пробраться внутрь незамеченной, то у нас троих был шанс выскользнуть обратно.

Я поднялась со стула, придерживая его, чтобы он не качнулся. Затем помогла встать Бернадетт, и мы вместе двинулись к двери. Я потянулась к ручке, но не успела открыть дверь, как она распахнулась. Мы с Ником Хуроном удивленно уставились друг на друга, а затем он набросился на меня, повалив нас всех троих на пол, как кегли для боулинга.

Я ничего не знала ни о работе частного детектива, ни об оружии, ни о чем-либо другом, что знали профессионалы в борьбе с преступностью. Но с подросткового возраста я становилась жертвой физических нападений. Я принялась молотить Ника кулаками и бить ногами, дошло даже до того, что я пыталась его укусить.

Я чувствовала, как руки и ноги Оливии и Бернадетт зажаты подо мной, когда они пытались освободиться. Я сжала пальцами ухо Ника и дернула его влево. Он вскрикнул, наклонившись вбок. Согнув свободную ногу так, что ступня уперлась в пол, я толкнулась влево, перекатив нас обоих на бок и освободив Оливию и Бернадетт.

Когда он отбросил мою руку от своего уха, я ударила его коленом в пах, но не попала в цель. Ник схватил меня за шею и стал душить, прижимая спиной к полу. Пока я пыталась отбиться, на его лице появилась медленная улыбка. Как будто дежавю. Его выражение лица повторяло черты монстра. Монстра, который годами жил в сознании моего отца. Ненависть. Ярость. Убийство.

В глазах помутнело, пока я пыталась вырваться из его хватки, нанося удары ногами и руками.

Краем глаза я заметила поднятый деревянный стул. Я невольно зажмурилась и вздрогнула, когда стул врезался в череп Ника.

Открыв глаза, я схватила Ника за рубашку и перевернула нас обоих, когда его тело

обмякло. Только он ударился спиной об пол, я почувствовала, как меня тянут вверх, чтобы я встала.

— Уходим, — скомандовала Оливия, подталкивая Бернадетт к двери.

Совершенно согласная, я поспешила за ними, пока черный туман не разделил нас. Я оглянулась, даже повернулась кругом, но не смогла пробиться сквозь клубы черного тумана. Я в видении, поняла я. Но как?

Я попыталась вызвать свои экстрасенсорные двери, но они не появились. Попробовала ощутить свое физическое тело, но не смогла его почувствовать. Я старалась расслышать голоса Бернадетт и Оливии, но не смогла.

Мое дыхание сбилось, и меня охватила паника. Я оказалась в ловушке. Я побежала в одну сторону, потом в другую, но ничего не чувствовала и не видела за черным клубящимся туманом. Упав на колени, я почувствовала под собой деревянную поверхность. Я находилась не на улице. Не на заднем дворе Бернадетт, как в других видениях. Я все еще была в комнате.

В голове крутились мысли о том, как спастись. Потом я вспомнила, как падала в видении, проваливаясь в темноту. Я использовала свои способности, чтобы сопротивляться. Я вытолкнула наружу воображаемые сверхспособности белого света, контролируя пространство вокруг себя.

Закрыв глаза, я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, отвела плечи назад, запрокинула голову и представила себе способности супермена.

Когда я открыла глаза, то увидела, что черный туман отступает.

Сдвинув руки перед собой, представила, как из них бьет белый свет, отталкивая злой туман. Я чувствовала себя могущественной. Я чувствовала себя хозяйкой положения.

Я наблюдала, как туман под действием белого света отступает назад, а затем полностью рассеивается...

Посмотрев по сторонам, я увидела осыпающиеся стены старого фермерского дома. Я лежала на полу, а сверху на меня навалились Оливия и Бернадетт, крепко держа. Айзек стоял в дверях с пистолетом наизготовку и с ужасом глядел на меня. Я почувствовала боль в запястье и повернулась. Стоун жестко сжимал мое запястье, а другой рукой вырывал из моих пальцев церемониальный нож.

— Отпусти нож, дитя! — завопила Бернадетт в двух дюймах от моего лица.

Я разжала пальцы. Стоун схватил нож и швырнул его через всю комнату. Отпихнув Оливию и Бернадетт в сторону, он перевернул меня на живот, а затем сковал мои руки наручниками.

Плохо дело, подумала я, когда он снова перевернул меня и помог сесть прямо.

Я бросила взгляд в сторону и увидела рядом с собой Ника Хурона, который все еще лежал на полу, но уже начал приходить в себя. Я снова посмотрела на Стоуна, но он пристально изучал мою шею, прижимая к ней что-то.

— Что такое? — спросила я.

Стоун поднял бровь, его взгляд переместился на меня.

— Это ты, снова ты?

Я приподняла свою бровь в ответ.

— Ты пыталась зарезать себя, Давина, — проговорила Оливия, опускаясь на колени рядом со мной и прижимая меня к себе. — Я так испугалась. Если бы Стоун не появился...

Я снова встретилась взглядом со Стоуном, пока Оливия плакала у меня на плече. Без слов я спрашивала его, так же ли умерли мои родители. Он понял вопрос, и слегка кивнул.

Я уставилась в потолок, слезы текли по моему лицу. Наконец-то. Наконец-то я узнала, что случилось с моими родителями. Они не покончили жизнь самоубийством. Они не бросали меня.

Оливия отстранилась, болтая без умолку, но я не слушала. Я посмотрела на Ника Хурона и увидела, что он почти пришел в себя. Его глаза были открыты, но все еще расфокусированы. Должно быть, Оливия здорово его стукнула.

Только... Если он был без сознания... Тогда кто втянул меня в это видение?

Я взглянула на Айзека.

— Здесь есть кто-нибудь еще?

Айзек покачал головой.

— Нет. Я уже осмотрел дом. Только мы.

Я оглядела стены, изучая ножи.

— Это еще не конец.

Субботний вечер

Я выбрала для службы вечер на закате. В детстве это было мое любимое время суток. Отец приходил с работы, снимал заводскую форму, принимал душ, и мы проводили время вдвоем. Мы возились в гараже, гуляли по окрестностям, отец помогал мне с домашним заданием — это было наше общее время.

И вот теперь на закате мы отдавали дань памяти моему отцу, стоя в свободном кругу возле его гроба, объединенные минутой молчания. Я думала обо всех тех крошечных мгновениях, которые разделила с отцом, ожидая, что горе захлестнет меня, но этого не произошло.

Я чувствовала оцепенение. Чувствовала себя потерянной. Я ощущала себя оторванной от человека, которого мы хоронили.

Может быть, это потому, что мысленно я оплакала своего отца много лет назад, а его тело упокоилось только сейчас. А может, оттого, что у меня кончились слезы по своей детской семье. Впрочем, я могу заплакать завтра.

Я знала, что Бернадетт стоит рядом со Стоуном в нескольких футах позади меня, держась на почтительном расстоянии. Я все еще злилась на нее за то, что она без спроса перенесла место захоронения моего отца. Бернадетт определила место, где была похоронена моя мать, как участок, предназначенный только для родственников Куэйдов, и когда я узнала об этом, было уже слишком поздно.

Так что вместо того, чтобы покоиться рядом с моей мамой, папу похоронили в углу кладбища, рядом с цветущими кустарниками. Возле его надгробия высились два высоких саженца, оба переполненные цветущими лианами. Хотя это не совсем то, что я планировала, в душе понимала, что отцу понравится это место. Особенно ему понравилась бы гравировка на надгробии: *«Благородный человек, замечательный отец и друг для всех, кто его по-настоящему знал. Покойся с миром, наш дорогой Фрэнсис»*.

После того как Ланс произнес прощальную речь, я вкратце рассказала о своих самых приятных воспоминаниях, а затем кивнула проповеднику Эвансу, чтобы он завершил службу. Когда он это сделал, я подошла и поцеловала кончики пальцев, прежде чем прикоснуться к крышке гроба.

— Прощай, папа, — прошептала я, поворачиваясь, чтобы увести всех с кладбища.

Я прошла не более десяти шагов, когда почувствовала, как что-то по спирали приближается к моей спине. Я рухнула на землю, распластавшись на траве и закинув руки за голову.

Я ожидала боли, но ее не последовало.

— Давина... — проговорила Оливия, на половину спрашивая, а на половину утверждая. — Все в порядке?

Я выглянула из-под руки и увидела перед собой ее черные туфли на каблуках. Я посмотрела на Оливию, но она с озадаченным выражением лица оглядывалась по сторонам. Опустив руки, я обнаружила, что Бернадетт и Тауни тоже упали на землю. Санни стояла, нависая над Тауни. Стоун крутился на месте, держа пистолет наготове, и искал источник нашей паники.

— Бернадетт? Тауни? — позвала я. — Вы в порядке?

— Что это было? — спросила Тауни, поднимаясь с земли. Ее немного пошатывало, но в остальном она выглядела нормально.

— Я в порядке, — отозвалась Бернадетт, с трудом поднимаясь на ноги в своем черном платье-футляре.

Стоун убрал пистолет в кобуру и помог Бернадетт подняться.

— Что случилось?

Взяв Оливию за руку, я встала и посмотрела в густую чащу леса, где росли цветущие кусты. Закрыла глаза, призывая свои экстрасенсорные двери. Я оставалась по эту сторону стекла, наблюдая за другой стороной. Сквозь стекло я разглядела только солнечный свет на заднем дворе Бернадетт. Никакого тумана. Никаких грозовых туч. И все же я знала, что там что-то есть. Я чувствовала это. И это ощущение казалось мне знакомым. Я встречала его раньше, как в своем доме, так и у Бернадетт.

Я ждала, наблюдая, прислушиваясь.

Пейзаж по ту сторону стекол изменился. Небо потемнело, и за стеклом за клубился густой угольный туман. Я пристально вглядывалась в стекло, сосредоточившись на энергии, которую ощущала по ту сторону. Она приближалась, становилась сильнее.

Из тумана появилась темная фигура, но я не могла разобрать, кто это. Знала только, что это женщина. Она держалась на расстоянии, не приближаясь настолько, чтобы я разглядела ее полностью. Я различила концы темного плаща, развевающиеся на ветру, когда буря на той стороне набрала силу. Увидела, как длинные светло-каштановые волосы развеваются вокруг ее затененного лица.

Услышав голос, зовущий меня издалека, я вздрогнула от ужаса.

Открыв глаза, я встретилась взглядом с Бернадетт.

— Кто это, дитя? — спросила Бернадетт. — Кто это делает?

Я упала на колени, потом откинулась назад на пятки, слишком измученная, чтобы продолжать стоять.

Бернадетт подошла ко мне и наклонилась так, что ее лицо оказалось в нескольких дюймах от моего.

— Выкладывай. Кто это?

— Райна, — задыхаясь, пролепетала я, поднося руку ко рту, с трудом веря собственным словам.

Конец второй книги